

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№8 АВГУСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2013

В любую точку на карте мира!

Дорожная карта

ТУРИСТИЧЕСКОЕ
АГЕНТСТВО

- Экскурсионно-познавательные туры
- Деловой туризм и шоп-туры
- Пляжный отдых
- Лечебно-оздоровительные и SPA-туры
- Индивидуальные путешествия
- Горнолыжные туры
- Свадебные туры
- Детские туры

Кроме популярных мировых направлений – организация отдыха и туризма на черноморском побережье ближнего зарубежья: Абхазия, Грузия, Украина.

БЕСПЛАТНЫЙ
трансфер в Москве –
в аэропорт или обратно.

107996, Москва
Кузнецкий мост, 21/5
этаж 3, офис 3042
Тел. (495) 626-03-43
Email: info@dktour.ru
www.dktour.ru

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Обречённый император**.....4

Это интересно

Майя Орлова **Человек с буранного полустанка**.....22

Денис Логинов **Барон Фердинанд**.....40

Евгения Белогорцева **Освобожденный талант**.....114

Рассказ

Олег Лебедев **Сандра**..... 28

Память

Светлана Марлинская **Последний орфей**..... 46

Житейские истории

Андрей Лопатин **Дела семейные**.....60

Шедевры

Ирина Опимах **«Остров мертвых»
Арнольда Беклина**66

Минувшее

Алла Зубкова **Жозефина —
императрица Франции** 76

Наши публикации

Рода-Рода **Призрак замка Яново**92

**Мадонна
со стеклянными глазами**97

Звезды не гаснут

Евгения Гордиенко **Ваши пальцы пахнут ладаном**..... 102

Поэзия

Сергей Гончаренко **Стихи**..... 110

Посмеемся вместе

Ия Йохимка **Бывших мужей не бывает** 122

Возвращайся..... 123

Занзибарская тятя..... 124

Детектив

Наталья Солдатова **Красные лилии**126

Кроссворд. Эрудит**188**

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Обложка	Константин Мирошник «Камушек»
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
е-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 7500 экз.

Зак. №1705

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.07.2013

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Здравствуйте, уважаемая редакция «Смены»!

Никогда не писала писем ни в какую редакцию, но сейчас, как говорится, «не могу молчать», т.е. не могу не выразить благодарность за публикацию в журнале серии исторических статей о российских царях или великих личностях, оставивших заметный след в нашей истории.

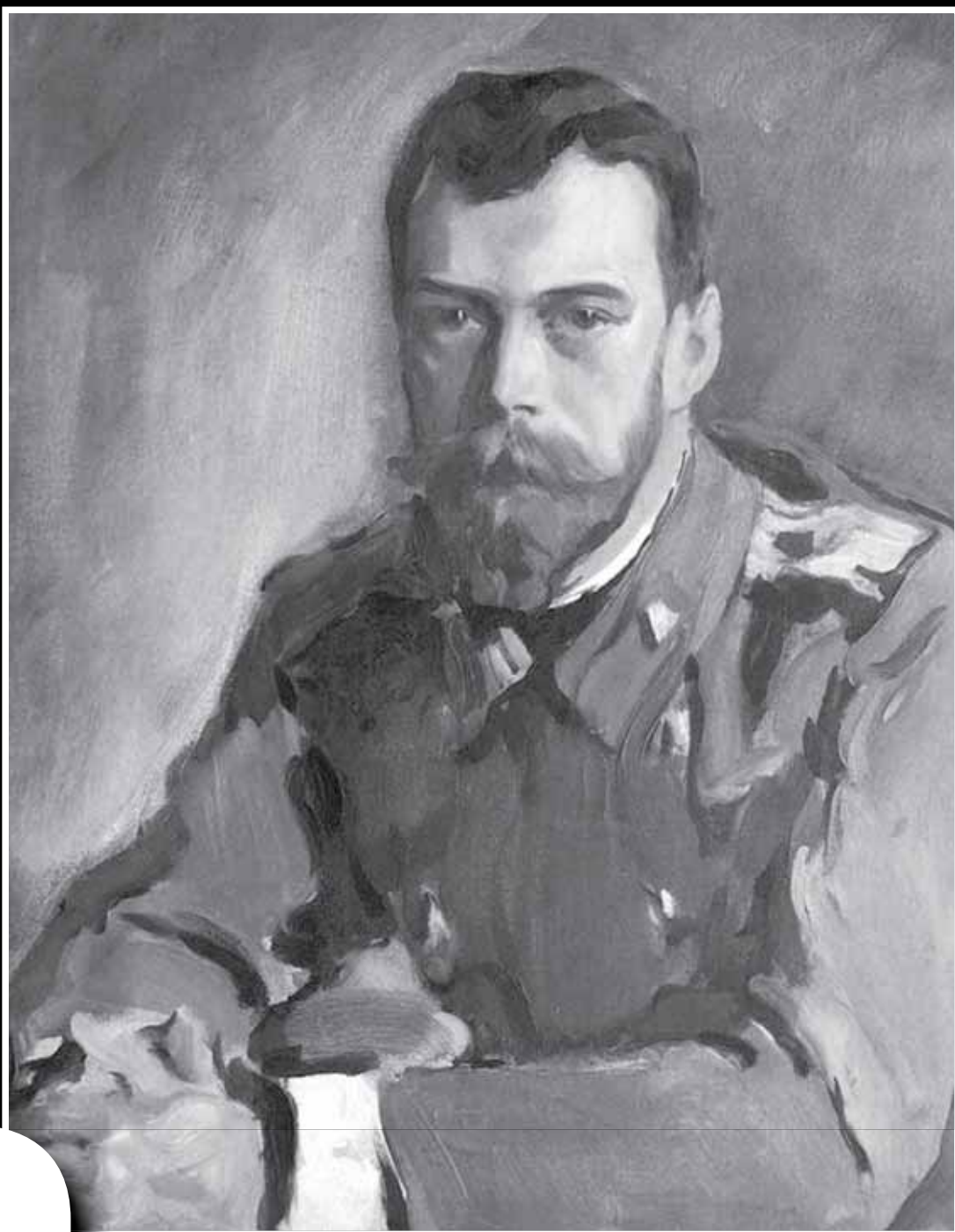
Я вообще большая любительница чтения на исторические темы, но вот о царе Федоре Алексеевиче или царице Прасковье Федоровне довелось прочесть крайне мало, поэтому с удовольствием ознакомилась с публикациями в вашем журнале. Также очень интересным показалась точка зрения автора Светланы Бестужевой, считающей, что сложившееся общепринятое мнение о брате Петра I царе Иване может быть не совсем объективным, искусственно сформированным по политическим мотивам.

Словом, с нетерпением ожидая очередной номер журнала, я ни разу не была разочарована в своих ожиданиях. Очень надеюсь, что «Смена» и дальше будет радовать любителей истории возможностью ознакомиться на ее страницах с интересными фактами и судьбами тех, кто известен своей причастностью к самым важным событиями Истории Государства Российского.

*С наилучшими пожеланиями журналу «Смена»,
постоянная читательница*

Валентина Стрелкова,
г. Пятигорск

Светлана
Бестужева-Лада

Обречённый

Трагедия жизни императора Николая II состояла в неразрешимом противоречии между его глубочайшим убеждением в необходимости сохранения основ и традиций России и нигилистическими попытками значительной части образованных (!) слоев общества разрушить их. И речь шла не только о сохранении традиционных форм управления страной, а о спасении русской национальной культуры, которая, как он чувствовал, была в смертельной опасности.

Кроме того, будучи безупречным мужем и отцом (явление в семействе Романовых почти уникальное), он был обречен всю жизнь защищать свою семью от нападок извне. Прибавим к этому трагедию рождения неизлечимо больного единственного сына, трагедию, которую окружающие просто отказывались понимать и воспринимать всерьез.

Из его дневников и переписки видно, какие страшные моральные страдания он испытывал. Чувствуя себя ответственным за судьбу не только своей семьи, но и всей России, он не находил в себе достаточно внутренних сил, чтобы вынести это чувство ответственности.

Результат: предательство ближайших людей, отречение от престола и подвал Ипатьевского дома. Непосильная ноша, в конце концов, раздавила и императора, и тех, кто находился рядом с ним, и, в конечном итоге, всю прежнюю Россию вместе с теми, кто радостно шествовал с красными бантами по улицам Петрограда, празднуя «конец тирана» — отречение Николая от престола...

ИМПЕРАТОР

Николай Александрович Романов, будущий император Николай II, родился 19 мая 1868 года у престолонаследника Александра Александровича и его супруги Марии Федоровны, урожденной датской принцессы Дагмар. В дневнике Александра III сохранилась запись:

«Бог послал нам сына, которого Мы назвали Николаем. Что за радость была, этого нельзя себе представить, Я бросился обнимать Мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так было легко на душе и приятно... а потом пришел Я.Г. Бажанов читать молитвы, и Я держал Моего маленького Николая на руках».

Первенец, желанный и всеми любимый, получил воспитание и образование под личным руководством своего отца, на традиционной религиозной основе, в спартанских условиях.

Детей в семье было пятеро — Николай (самый старший), Георгий, Ксения, Михаил и Ольга. Отец приучал своих детей спать на простых солдатских койках с жесткими подушками, утром обливаться холодной водой, на завтрак есть простую кашу. Первое, конечно, еще бессознательное, знакомство Николая с простыми русскими людьми происходило через кормилицу-мамку. Выбирались мамки из русских крестьянских семей и по окончании своей миссии отправлялись обратно в родные деревни, но имели право приезда во дворец в день ангела своего питомца и к празднику Пасхи.

Во время этих встреч подростки беседовали со своими кормилицами, впитывая в сознание народные обо-

роты русской речи. Как справедливо отметил один из современников, *«при невероятной смеси кровей в Царской семье эти мамки были, так сказать, драгоценным резервуаром русской крови, которая в виде молока вливалась в жилы Романовского Дома, и без которой сидеть на русском Престоле было бы очень трудно. Все Романовы, у которых были русские мамки, говорили по-русски с налетом простонародности. Так говорил и Александр III. Если Он не следил за собой, то в Его интонациях... было что-то от варламовской раскатистости».*

Поощрялись подвижные детские игры, физическая работа в саду. Николай и другие дети часто посещали птичий двор, оранжерею, ферму, работали в зверинце. Им дарили птиц, гусей, кроликов, медвежат, за которыми они сами ухаживали: кормили их, чистили. В детских комнатах постоянно жили птицы — снегيري, попугаи, канарейки, которых дети забирали с собой, когда летом уезжали в Гатчину.

Николай был тихим и задумчивым ребенком. С ранних лет в нем уже сказывались основные черты характера, и — прежде всего — самообладание.

«Бывало, во время крупной ссоры с братьями или товарищами детских игр, — рассказывал его воспитатель К.И. Хис, — Николай Александрович, чтобы удержаться от резкого слова или движения, молча уходил в другую комнату, брался за книгу и, только успокоившись, возвращался к обидчикам и снова принимался за игру, как будто ничего не было».

Регулярные домашние занятия Николая начались, когда ему исполнилось 8 лет. Учебная программа включала восьмилетний общеобразовательный курс и пятилетний курс высших наук. В основе лежала измененная программа классической гимназии, вместо латинского и греческого языков изучались минералогия, ботаника, зоология, анатомия и физиология. Курсы истории, русской литера-

туры и иностранных языков были расширены. Цикл высшего образования включал политическую экономию, право и военное дело (военное право, стратегию, военную географию, службу Генерального штаба). Проводились также занятия по вольтижировке, фехтованию, рисованию, музыке.

Николай с детства любил историческую и художественную литера-

туру, читал ее как на русском, так и на иностранных языках и даже как-то признался, что, «если бы был частным человеком, то посвятил бы себя историческим трудам». Со временем обнаружились и его литературные пристрастия: цесаревич Николай с удовольствием обращался к Пушкину, Гоголю, Лермонтову, любил Толстого, Достоевского, Чехова...

Большое внимание уделялось и военной подготовке будущего царя. Для ознакомления с военным бытом наследник (первый случай в династии Романовых!) даже участвовал в лагерных сборах и в 1892 году был произведен в полковники.

ние на государя императора Александра II, произведенное террористической организацией «Народная воля». В результате взрыва погибли 11 человек, около восьмидесяти было ранено, в основном, солдат лейб-гвардии Финляндского полка и лакеев. Они лежали окровавленные, обгоревшие, искалеченные, разорванные на куски... Простые русские люди. Тот самый русский народ, во благо которого якобы и совершали свои покушения террористы....

Детство Николая бесповоротно закончилось 1 марта 1881 года. Вместе с младшим братом Георгием он присутствовал при кончине своего деда.

Николай с детства полюбил историческую и художественную литературу, читал ее на русском и иностранных языках и даже как-то признался, что, «если бы был частным человеком, то посвятил бы себя историческим трудам»

Из-за преждевременной кончины Александра III его сыну не суждено было стать генералом российской армии, которыми были все его предшественники на престоле и большинство великих князей. Императоры не присваивали самим себе воинских званий.

Но маленький Николай получал и другие уроки: уроки ничем не оправданной человеческой жестокости. Первый такой урок был получен 5 февраля 1880 года, когда произошло очередное — пятое — покуше-

«Мой Отец подвел Меня к постели, — вспоминал позднее последний самодержец. — «Папа, — сказал Он, повышая голос, — Ваш «луч солнца» здесь». Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза Моего Деда открылись, Он старался улыбнуться. Он не мог поднять руки, ни сказать то, что хотел, но, несомненно, узнал Меня...»

Пережитое потрясение осталось в памяти Николая вплоть до последних дней его жизни, он вспоминал о нем даже в далеком Тобольске. *«...Годовщина кончины папа, — от-*

Венчание Николая Александровича и Александры Федоровны

мечено в дневнике 1 марта 1918 года. — В 2 часа у нас была отслужена панихида. Погода стояла такой же, как тогда, — морозная и солнечная...»

Для подростка Николая столь ужасная кончина деда стала незаживающей душевной раной. Он не мог понять, за что убийцы подняли руку на государя, прославившегося в русском народе справедливостью, благостью и кротостью, освободившего крепостных крестьян, утвердившего гласный суд и самоуправление местных органов власти. Уже тогда Николай начал осознавать, что далеко не все подданные России хотят блага своей Родине.

Насильственная страшная смерть императора Александра II произведе-

ла на двенадцатилетнего подростка неизгладимое впечатление: слово «террорист» для него стало равнозначным слову «антихрист», а убийство — страшнейшим из грехов. Особенно убийство ни в чем не повинных людей.

Второе потрясение цесаревич Николай испытал семь лет спустя. 17 октября 1888 года возле станции Борки, когда Царский поезд проходил через глубокую балку, произошло оседание пород, и несколько вагонов на полной скорости угодили в яму.

Царская семья в момент крушения находилась в вагоне-столовой.

Вот что писала вышедшая в то время газета «Гражданин»:

«После первого толчка последовала остановка. Вторым толчком, силою инерции, был выбит низ вагона. Все упали на насыпь. Затем последовал третий момент, самый ужасный: стены вагона отделились от крыши и начали падать вовнутрь. По произволению Господню, падающие стены встретились и образовали крышу, на которую свалилась крыша вагона: вагон-столовая обратился в приплюснутую массу.

Весь ход колес отброшен далеко в сторону и разбился на мельчайшие части. Крыша, затем свернутая и откинута в сторону, открыла жалкие остатки вагона. Под обломками, казалось, была погребена Царская Семья. Но Господь явил великое чудо.

Царь, Царица и Царские Дети были сохранены для Отечества чудом Всевышнего.

Крыша навалилась на них косо, рассказывает очевидец Зичи, который находился в вагоне.

Между стеной вагона и крышей было отверстие, через которое я и вошел. За мной вошла графиня Кутузова. Государыня Императрица была вынута из окошка вагона. У Государя Императора оказался сплюснутым серебряный портсигар, с правой стороны в кармане».

...Но постепенно жизнь в царском семействе вошла в привычную колею.

Николай был среднего роста (до него несколько поколений Романо-

вых гордились тем, что все они очень высокие, и император Александр III порой ворчал на свою миниатюрную супругу: «Испортила мне породу...»), но физически хорошо развит и вынослив — сказывался результат отцовской выучки и привычка к физическому труду. Открытое, приятное, породистое лицо, и практически все, знавшие императора и в молодости, и в зрелые годы, отмечали его удивительные глаза, выразительные и лучистые, хотя в их глубине таились грусть и незащитность.

В качестве завершения своего образования Николай совершил кругосветное путешествие. За девять месяцев он проехал Австрию, Три-

нибудь выходил. Но к Николаю не просто вышел — приветствовал его глубоким поклоном. Никто (с наследником был придворный и переводчик) не произнес ни слова, ожидая, что скажет затворник. Смотря невидящими глазами, Теракуто заговорил:

— *О, Ты, Небесный Избранник, о, великий искупитель, мне ли проречь тайну земного бытия Твоего? Ты выше всех. Нет лукавства, ни лести в устах моих пред Всевышним. И вот тому знамение: опасность витает над Твоей главою, но смерть отступит, и трость будет сильнее меча... и трость засияет блеском. Два венца суждены Тебе, Царевич: земной и небесный. Играют самоцветные камни на коро-*

Для подростка Николая ужасная кончина деда стала незаживающей душевной раной. Он не мог понять, за что убийцы подняли руку на государя, прославившегося в народе справедливостью, благостью и кротостью. Уже тогда он постиг истину, что не все подданные России хотят ей блага

ест, Грецию, Египет, Индию, Китай, Японию, а далее сухим путем через всю Сибирь, проделав путь в 35 тысяч верст.

В Японии у наследника произошла удивительная встреча, о которой мало кому известно. Недалеко от Киото жил весьма почитаемый отшельник-монах Теракуто, взору которого были открыты тайны мира и судьбы людей. Он не любил прерывать своего созерцательного уединения и редко к кому-

не Твоей, Владыко могущественной Державы, но слава мира преходит, и померкнут камни на земном венце, сияние же венца небесного пребудет во веки. Наследие предков Твоих зовет Тебя к священному долгу. Их голос в Твоей крови. Они живы в Тебе, много из них великих и любимых, но из них всех Ты будешь величайшим и любимейшим.

Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну Твою. Ты будешь бо-

роться за ВСЕХ, а ВСЕ будут против Тебя. Настанет, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а Ты свят и бессмертен. Оружие Твое против злобы — кротость, против обиды — прощение. И друзья и враги преклонятся пред Тобою, враги же народа Твоего истребятся.

Вижу огненные языки над главой Твоей и Семей Твоей. Это посвящение. Вижу безчисленные священные огни в алтарях пред Вами. Это исполнение. Да принесется чистая жертва и совершится искупление. Станешь Ты осиянной преградой злу в мире. Теракуто сказал Тебе, что было открыто ему из Книги Судеб. Здесь мудрость и часть тайны Создателя. Начало и конец. Смерть и бессмертие, миг и вечность. Будь же благословен день и час, в который пришел ты к старому Теракуто.

Коснувшись земли, старец, не поворачиваясь, стал отходить, пока не скрылся в чаще деревьев. Цесаревич просил никому не рассказывать об этом предсказании.

А через несколько дней в Киото произошло покушение на жизнь цесаревича. Фанатик-японец ударил его саблей по голове, но удар лишь скользнул, причинив неопасное ранение. Принц Георгий Греческий изо всей силы ударил преступника бамбуковой тростью, чем спас жизнь цесаревичу. По возвращении их в Санкт-Петербург, беседа с Георгием, Александр III выразил желание получить на время трость и вернул ее принцу уже в оправе тончайшей ювелирной работы, всю осыпанную бриллиантами. Сбылось знамение, первое пред-

сказание старого Теракуто: трость оказалась сильнее меча, и трость засияла.

Когда Николаю исполнился 21 год, он, по настоянию отца, начал принимать участие в заседаниях Государственного совета и Комитета министров. После такой школы жизни, которую прошел во время кругосветного путешествия наследник престола, Александр III начал поручать ему более серьезные дела. Николай был назначен председателем комитета Сибирской железной дороги. Он присутствовал на всех его заседаниях, относясь к этому назначению с большой ответственностью.

Отец также поручил Николаю председательствовать в особом комитете по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая. Комитет собрал пожертвований более чем на 13 миллионов рублей и распределил их среди голодающих крестьян.

Кроме работы в этих комитетах, Николай постоянно приглашался на заседания высших государственных учреждений, где практически знакомился с наукой управления великой страной.

На престол Николай II взошел в 26 лет, раньше, чем ожидалось, из-за преждевременной смерти отца. Он сумел достаточно быстро оправиться от первоначальной растерянности и стал проводить самостоятельную политику, чем вызвал недовольство части своего окружения, рассчитывавшей влиять на молодого царя. Основой государственной политики Николая II стало продолжение стремления его отца «придать России больше

Император Николай II, цесаревич Алексей, великая княжна Татьяна

внутреннего единства путем утверждения русских элементов страны».

Воспитатель наследника престола Жильяр отмечал сдержанность и самообладание Николая Александровича, его умение управлять своими чувствами. Даже по отношению к неприятным для него людям император старался держать себя как можно корректней. Он порой говорил:

«Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да, к тому же, от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого».

К сожалению, эту черту характера императора большинство современников считало слабостью и неумением отстаивать собственную пози-

цию. Его спокойная интеллигентность расценивалась как мягкотелость и нерешительность. Между тем воля у Николая Александровича была достаточно сильной. До тех пор, пока план не был осуществлен, он постоянно возвращался к нему, добиваясь своего.

Первое серьезное испытание силы воли наследнику пришлось выдержать в связи с его женитьбой, когда, благодаря своей упорной настойчивости, выдержке и терпению, он успешно преодолел три, казалось бы, неустрашимых препятствия.

Еще в 1884 году он впервые встретился с поразительно красивой принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской, приехавшей на бракосочетание своей старшей сестры Эллы и великого князя Сергея Александровича — дяди наследника. А в 1889 году, когда наследнику исполнился двадцать один год, он обратился к родителям с просьбой благословить его на брак с принцессой Алисой. Ответ императора Александра III был краток:

— Ты очень молод, для женитьбы еще есть время, и, кроме того, запомни следующее: Ты Наследник Российского Престола, Ты обручен России, а жену мы еще успеем найти.

Перед волей отца Николай на время безропотно смирился и стал ждать. Как знать, состоялся ли бы этот брак вообще, если бы Александр III не скончался так рано...

Со стороны семьи принцессы Алисы их брачные планы тоже не встречали сочувствия. Так как она рано потеряла мать и отца, ее воспитанием занималась, главным образом, ба-

бушка — английская королева Виктория, которая, мягко говоря, недолюбливала Россию и русских.

Хотя насильно женить Николая родители не собирались, ему в разное время предлагалось несколько вариантов возможного брака. Одной из невест называлась дочь графа Парижского, главы династии Бурбонов, возможного президента Франции. Этот брак мог бы значительно укрепить русско-французский союз, любимое внешнеполитическое детище Александра III. В качестве другой претендентки на роль будущей императрицы рассматривалась принцесса Маргарита Прусская.

Николай писал в конце 1891 года:
«21 декабря. Вечером у Мама ... рассуждали о семейной жизни...; невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года прошло с тех пор, как я говорил об этом с Папа в Петергофе... Моя мечта — когда-либо жениться на Аликс Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты. ... Единственное препятствие или про-

пасть между нею и мною — это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой; я почти уверен, что наши чувства взаимны!»

Мария Федоровна решила немного отвлечь его от мыслей об Аликс. В это время на сцене Императорского Мариинского театра блистала новая звезда — балерина Матильда Кшесинская. Родители цесаревича поспособствовали сближению молодых людей... Об этом романе ходили пересуды, но в семье Николая ему не придавали серьезного значения — наследник представлялся слишком ответственным и преданным долгу человеком, чтобы связать свою жизнь с танцовщицей. Конечно, Кшесинская понимала всю безысходность их романа, да и влюбленность Николая в Дармштадтскую принцессу не была для нее тайной.

Ранней весной 1894 года, видя непоколебимое решение своего сына, его терпение и кроткую покорность родительской воле, император Александр III и императрица Мария Федоровна дали, наконец, свое благословение на брак.

Одновременно в Англии принцесса Алиса получила благословение от королевы Виктории. Оставалось последнее препятствие — смена религии.

Принцесса Алиса была чрезвычайно религиозной, она воспитывалась в протестантстве и была искренне и глубоко убеждена в истинности своего вероисповедания. Но при этом прекрасно понимала, что не может стать русской императрицей, не приняв святого православия. Отличаясь благородством и преданностью сво-

им идеалам и, к тому же, будучи прекрасно образованной — она получила при Оксфордском университете степень доктора философии, — принцесса не была способна принести свою веру в жертву любви.

Итак, последнее препятствие к браку цесаревича и Алисы казалось непреодолимым. Был только один возможный выход — полное переубеждение и принятие святого православия. Эта трудная и сложная задача выпала на долю Николая Александровича.

В начале апреля он посетил Кобург и провел двенадцать дней во дворце великой княгини Марии Павловны, где одновременно гостила принцесса Алиса.

— *Аликс, — сказал Николай, — я понимаю Ваши религиозные чувства и благоговею перед ними. Но ведь мы веруем в одного Христа; другого Христа нет. Бог, сотворивший мир, дал нам душу и сердце. И мое сердце и Ваше Он наполнил любовью, чтобы мы слились душа с душой, чтобы мы стали едины и пошли одной дорогой в жизни.*

Принцесса шепнула только два слова:

— *Я согласна.*

Доставленное в тот же день в Россию известие о помолвке вызвало ответную телеграмму родителей, а через несколько дней пришло личное послание Александра III.

«*Милый, дорогой Ники, — писал отец, — ты можешь себе представить, с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу мы узнали о твоей помолвке! Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и*

был уверен в полной неудаче твоей попытки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил и великая Ему благодарность за Его милости. ... Теперь я уверен, что ты вдвойне наслаждаешься, и все пройденное, хотя и забыто, но я уверен, принесло тебе пользу, доказавши, что не все достается так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает всю твою будущность и всю твою последующую семейную жизнь!»

Венчание состоялось в ноябре того же года. Но почти сразу же последовала Ходынская катастрофа, унесшая жизни нескольких тысяч людей. Многие сочли это страшным пред-

охотно занимался и физическим трудом — пилил дрова, убирал снег и тому подобное, за что его почему-то постоянно высмеивали недоброжелатели — мол, не царское это дело.)

Император Николай II, отмечали многие историки и государственные деятели России, обладал исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей, этикет ему был в тягость. А вот в тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он умел обворожить собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской.

«Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели

Кроме твердой воли и блестящего образования Николай обладал качествами, необходимыми для государственной деятельности — огромной трудоспособностью. Он мог работать с утра до ночи, изучая документы, охотно занимался и физическим трудом. Кроме того, император отличался совершенно особым личным обаянием

знаменованием нового царствования. И не слишком ошиблись.

Кроме твердой воли и блестящего образования Николай обладал всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности, прежде всего, огромной трудоспособностью. В случае необходимости он мог работать с утра до поздней ночи, изучая многочисленные документы и материалы, поступавшие на его имя. (Кстати говоря, он

ныне царствующий император Николай II», — писал граф Витте уже в ту пору, когда он, по существу, являлся личным врагом императора.

Увы, и воспитание, и обаяние могли бы сработать во времена деда и прадеда Николая II, но ему пришлось царствовать совсем в другое время и фактически даже в другой стране. Время его правления — самый динамичный период в росте численности русского народа за всю его историю.

Менее чем за четверть века население России увеличилось на 62 миллиона человек. Быстрыми темпами росла экономика. За 1885–1913 промышленная продукция выросла в пять раз, превывсив темпы промышленного роста наиболее развитых стран мира. Бы-

ла построена Великая Сибирская магистраль, кроме того, ежегодно строилось 2 тысячи километров железных дорог. Народный доход России, по самым преуменьшенным расчетам, вырос с 8 миллиардов рублей в 1894 до 22–24 миллиардов в 1914-ом, т.е. поч-

ти в три раза. Среднедушевой доход русских людей удвоился. Особенно высокими темпами росли доходы рабочих в промышленности. За четверть века они выросли не менее чем в три раза. Общие расходы на долю народного образования и культуры выросли в 8 раз, более чем в два раза опережая затраты на образование во Франции и в полтора раза — в Англии.

Не стоит забывать и о том, что Николай II играл гораздо большую роль в церковной жизни России, чем его царственные предшественники. Глубокая вера царя, его постоянные паломничества к православным святыням сближали его с русским народом. В царствование Николая II было прославлено больше святых, чем за весь XIX век, и, прежде всего, канонизирован святой Серафим Саровский. Были построены тысячи новых церквей. Число монастырей увеличилось с 774 в начале царствования до 1005 в 1912 году.

К сожалению, на фоне быстрого развития страны набирало обороты и революционное движение, бороться с которым никто всерьез не собирался. Кроме того, из-за просчетов во внешней политике Николай II получил русско-японскую войну 1904–1905 годов, военное поражение в ней и, после расстрела мирного шествия рабочих 9 января 1905 года — революцию.

Не будучи по натуре реформатором, Николай II был вынужден принимать важные решения, которые не соответствовали его внутренним убеждениям. Он считал, что в России еще не наступило время для конституции, свободы слова, всеобщего избирательного права, но обстоятельства и

давление извне оказались слишком сильными.

Вынужденный подписать Манифест 17 октября 1905 года, даровавший «незыблемые основы гражданской свободы» и провозглашавший создание законодательного представительства, Николай II с ненавистью (вполне, кстати, оправданной) относился к Государственной думе и после поражения революции в июне 1907 принял все меры, чтобы вернуть страну в прежнее, «допарламентское» состояние. Этого ему, разумеется, не простил никто из рвущихся в политику деятелей.

К сожалению, Николай II не понял и не оценил Столыпина, хотя, пожалуй, это был едва ли не единственный человек в его окружении, способный сочетать принципы монархизма, парламентаризма и прогресса. В свое время то же самое произошло и у Александра I со Сперанским, которые не поняли друг друга и «не сработались». Но в начале XIX века не было такой острой предреволюционной ситуации, которая сложилась сто лет спустя.

Одна за другой в царской семье рождались дочери — Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия... Долгожданный наследник появился лишь в 1904 году, и почти сразу же выяснилось, что он болен гемофилией. И к стремительно ухудшающейся внутренней ситуации в стране прибавился еще постоянный гнетущий страх за жизнь цесаревича Алексея. Кто из любящих родителей, отчаявшись получить помощь от врачей, не кинулся бы к знахарям, ворожеям, ясновидящим, колдунам? Отсюда и роковое для дома Романовых и России появление Распутина, о ко-

тором написано, пожалуй, даже слишком много.

В начавшейся Первой мировой войне Николай II выступил на стороне Антанты. Царь не хотел войны и до самого последнего момента пытался избежать кровавого столкновения. Однако 19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила войну России...

Патриотический подъем в начале войны вскоре сменился горечью военных поражений, но главное — империя подтачивалась изнутри «революционно настроенными слоями населения». Не только простой народ — ин-

речеркнули эти планы и изменили ход истории.

В конце февраля 1917 года в Петрограде начались волнения, которые, не встречая серьезного противодействия со стороны властей, через несколько дней переросли в массовые выступления против правительства и династии. Первоначально Николай II намеревался силой навести порядок в Петрограде, но, когда выяснился масштаб беспорядков, отказался от этой мысли, опасаясь большого кровопролития...

Отрекся он от престола, прежде всего, под давлением высшего военного

Временное правительство арестовало царскую семью, держало ее под арестом в Царском Селе, а затем отправило в Сибирь. После Октябрьского переворота их перевезли в Екатеринбург, где все были расстреляны без суда, а трупы тайно вывезены и уничтожены

теллигенция, крупная буржуазия, аристократия с ликованием встретили в 1917 году Февральскую революцию и последовавшее отречение Николая II от трона. Чему радовались?

В начале 1917 года высшее военное командование во главе с императором (совместно с союзниками — Англией и Францией) подготовило план генерального наступления, согласно которому намечалось окончить войну к лету. Но «революционная ситуация» в стране, разложение армии изнутри, постоянная агитация в стиле «бери шинель, иди домой» пе-

командования. Почти год на него постоянно оказывалось давление как со стороны общественных организаций и Государственной думы, так и со стороны других группировок, в том числе и многих великих князей: ограничить его власть и создать «министерства доверия» с привлечением думских лидеров.

Вариант, может быть, и неплохой, но — абсолютно не для России. Созданное после отречения императора «министерство доверия» — Временное правительство — арестовало царскую семью, некоторое время держало ее под арестом в Царском

Селе, а затем отправлено в Сибирь. Только после этого в «игру» вступили большевики, которым царскую семью фактически подарили временные «хозяева России». После Октябрьского переворота Николай II был перевезен с семьей в Екатеринбург, где все были расстреляны без суда, а трупы тайно вывезены и уничтожены...

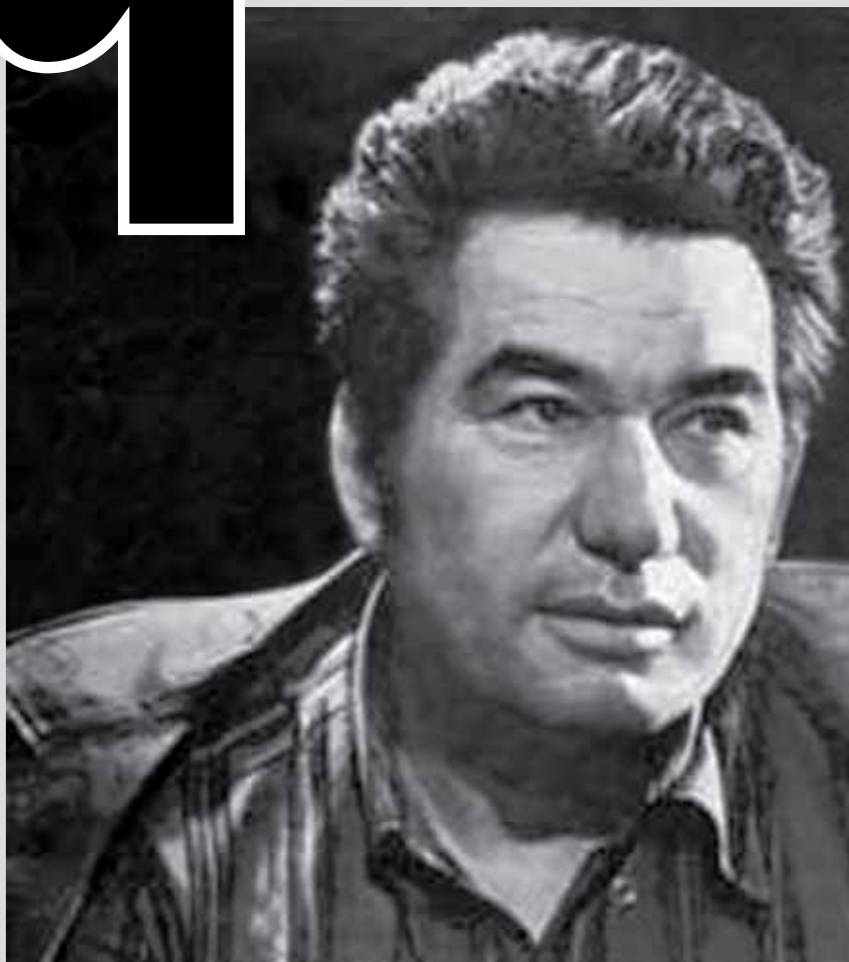
В 2000-м году, после продолжительных споров, вызвавших значительный резонанс в России, члены погибшей царской семьи были канонизированы Русской православной церковью, и в настоящий момент по-

читаются ею как «царственные страстотерпцы».

«Вижу огненные языки над головой Твоей и Семей Твоей. Это посвящение. Вижу бесчисленные священные огни в алтарях пред Вами. Это исполнение. Да принесется чистая жертва и совершится искупление. Станешь Ты осиянной преградой злу в мире. Теракуто сказал Тебе, что было открыто ему из Книги Судеб. Здесь мудрость и часть тайны Создателя. Начало и конец. Смерть и бессмертие, миг и вечность. Будь же благословен день и час, в который пришел ты к старому Теракуто». □

Майя Орлова

ЦЕЛОВЕК

Признанный еще при жизни одним из самых публикуемых писателей в мире, сын от брака киргиза и татарки, он в совершенстве владел русским языком, сделал такой вклад в отечественную литературу, переоценить который невозможно, получил все мыслимые и немыслимые награды и премии, при жизни став признанным классиком

С БУРАННОГО ПОЛУСТАНКА

А закончил свой жизненный путь в самом центре Европы на престижной и не слишком хлопотной дипломатической должности, с горечью наблюдая, как все его последние произведения издаются исключительно на немецком языке.

И только кыргызская диаспора в Бурятии недавно начала подготовку к 85-летию со дня рождения Чингиза Айтматова. Это мероприятие предусматривается профинансировать из собственного фонда «Ала-Тоо», формируемого из членских взносов и добровольных пожертвований.

Будущий всемирно известный писатель родился 12 декабря 1928 года в селе Шекер в Киргизии. Его отец, Торекул Айтматов, — вначале крестьянский активист, затем советский партийный работник, видный государственный деятель Киргизской ССР — в 1937 году был арестован и расстрелян. Мать, татарка Нагима Хамзиевна, уцелела только чудом, благодаря спешному бегству вместе с детьми из насиженных мест.

Трудовой стаж земледельца Чингиза начался в десять лет, а с четырнадцати лет ему пришлось работать секретарем аилсовета: во время Отечественной войны все взрослые мужчины ушли на фронт, а грамотных вообще можно было пересчитать по пальцам. Мальчик, хорошо знавший

произведений — изнурительный труд женщин, голодный блеск ребячьих глаз, страшные листки похоронок.

Окончив восемь классов, он поступил в Джамбульский зоотехникум, который окончил с отличием и был принят без экзаменов в сельскохозяйственный институт. В студенческие годы Чингиз публиковал в газетах небольшие заметки, статьи, очерки, а после института дипломированный зоотехник все так же продолжал писать. Собственно, на этом литературная биография должна была бы закончиться, как, по-видимому, думал и сам Айтматов, ведь с его родословной трудно было рассчитывать на поступление в Литературный институт в Москве — да и кто бы его в те годы туда пустил? Но...

Когда первая в твоей жизни премия — Ленинская, остальное воспринимается уже как нечто само собой разумеющееся. Три Государственные премии СССР — наглядное тому подтверждение, равно как и звание народного писателя Киргизской АССР и звание Героя Социалистического Труда. Советская литература едва ли знала другой пример такой феерической и гладкой — как степь — карьеры

русский язык, решал самые сложные вопросы жизни большого села — и опять же, только чудом можно объяснить то, что никто не припомнил ему отца — врага народа.

Айтматов принадлежал к поколению, «не успевшему» на войну, но тяжкий опыт жизни народа в тылу впоследствии отразится в ряде его

Но еще до окончания сельхозинститута Чингиз начал публиковать в периодической печати свои рассказы — пока на киргизском языке, а позже и на русском. В 1956 году он поступил на двухгодичные литературные курсы в Москве, будучи уже известным в своей республике не только как автор актуальных публи-

цистических выступлений, но и как талантливый, своеобразный новеллист: «Ашим» (1953), «Белый дождь» (1954), «Соперники» (1956), «Трудная переправа» (1956) и другие.

Повесть «Лицом к лицу» (1957) стала в советской многонациональной литературе о войне одной из первых попыток нетрадиционного подхода к теме: Айтматов рассказал не о герое-победителе, а о человеке, сломленном войной, ставшем дезертиром и преступившем ту нравственную черту, за которой возможно только окончательное падение (почти через два десятилетия к аналогичной теме обратится В.Распутин в повести «Живи и помни»).

Эта повесть вышла на киргизском языке в июне 1957 года в журнале «Ала-Тоо» и в том же году впервые увидела свет повесть «Джамиля» на... французском языке в переводе Луи Арагона, которая потом была опубликована на русском языке в журнале «Новый мир» и принесла Айтматову мировую известность. Эта повесть о любви, выдержавшей все испытания, о праве ранее угнетенной киргизской женщины на личное счастье и общественную деятельность, позднее вошедшая в книгу «Повести гор и степей», на сегодняшний день является самым популярным произведением Чингиза Торекуловича в мире. Только на немецком языке она была переиздана уже 37 раз.

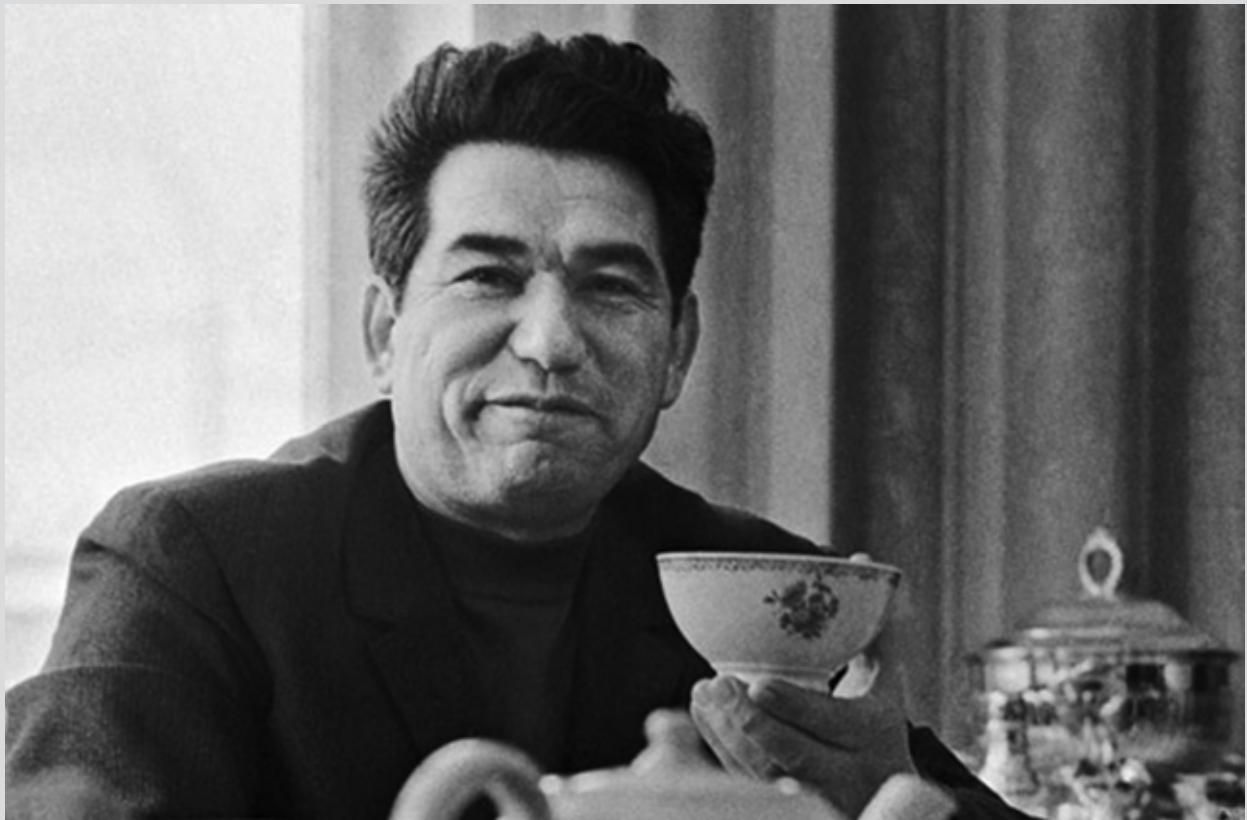
После «Джамили» были также опубликованы повести «Верблюжий глаз» (1960), «Первый учитель» (1961), «Материнское поле» (1963) и сборник «Повести гор и степей» (1963), за который молодой писатель получил Ленин-

скую премию. Все эти произведения выходили одновременно и на русском, и на киргизском языках.

Когда первая в твоей литературной жизни премия — Ленинская, остальное воспринимается уже как нечто само собой разумеющееся (и дается, кстати, тоже значительно легче). Три Государственные премии СССР — в 1968, 1977 и 1983 годах — наглядное тому подтверждение, равно как и полученное в 1974 году звание народного писателя Киргизской АССР и звание Героя Социалистического Труда в 1978 году.

Честно говоря, советская литература едва ли знала другой пример такой феерической и гладкой — как степь — карьеры. А ведь были не только книги.

В 1965 году повесть «Первый учитель» была экранизирована Андреем Кончаловским на «Мосфильме», за ней последовали и другие. «Верблюжий глаз» сняла Лариса Шепитько, которая выбрала на роль главного героя — Кемела — актера Болота Шамшиева, впоследствии ставшего одним из лучших режиссеров фильмов по таким произведениям Чингиза Айтматова, как «Белый пароход» и «Ранние журавли». «Белый пароход» (1970) был опубликован на русском языке и на долгие годы стал одним из наиболее признанных произведений Чингиза Айтматова во всем мире, а его экранизация была показана на международных кинофестивалях в Берлине и в Венеции. Совместная работа Чингиза Айтматова с казахским автором К. Мухамеджановым «Восхождение на Фудзияму» (1973)

до сих пор не сходит с театральных сцен Казахстана.

В 1977 году была опубликована повесть «Пегий пес, бегущий краем моря», ставшая одним из любимых произведений Айтматова в ГДР, а в 1980 году вышел роман «И дольше века длится день». Последнее произведение писателя, опубликованное в СССР, — роман «Плаха» (1986), «роман-крик» об опасности восхождения на плаху всего человечества, вызвавший бурную дискуссию. Несмотря на попытки ряда критиков упрекнуть Айтматова в обращении к «чуждому для него материалу», которым он, вдобавок, «не владеет», интерес к роману был огромный...

С энтузиазмом встретив «перестройку» (несмотря на ее парадоксы — «Парадоксы перестройки» называл Айтматов одну из статей, опу-

бликованную летом 1990), он вошел в Президентский совет, возглавил один из самых престижных журналов — «Иностранная литература», а затем стал инициатором и организатором «Иссык-кульского форума» — неформального миротворческого движения интеллектуалов различных стран. По замыслу Айтматова, это должен быть не симпозиум, не конгресс, не клуб, не международное совещание, а шерне (кирг.) — продолжение киргизской национальной традиции собирать старейшин и говорить о самом главном, на чем должен держаться мир. Неожиданно для себя он в какой-то момент понял, что это не встретит понимания, не принесет ему ни наград, ни званий, ни орденов, ни даже уважения. «Философские беседы умудренных жизнью уважаемых людей...» — да кому они были нужны

в стране, неудержимо разваливающейся на «независимые субъекты», стране, в которой вдруг выплыло на поверхность все страшное, десятилетиями державшееся под спудом? Этой стране культура оказалась фактически не нужна.

Вот почему все постсоветские произведения Чингиза Айтматова издавались на немецком языке в швейцарском издательстве Unionsverlag в переводе Фридриха Хитцера — «Белое облако Чингисхана» (1992), «Тавро Кассандры» (1994), «Сказки» (1997), «Детство в Киргизии» (1998) и «Когда падают горы» (2006), немецкий перевод которого увидел свет в 2007 году под названием «Снежный барс». Это было последнее

произведение великого киргизского писателя.

В год своего 70-летия, в 1998 году, Чингиз Айтматов был еще раз удостоен звания Героя Кыргызстана и признан Народным писателем у себя на родине. Но он давно уже не в Кыргызстане. Осенью 1990 его назначили послом СССР в Люксембурге. «Становлюсь дипломатом» — так было озаглавлено интервью, данное им в те дни «Литературной газете». То было время экспериментов: на важные политические и административные должности приглашали интеллектуальную элиту страны — ученых, писателей, даже артистов. Перестройка вошла в свою высшую фазу, за которой, увы, неизбежно следовал резкий откат.

Действительно, 6 марта 1994 в интервью газете «Невское время» Айтматов подчеркнул, что отошел от политики во имя литературы:

«Общечеловеческие ценности остаются неизблемыми, донести их до людей — моя задача».

Впрочем, позднее он все же принял назначение послом республики Кыр-

данным ЮНЕСКО, одним из самых публикуемых писателей на земном шаре.

Что ж, иногда нужно проявить высшую мудрость: остановиться на самом пике славы. Чтобы остаться там уже навсегда.

Собственно говоря, так и произошло. 10 июня 2008 года Чингиз Айтматов скончался в больнице немец-

В год своего 70-летия, в 1998 году, Айтматов был еще раз удостоен звания Героя Кыргызстана и признан Народным писателем у себя на родине, хотя уже давно не жил там. Вообще, к сожалению, после 1994 года он не написал практически ничего. И это при том, что именно в это время стал, по данным ЮНЕСКО, одним из самых публикуемых писателей на земном шаре

гызстан в Бельгии, Люксембурге, Нидерландах. Посольский статус позволил основать в 2006 году Международный Благотворительный Фонд Чингиза Айтматова «Диалог без границ», который писатель-дипломат возглавлял до конца своей жизни.

Он старался всегда следовать своему credo, сформулированному еще в начале 1970-х:

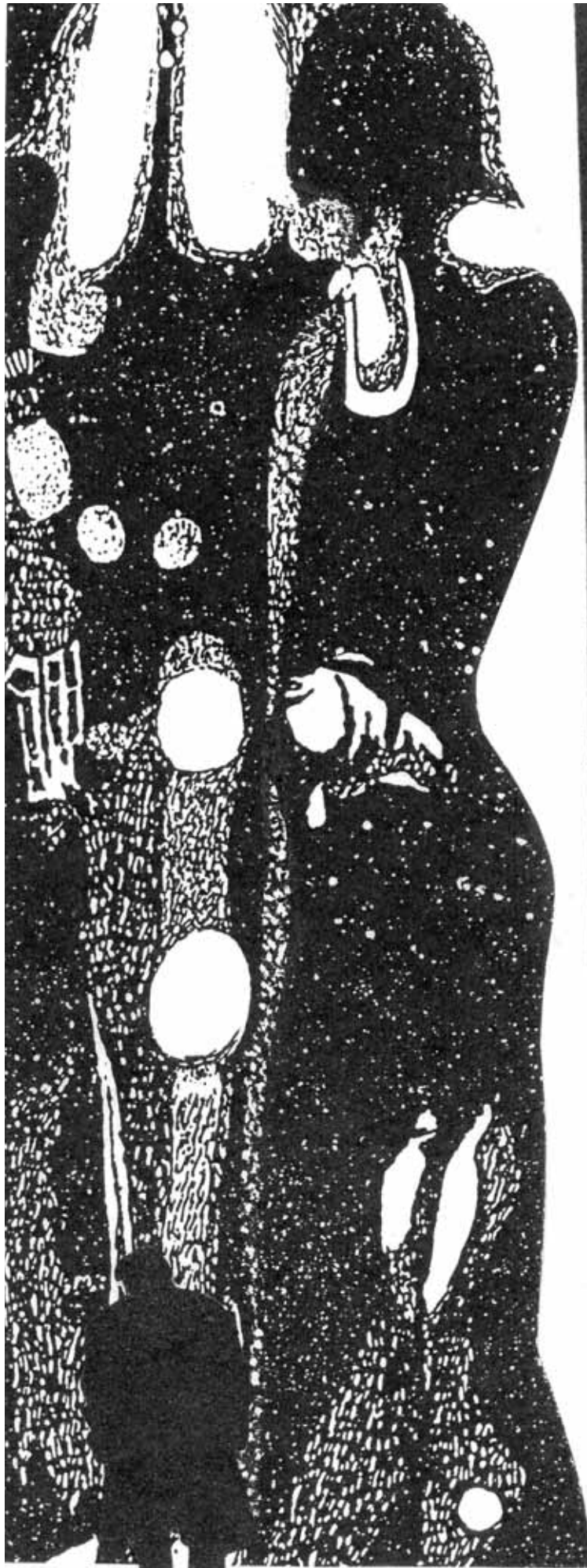
«Литература должна самоотверженно нести свой крест, вторгаться в сложности жизни с тем, чтобы человек знал, любил, тревожился за все доброе, лучшее, достойное в себе, в людях, в обществе».

Однако после 1994 года Чингиз Айтматов не написал практически ничего, хотя именно в это время он был, по

кого города Нюрнберг. Похоронили его в историко-мемориальном комплексе «Ата-Бейит» в пригороде Бишкека. Его имя присвоено в Бишкеке городскому парку, Русскому драматическому театру и университету «Манас», в перспективе — создание Музея Айтматова. В 2011 году в Бишкеке был установлен памятник писателю на площади Ала-Тоо.

А за год до смерти Чингиз Айтматов был удостоен высшей награды правительства Турции за вклад в развитие культуры тюркоязычных стран.

Удивительная судьба мальчика из глухого киргизского села, которая убедительно доказывает, что настоящий талант действительно не знает границ. □

андра

Олег Лебедев

Он легко нашел по интернету гостиницу неподалеку от центра Таллинна. Сделать это нетрудно — Таллинн небольшой, почти все отели близко к старому городу.

Через две недели он уже был в этой гостинице. Один. Жена дописывала кандидатскую, была очень занята и, естественно, поехать не смогла. Не первый раз так получается, но все равно он немного грустил.

Грустил немного, грустил привычно, пока добирался в Москве до Ленинградского вокзала, пока ехал в поезде. Почти целый отпуск предстоит быть одному, он ведь на целых три недели поехал, хотел Таллинн, не торопясь, посмотреть. Он до сих пор оставался для него *terra incognita*. Собирался несколько раз сюда, но все как-то не складывалось. А сейчас, едва в первый день своих эстонских каникул вошел в старый город, сразу понял — «Это мое».

Каждое утро — еще только рассветало — он входил в центр города, будто в сказку вступал. На улицах почти никого. Он — один, наедине с городом. Крепостные стены с башнями, узкие улицы в наряде старинных, отличающихся какой-то аскетической красотой севера, зданий. А какие названия у кирх, шпили которых устремлены в небо...

Олевисте, Нигулисте. Музыка звуков...

Сказка города, сказка названий...

В этой сказке он совсем забыл о своей гипертонии, даже таблетки не пил.

— Ты лекарства пьешь? — спросила по телефону жена.

— Конечно, — соврал он.

Не решился правду сказать, сердить ее не хотел. При этой мысли сразу стало как-то тоскливо. Но что поделаешь, если он такой, а она, жена, такая? Все равно он к ней привык...

Уже третий день в Таллинне было солнечно, а к вечеру погода испортилась, пошел дождь, у него разболелась голова, но уходить из старого города, вернуться в номер и выпить таблетку ему не хотелось.

На Ратушной площади горела иллюминация, торговала ярмарка, люди веселились, а он был поглощен совсем другим и ничего вокруг себя не видел.

Вдруг он почувствовал чей-то пристальный взгляд.

Женщина...

Высокого роста, даже выше его, в длинном модном плаще, шарфа нет, шея открыта. Глаза большие, зеленые. Правда, темные круги под ними. Устала, или, может быть, не выспалась. Но это ее не портило. Нисколько не портило. Она была очень красива.

Их взгляды неожиданно встретились, и они невольно улыбнулись друг другу. Он вдруг подумал, что вот сейчас заведет с ней разговор, а потом, если получится, пригласит к себе в номер... В этом для него не было ничего необычного. Он иногда изменял жене, обычно, когда ездил отдыхать один.

Что он искал? Наверное, новых ощущений, как ни банально это звучит. А если точнее, не новых, а других. Другую женщину. Хоть и привык к жене за эти годы, но не все гладко в их отношениях. Не сложилось как-то...

Наверное, и эту высокую зеленоглазку он через неделю забудет. Ну а сегодня... Сегодня попробует провести время с ней...

Они стояли совсем близко друг к другу. Были произнесены обычные, отчасти дежурные слова начала знакомства. Многие, в общем, пустые, совсем ненужные. Главное в этом диалоге — то, что он имя ее узнал.

Сандра. Оказывается, ее зовут Сандра.

Красивое имя. Такое же красивое, как и она сама. Что-то в нем таинственное, необычно волнующее. Он несколько раз произнес его про себя,

продолжая пристально смотреть на девушку. Ему вдруг захотелось почувствовать в своей руке ее длинные пальцы, поцеловать ее шею...

Он предложил Сандре пройтись вместе, показать ему город — она, как выяснилось, живет в Таллинне постоянно, и наполовину эстонка.

Они пошли от Ратушной площади в сторону высокой кирхи Олевисте. Он решился взять ее под руку. Первый шаг к сближению сделан. К сожалению, это оказалось нужно не столько для того, чтобы почувствовать Сандру, а, скорее, найти опору. Неизвестно откуда взявшаяся слабость все больше погружала его в себя, он будто тонул в ней. Несколько раз его сильно шатнуло, и он крепко ухватился за руку Сандры.

Как она среагировала? Сделала вид, что ничего не произошло или сердито посмотрела на него? Этого он не узнал. В какой-то момент он вообще перестал что-либо видеть вокруг, настолько сильно потемнело в глазах...

— Что с тобой, что ты молчишь? — прорвался к нему сквозь давящую слабость и эту неестественную темноту голос Сандры.

Наконец темнота перестала быть такой кромешной, и он смог разглядеть ее лицо. Сандра смотрела на него с тревогой и волнением, а еще в ее взгляде сквозили нежность и участие...

Мир становился все больше похожим на себя, вечерним, а не черным, как несколько мгновений назад, но слабость все не уходила...

— Что с тобой? — с тревогой повторила Сандра.

— Неважно, — с трудом выдавил он из себя. — Неважно себя чувствую.

— Может, «скорую» вызвать?

— Не стоит, сейчас уже легче, — успокоил он ее.

Своими длинными пальцами Сандра гладила его руки. Едва прикасаясь, помогая прийти в себя ...

И еще он чувствовал ее запах. Терпкий аромат духов, но не только, что-то очень и очень приятное, отчего захотелось крепко прижать ее к себе. Правда, сил на это пока не было.

— Ты весь мокрый, — она провела рукой по его лбу.

— Не волнуйся, — улыбнулся он.

Но сам по-прежнему стоял, прижавшись к стене и не решаясь двинуться с места... Почему она так ласково с ним обращается, ведь они почти незнакомы? Зачем он ей нужен? Пришел в себя, и она может уйти. Но она и не собиралась этого делать.

Он снова взглянул в эти зеленые загадочные глаза и тут же опять провалился в темноту...

Потом он услышал чьи-то голоса. Рядом с ним, совсем близко, говорили на эстонском языке. Голос Сандры, такой приятный, он его сразу узнал, и другой голос, незнакомый, мужской.

И другое он осознал — что уже не стоит, а лежит. И не на улице, а в помещении.

Вскоре он смог открыть глаза и сразу увидел Сандру. Она сидела рядом с ним на краешке дивана в каком-то просторном холле. Здесь почти никого не было, только вдалеке две девушки стояли за стойкой. Одна смотрела в экран компьютера, а другая — с тревогой на него.

И еще один человек смотрел на него. Почти лысый длиннолицый господин сидел около него на стуле, а какая-то девушка наклонилась к раскрытому чемоданчику и что-то в нем искала. Оба были в белых халатах. «Скорая помощь»...

— Как ты? — Сандра сразу заметила, что он очнулся.

— Лучше. Ты «скорую» вызвала? — Он сам удивился, как тихо звучит его голос.

— Да.

— Где я?

— В гостинице. Один прохожий помог принести тебя сюда.

Значит, он в холле гостиницы. Это Сандра принесла его сюда. Не одна, конечно, но все равно. Принесла, вызвала «скорую»...

Что стало бы с ним, если бы он был один? Упал бы на пустынной улице.

Сандра... Она спасла его.

— Что со мной? — прошептал он.

— Не волнуйся, — ответила Сандра, — врач сказал, давление у тебя сильно упало.

Ничего себе... Он даже не помнит, когда с ним такое случилось, давление всегда норовило вверх прыгнуть.

— Не уходи, — попросил он.

— Я никуда не уйду. Я с тобой.

— Как вы себя чувствуете? — вклинился в их разговор врач.

— Уже лучше, — кивнул он.

Слабость постепенно оставляла его. То ли «скорая» сделала свое дело, то ли глаза Сандры, не отрывавшей от него своего взгляда.

Жена... Она никогда на него так не смотрела. В ее глазах он видел жалость, сострадание, но всю себя она не отдавала. А Сандра всем сердцем, всей душой была с ним, он это чувствовал.

— Мы подняли вам давление уколами, — сообщил врач. — Ничего плохого с вами не произошло. Сделали кардиограмму, сердце в порядке, признаков инсульта нет. У вас часто бывает такое?

— Нет, — покачал он головой, — я гипертоник.

— Что ж, видимо, вы так среагировали на перепад погоды. Хорошо, что сказали о гипертонии. Выпейте вот это.

Доктор что-то сказал по-эстонски сестре, и она протянула ему две таблетки. Он выпил, забыв поблагодарить. Доктор и медсестра, кажется, не

обиделись на это, как, впрочем, и на то, что пациент почти не смотрел в их сторону.

— Спасибо тебе, — взял он Сандру за руку.

— Я испугалась за тебя, — их руки ласкали друг друга. — Успокоилась лишь, когда приехала «скорая», и врач сказал, что ничего страшного нет.

Как он был благодарен ей...

Врач и медсестра скоро закончили им заниматься, и «скорая» уехала. Он еще немного полежал, а потом они с Сандрой тоже вышли на улицу...

— Слава богу, что все обошлось, — сказала Сандра, когда, они, не сговариваясь, пошли в сторону гостиницы, где он остановился.

— Благодаря тебе, — обнял он ее.

Они шли по ночному Таллинну. Кирхи города, башни его крепостной стены, казалось, провожали их в гостиницу. Ярко светила полная луна. Полнолуния многие боятся, но его это сейчас только радовало. Свет луны дарил городу особую красоту, тонкую, почти призрачную.

Приблизившись к гостинице, он вдруг почувствовал, что настрой Сандры резко изменился. Она по-прежнему шла, чуть ли не прижимаясь к нему, но теперь все реже смотрела в глаза. Войдя в гостиничный номер, постояла перед зеркалом, задумчиво провела по нему рукой и отошла к окну. Он приблизился к ней, обнял и поцеловал в шею.

— Не надо, — дернув плечом, попросила она.

Он удивился, но не отступил.

— Не подумай, что я так всегда себя веду, — шептал, продолжая целовать ее, — просто я почувствовал тебя сегодня. Ты красивая, ты настоящая.

Она вдруг оттолкнула его, а глаза ее словно приказывали: «Остановись!»

— Почему? — растерянно спросил он.

— Не стоит тебе связываться со мной, поверь, не стоит.

Он хотел обнять Сандру, но она перехватила его руки:

— Не надо! Я тоже хотела этого. Но... нет.

— Объясни, в чем дело, Сандра?

— Все просто, — наконец решилась она, — я занимаюсь древнейшей профессией. Ты понимаешь какой? — и нервно улыбнулась: — Не подумай только, что я только поэтому к тебе подошла. Нет! Ты необычный, интересный, вот и заговорила с тобой. Мы так хорошо гуляли вместе, и я рада, что смогла тебе помочь...

— Нет! — почти выкрикнул он.

Конечно, он испытал шок, когда узнал, кто Сандра, и этот шок еще не прошел. Но он не хотел ее отпускать, и сегодня ни за что не отпустит... Настоящая она, необычная, эта худенькая, высокая женщина...

— Мне все равно, чем ты занимаешься, — сказал он, нежно целуя ее руку. — Только не уходи. Пожалуйста, Сандра, не уходи.

— Ты, правда, этого хочешь? — тихо спросила она.

В ее зеленых глазах было ожидание. Она ждала его слов, хотела поверить ему, хотела остаться с ним.

— Я очень благодарен тебе за то, что ты сделала для меня. Но, прежде всего, — ты мне нравишься. Я хочу быть сегодня с тобой. Останься на всю ночь.

— Выключи свет, — тихо прошептала она...

А утром он проснулся один. Сандра ушла...

Он не сразу поверил в это, бросился в ванную, потом зачем-то выглянул в коридор, никого там, конечно, не обнаружив. Вспыхнул, сильно хлопнул дверью и, подойдя к окну, выглянул — на дороге, по которой они вчера шли к гостинице, никого не было.

Его захлестнула жгучая обида. Он никак не мог подумать, что все так быстро кончится.

Жаль, страшно жаль...

Без нее сразу стало как-то одиноко, и он сначала удивился этому — ведь их встреча была недолгой, всего одна ночь, и вот она ушла. Ушел самый счастливый день в его жизни. Потому что рядом была эта зеленоглазая женщина. Сандра...

Сандра, ушедшая куда-то рано утром. Наверное, навсегда...

Пустота давила на него, сидела внутри, сжимая сердце. На этот раз он безрадостно бродил по старому городу, не обращая ни на что внимания. Сандру искал...

«Сандра, Сандра, где ты?»...

Он не нашел ее. Она сама нашлась. Ждала его вечером возле гостиницы, стоя неподалеку от входа.

Высокая, худенькая, и все такая же красивая, а в глазах затаилась тревога.

Он медленно подошел и ласково провел рукой по ее щеке.

— Я тебя искал, — единственное, что смог ей сказать.

— Я чувствовала. Знаю, что не должна была приходить — мы с тобой на разных полюсах жизни, — но не смогла не прийти.

И снова они всю ночь занимались любовью. А утром ей нужно было куда-то уйти по своим делам. Только на этот раз они договорились, что встретятся в городе — возле ведущей на гору Тоомпеа лестницы Паткуля.

Он пришел раньше назначенного срока, но Сандра уже ждала его.

Они поднялись по крутой лестнице на Тоомпеа. Он ни разу не остановился, и у него даже дыхание не сбилось, так он был счастлив. Потом, обнявшись, они долго смотрели со смотровой площадки на красные черепичные крыши старого города...

С того дня они почти не расставались. Он решил не думать о том, что будет дальше. Что будет, когда его таллинские каникулы закончатся? Об этом он

подумает потом, ближе к отъезду. Очень важным было для него это «потом». Ведь Сандра — совсем не то, что раньше случилось иногда во время его поездок. Она больше, намного больше, чем все, что бывало прежде...

Гипертония почти оставила его. Из-за таблеток, про которые он теперь не забывал? Вряд ли. В Москве он тоже пьет эти таблетки, только все равно нередко плоховато бывает. Просто в Москве с ним не было Сандры, а теперь он нашел ее. Мир стал казаться другим, более ярким, и сам он в этом новом мире чувствовал себя обновленным.

Только уставал в эти таллиннские дни от долгих прогулок.

— Отдохни, — говорила Сандра, когда они возвращались в гостиницу.

«Отдохни», — говорила жена, продолжая заниматься своими делами.

Слова вроде бы одни и те же, но жена произносит их с некоторым недовольством и раздражением, а у Сандры ничего такого нет. Оттого ему так хорошо и спокойно с ней...

Жена и Сандра...

Сандра и жена...

Какие они разные ...

Днем он и Сандра обычно перекусывали в каком-нибудь kohvike. Сандра с самого начала расставила точки над *i*, не разрешив все время платить за нее.

— Через раз, я не беднее тебя, — строго говорила она.

Гордая! Он отмечал это про себя и не пытался возражать.

Жена...

У них это естественно — общие деньги, но когда едят вдвоем в городе, то расплачивается всегда он.

— Так положено, — уверена жена.

Тоже своего рода гордость. Пусть видят, что у нее и у мужа — все «как у людей».

Для вечера они с Сандрой покупали что-нибудь в супермаркете. На стол в гостинице накрывала всегда она, а он отдыхал после общего с Сандрой душа.

Снова не как дома, где всю готовку они делят напополам с женой.

Кажется, для Сандры просто естественно заботиться о ком-то, многое брать на себя...

Как и в первый день их общения, Сандра на несколько часов в сутки оставляла его. Всегда ранним утром уходила и возвращалась, когда он успевал позавтракать и шел гулять в город.

— Дела, скоро приду, — говорила она каждый раз.

Он не находил себе места, когда Сандра покидала его. Тосковал, его начинали одолевать сомнения. «Зачем мне все это нужно? Зачем нужна она? К чему эти отношения могут привести?» Бывало, почти приходил к тому, чтобы расстаться с ней, но чем ближе подходило время, когда он должен

увидеть Сандру, тем больше ждал этой встречи. Чуть не бегом мчался к тому месту и всегда замечал ее уже издалека. Она пришла, она ждет его, королева сказки, в которой он сейчас живет!

Он был счастлив и ни о чем не спрашивал Сандру. Но однажды все-таки не выдержал:

— Куда ты все время уходишь по утрам?

— Ничего плохого не думай. Я не работаю сейчас, и это не каникулы, это просто наши с тобой дни. Твои и мои. А хожу я к брату. Мы живем вдвоем, и я за ним ухаживаю, — ответила она.

— Что с ним?

Сандра на мгновение застыла. А потом, не глядя на него, произнесла:

— У него парализованы ноги. Больше заботиться о нем некому. Родители давно умерли... — Она помолчала немного, затем продолжила: — Мы часто выезжаем в парк. Он далеко от дома, брат один на инвалидной коляске не доберется туда. А он очень любит смотреть на мир. Когда увидела тебя, там, на Ратушной площади, сразу о нем подумала. Вы даже внешне чем-то похожи.

— А когда мне стало плохо, то пожалела меня, как жалеешь его?

— Да, очень пожалела. — Сандра повернулась к нему, нежно провела пальцами по губам. — Но потом другое пришло.

— Твой брат... — Он сделал небольшую паузу и поцеловал руку Сандры. — Он давно парализован?

— Двенадцать лет назад травму получил. Но работает дома. Программист. Компьютером, Интернетом живет. И природой в парке.

— Которую видит благодаря тебе.

— А как же иначе? — пожала она плечами.

Она привыкла ухаживать, привыкла заботиться.

Зеленоглазая, самоотверженная...

Рассказав о брате, Сандра намного больше, чем прежде, впустила его в свой мир. С тех пор они стали намного нежнее друг к другу, и он почти решил для себя, что не расстанется с Сандрой, и скоро поговорит с ней об этом. Момент представится, и поговорит. И этот разговор, а он наверняка состоится, станет началом долгого продолжения их уже начавшейся общей жизни. Их новой жизни...

Сутки были наполнены Сандрой. Из-за ощущения счастья новой жизни они казались очень короткими. Они по-прежнему гуляли по старому городу, любовались его красотой. Но особенно часто останавливались возле резных часов на белоснежной кирхе Святого Духа. Белые стены и черепичную крышу освещал свет луны, и кирха выглядела особенно яркой и сказочной в темноте балтийского вечера. Светлый силуэт на темно-синем фоне.

Сандра... Она тоже чистая и светлая. Поэтому с ней так тепло, поэтому он чувствовал себя рядом с ней таким счастливым.

В одно из таких вечерних мгновений он твердо и окончательно решил, что никогда не расстанется с Сандрой. Он изменит свою жизнь ради того, чтобы быть с ней.

Он сможет, и обязательно сделает это...

Наконец наступил день отъезда. Гулять не хотелось, и почти все оставшееся до поезда время они с Сандрой провели в kohvikah.

Из окна одного из kohvikov он долго смотрел на Ратушу и на старинные амбары возле нее. Шел мелкий дождь, но город по-прежнему был сказочно красив, правда, ему он сейчас казался более обычным. Или это дождь смывал очарование сказки, или скорый отъезд...

Сандра решила не провожать его на вокзал.

— Не смогу видеть, как ты уезжаешь, — с горечью произнесла она.

Но он настоял на этом. Ведь до сих пор ему не удалось сказать ей, что думает об их будущем, почему-то отложил разговор на последний момент.

Уже на перроне, стоя у вагона, только попросил:

— Дай мне свой телефон.

— Ты уверен, что тебе это действительно нужно? — невесело улыбнулась она.

— Что — это? — переспросил он.

— Продолжение, — внимательно посмотрела на него Сандра.

— Я не хочу тебя терять, — уверенно проговорил он, — я хочу быть с тобой.

Сказал и почувствовал вдруг, что испугался. Желание продолжить общение с Сандрой почему-то уменьшилось. Оно было таким сильным все это время, но сегодня...

«Наверное, просто не мой день», — решил он.

— Подумай, нужно ли тебе это. — Сандра будто давала ему шанс к отступлению.

Но он этим шансом не воспользовался.

— Нужно, — проговорил твердо и решительно.

Кажется, Сандра поверила. Или очень хотела поверить.

— Если вернешься, — произнесла она, глядя ему прямо в глаза, — я буду принадлежать только тебе.

— Я верю, — ответил он и снова, который раз за эти дни, погладил ее шею.

— Когда ты позвонишь? — спросила Сандра.

— Как только приеду, — пообещал он. — А скоро вернусь, и мы будем вместе. Обязательно. Верь мне.

Сандра кивнула. А он сам верил в каждое свое слово, хотя... она в эти минуты уже не казалась ему такой близкой.

Сандра записала номер телефона на листок из его блокнота, протянула ему:

— У меня не очень хороший почерк. Разберешь цифры?

— Конечно. — Едва взглянув на листок, он автоматически положил его в карман.

Увидев это, она грустно улыбнулась.

Когда поезд тронулся, Сандра долго шла рядом с вагоном, в котором он ехал, сначала медленно, потом все быстрее.

Высокая, худенькая, с темными кругами под глазами, ставшими сегодня еще больше. Он лишь сейчас это заметил. Первые мгновения он хорошо видел ее. Но поезд шел все быстрее, и вскоре Сандра отстала, а он...

Он очень скоро почувствовал себя вырванным из сказки, в которой находился эти дни. Сказки, в которой была Сандра, и был их Таллинн.

Впереди — Москва. Там — жена. А Сандра...

Она осталась и будет ждать его звонка.

А что, собственно, он о ней знает? Когда были вместе, часто казалось, что никаких слов не нужно, им и без них хорошо. В итоге — он почти ничего о Сандре не знает. Тем не менее, обещал вернуться к ней.

«Будем вместе». Вместе...

Можно ли так говорить женщине, которую знаешь совсем мало? А жена? Взять и бросить ее? Но ведь он привык к их общей жизни, которую вместе построили. Что, теперь все разрушить? А то, что Сандра из другой страны, и гражданство у нее другое? Разводиться, устраивать ее в Москве? Чем она здесь будет заниматься? А что делать с ее братом? Вопросы, вопросы...

Поезд уже проехал российскую границу, и он, кажется, единственный, кто сейчас в вагоне не спит, а терзается вопросами...

Наверное, все это лишнее, надо снова привычной жизнью жить... Наверное, да. Надо, надо, надо... Он много раз повторил про себя это слово...

Надо, надо, еще раз надо. Ради нормальной жизни так надо. Нормальной московской жизни...

Да будь она навсегда проклята, эта нормальная московская жизнь! Он в сердцах стукнул кулаком по железной двери вагона, и в этом ударе выплеснулся последний всплеск его решимости.

Он привык к этой московской жизни, к тому же, и... нерешителен. Что ж, ничего не поделаешь, такой и есть, и этого уже не исправить.

Сойдя утром с поезда на Ленинградском вокзале, он выбросил в урну бумажку с телефоном Сандры, и, чувствуя, как пальцы сводит судорогой, заставил себя разжать их.

Любовь сопротивлялась, но слабость оказалась сильнее. Сильнее любви, сильнее боязни. Боязни снова ощутить в себе пустоту....

С той поездки в Таллинн прошло несколько лет. Он жил привычной жизнью. Жена успела защитить кандидатскую и начала писать докторскую.

Отдыхать он, как и прежде, ездит один, но в Таллинне с тех пор не бывал, другие города посещает. Но прежнего отдохновения от поездок нет. Иногда какая-нибудь улочка или дом напомнят ему Таллинн, и сразу тоска накатывает. Тоска по маленькому городу, по необыкновенно красивой сказке.

По новой, оказавшейся такой короткой любви...

Бывает, раз в месяц, а порой и несколько раз за день, он открывает поисковик в Интернете и набирает одни и те же слова: «Таллинн Сандра интим-услуги». Но фотографию Сандры поисковик почему-то найти не может.

«Где ты сейчас, Сандра?.. Что делаешь?..»

После напрасных поисков в Интернете он долго не может заснуть и со страхом думает: «Жива ли ты, Сандра?»

В такие минуты ему становится совсем плохо, и он всем телом прижимается к жене, словно ища у нее поддержки и покоя. Она спросонья привычно обнимает его, но ничего не говорит, думая о чем-то своем, и это объятие нисколько ему не помогает.

Одна картина перед глазами — Ратушная площадь, Сандра...

Высокая, худенькая, любившая его... Его счастье, его любовь, преданная им.

Он прокликает утро, когда бросил в урну листок с телефоном Сандры. Чувство к ней не умерло, оно растет в нем, но он не собирается ехать в Таллинн.

«Лучше бы вообще там не был», — думает иногда с отчаянием.

Плохо жить в пустоте. Страшно. Но другого он боится сильнее. Сандра даст ему счастье, но для нее придется делать больше, чем он делает для жены. В их паре она, в основном, о нем заботится. Как может, конечно. Уже больше десяти лет.

А Сандра?.. Сколько проблем, если бы захотел быть с ней, пришлось бы решить. У него не хватило бы сил на это, на свою половину пути. Он в этом уверен. Поэтому и продолжает жить в мире, который они с женой построили. В мире, где нет Сандры, и от которого он ужасно устал...

P.S. От автора: Я так и не назвал имя героя своего рассказа. Да достоин ли, господа, он его, имени, раз от счастья своего отказался? Этого сказать не могу. Оставлю, как получилось, как есть. Пусть он будет без имени. Просто — он. И пусть будет она — Сандра.

Высокая, худенькая, зеленоглазая... Так и не дождавшаяся своего счастья... □

Фердинанд Петрович Врангель родился 29 декабря 1796 года в городе Пскове в дворянской семье. Дед его, выходец из Дании, принадлежавший к древнему роду балтийских немцев, был, на свою беду, камергером при дворе Петра III. А на двойную беду — любимым камердинером, так что после государственного переворота, учиненного императрицей Екатериной и гибели императора, лишился не только огромных поместий, но и всего состояния.

Пришлось бежать от гнева новой повелительницы.

Отец и мать Врангеля после бегства главы семейства за границу остались без средств. Вскоре Фердинанд остался круглым сиротой и попал на воспитание к дальним родственникам. Однажды у них гостил Иван Федорович Крузенштерн. Рассказ мореплавателя об удивительных путешествиях через все океаны к берегам Камчатки и Америки поразил мальчика и навеки определил его судьбу

Денис Логинов

Фердинанд Барон

Родственникам удалось отдать Фердинанда (Федора) в Морской кадетский корпус на казенное содержание. Здесь он подружился с Петром Анжу. Они стали лучшими воспитанниками выпуска: Врангель по успехам был признан первым из 99 воспитанников, Анжу — вторым.

21 июня 1815 года они отправились в Ревель (Таллинн) служить в 19-м флотском экипаже. Они плавали на фрегате «Автроил» в Финском заливе. Но Врангель мечтал о дальних путешествиях.

Случайно (многое в его жизни происходило случайно!) гардемарин Врангель узнал, что прославленный мореплаватель Василий Михайлович Головнин готовится к кругосветному плаванию на шлюпе «Камчатка», и упросил взять его на судно простым матросом.

Встреча с Головниным оказалась решающее значение не только на судьбу Врангеля, но и на становление его как ученого. На борту «Камчатки» он нес службу и изучал теоретическую географию, историю полярных путешествий, теоретическую и практическую астрономию, судовождение. Богатая библиотека капитана была к его услугам.

После окончания плавания в сентябре 1819 года Головнин привлек Врангеля к новому проекту. Он дал прочитать ему «Проект об отправлении двух экспедиций с устьев Яны и Колымы». Предполагалось снарядить два отряда — Колымский и Янский. Головнин предложил Вранге-

лю, бывшему уже в чине лейтенанта, возглавить Колымский отряд, которому предстояло заняться поисками земель к северу и востоку от Медвежьих островов. Руководителем Янского отряда был назначен старый друг, Петр Анжу.

В 1820–1824 годах экспедиция в составе семи человек провела исследование северо-восточного побережья Сибири. В ходе экспедиции было описано побережье Сибири от реки Индигирка до Колюченской губы, а также нанесены на карту Медвежьих острова, по опросным данным установили местоположение острова, позднее названного именем Врангеля.

Своей поездкой на север Баранова Камня Врангель поставил под сомнение выводы Сарычева, который полагал, что море в этом районе невелико, и недалеко на севере должна находиться «матерая земля».

Однако поиски Северной «матерой земли» продолжались. Удалось установить, что море далеко от берегов Сибири даже зимой не только не сковано вечным льдом, а даже не покрыто сплошным ледяным покровом. Северный Ледовитый океан начал открывать свои тайны. Кроме того, еще раз доказывалась несостоятельность гипотезы о существовании перешейка между Азией и Америкой и подтверждалась справедливость выводов и открытий, сделанных предшественниками Врангеля — русскими землепроходцами и учеными.

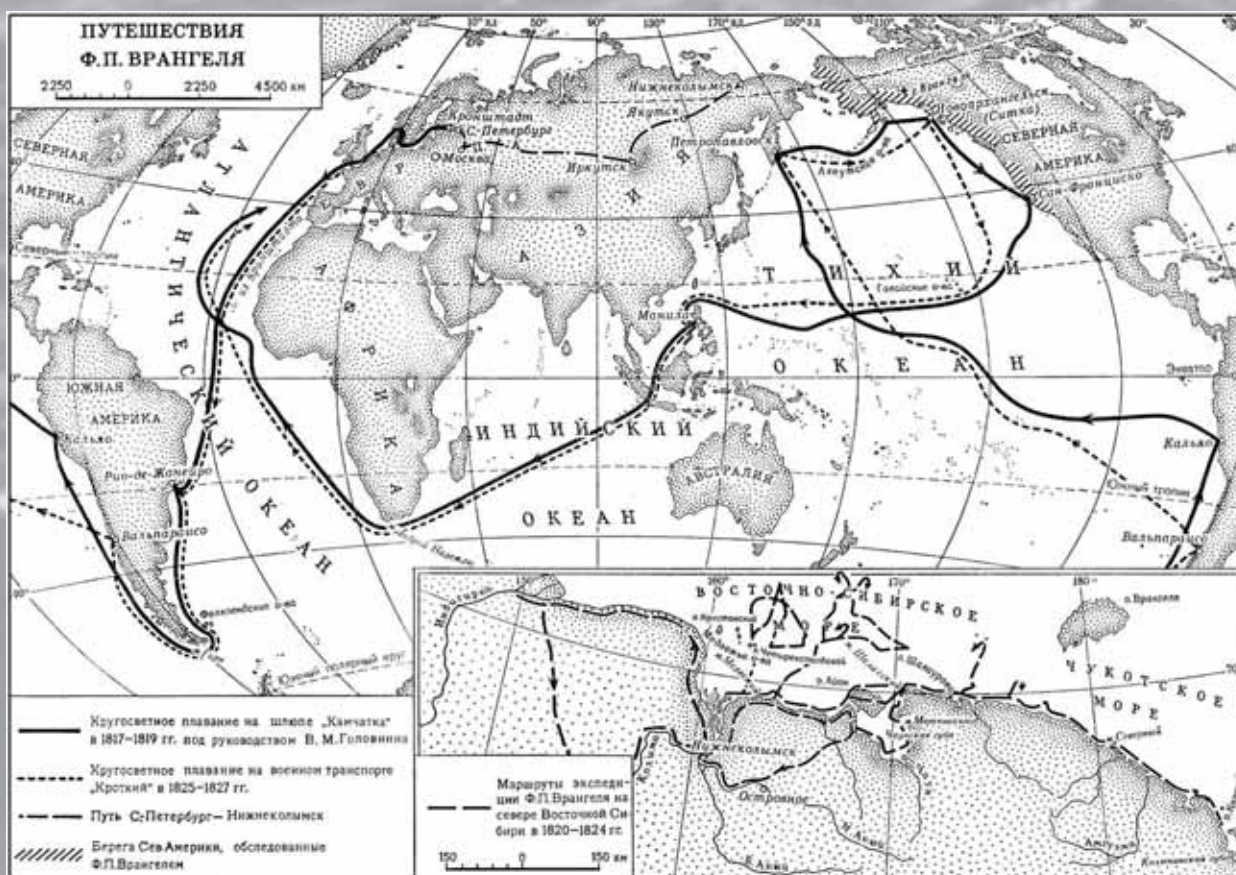
Врангель первым из путешественников открыл ледяные острова и дал их точное описание. Он установил границу распространения припая в Восточно-Сибирском и западной части Чукотского морей. Выдающимся вкладом в изучение климата северо-востока России явилась организация Врангелем систематических метеорологических наблюдений в Нижнеколымске.

Врангель понимал, что доставил науке окончательное доказательство существования северо-восточного морского прохода. Тщательно изучая труды своих предшественников, он впоследствии писал в «Путешествии»:

«Обширное пространство земного шара, заключающееся между Белым

морем и Беринговым проливом почти на 145° долготы по матерому берегу Северной Европы и Сибири, открыто и описано россиянами. Все покушения мореплавателей других народов проникнуть Ледовитым морем из Европы в Китай или из Великого океана в Атлантический ограничены на запад Карским морем, на восток меридианом мыса Северного; непреодолимые препятствия, останавливавшие иностранцев в дальнейшем плавании, преодолены нашими мореходами...»

Русское описание путешествия Врангеля было издано лишь в 1841 году, тогда как уже в 1839 году появился немецкий перевод, сделанный Е.А. Энгельгардтом. С этого немецкого издания, напечатанного по

инициативе и с предисловием знаменитого географа К. Риттера, путешествие Врангеля было переведено на английский язык супругой британского путешественника Э. Сабина и на французский язык князем Голицыным.

В июле 1824 года Врангель вернулся в Петербург. Император Александр I принял его весьма благосклонно, наградив чином капитан-лейтенанта и орденом Святого Владимира IV степени. Осенью того же года Врангель был назначен командиром военного транспорта «Кроткий», предназначенного в кругосветное плавание для доставления предметов снабжения на Камчатку. Описание этого путешествия — Камчатки и Русской Америки — Врангель представил в Морское министерство, но оно не было напечатано, а рукопись затерялась. Уцелел в архиве только журнал, из которого в 1882 году были извлечены и напечатаны метеорологические и другие наблюдения, температура воды, между прочим, впервые в нашем флоте наблюдалась на «Кротком» правильно — 4 раза в сутки.

По возвращении из плавания Врангель был назначен командиром фрегата «Елизавета». Когда осенью 1828 года фрегат прибыл в Кронштадт, он получил предложение со стороны директоров североамериканской компании принять должность главного правителя колоний и согласился, ведь оно сулило ему самостоятельный круг деятельности.

В марте 1829 года Врангель был произведен в капитаны 1 ранга с назначением главным правителем североамериканских колоний. В ноябре 1830 года. Врангель с семьей прибыл в Ситху, где провел пять лет, ежегодно объезжая колонии. Знакомясь на месте с нуждами края, Врангель организовал правильную эксплуатацию промыслов, оберегая вместе с тем туземное население от злоупотреблений компанейских агентов; в своих гуманных стремлениях Врангель встретил сильную помощь в миссионерской деятельности священника Вениаминова, впоследствии преосвященного Иннокентия, митрополита Московского.

В 1835 году Врангель с семьей покинул Ситху, посетил принадлежавшую компании колонию Росс (близ залива Бодего, в Калифорнии), пересек Мексику от порта Сан-Блаз до Веракруца, откуда через Гавр прибыл в Кронштадт. Посещение Мексики имело целью добиться со стороны республики уступки плодородной долины, простирающейся на 20 верст от колонии Росс.

Мексиканские власти соглашались на всевозможные уступки, если Россия войдет в официальные сношения с правительством республики. Докладывая впоследствии об этом императору Николаю I, Врангель указал на пример Пруссии, которая, не признавая официально республики, заключила, однако, через своего генерального консула выгодный торговый трак-

тат, но государь прервал его словами:

— Для Пруссии выгоды впереди чести, а у меня наоборот.

После такого решения колония Росс, приносящая одни убытки, была упразднена.

8 июля 1836 года Врангель был произведен в контр-адмиралы и назначен директором департамента корабельных лесов. Оставаясь на посту директора департамента, он был избран российской североамериканской компанией еще и заведующим делами колоний, а потом и главным директором, каковым оставался до 1849 года.

В порученном ему управлению департаменте Врангель со свойственной ему энергией принялся за борьбу с вкоренившимися злоупотреблениями и рутинной. Морской министр князь А.С.Меньшиков поначалу поддерживал его в этих начинаниях, но, однако, это продолжалось не долго, и потому Врангель вышел в отставку и поселился в своем имении Руйль, Эстляндской губернии.

Но его опыт и знания вскоре снова были востребованы правительством: началась Крымская война, и 58-летний контр-адмирал стал директором Департамента гидрографии, позже — председателем комиссии по пересмотру морских уголовных законов, а затем председателем ученого комитета и инспектором штурманов.

Чин адмирала Врангель получил в 1856 году и в том же году был

назначен управляющим Морским министерством. Его кипучая деятельность, огромная энергия и воля, а также колоссальная работоспособность позволяли ему успевать делать множество дел. По его инициативе был создан Технический комитет, ведавший вопросами технического перевооружения флота.

С 1857 года он уже полный адмирал, генерал-адъютант свиты Его Императорского Величества, член Государственного совета. Блистательная карьера, высокие посты...

Но и тогда он уделял много внимания недавно созданному журналу «Морской сборник». На его страницах Врангель ставил вопрос о необходимости развития на Черном и Каспийском морях купеческого транспортного флота, назначения морских офицеров городскими начальниками в портах на Черном и Азовском морях.

Непомерное напряжение сил подорвали его здоровье, и в 1864 году Врангель окончательно вышел в отставку.

В это время по всем отраслям государственного управления предпринимались существенные преобразования: освобождение крестьян, судебная реформа, уничтожение откупа, введение единства кассы, государственный контроль и многие другие.

Не обладая ораторским талантом, Врангель свои взгляды на об-

суждавшиеся вопросы излагал преимущественно в мемуарах и записках, которые давал читать избранным сочленам, и они нередко служили поводом к изменению некоторых решений.

Кстати, Врангелю принадлежит выдающаяся роль в создании Русского географического общества. Вопрос о его организации начал обсуждаться в 1844 году. Им и его сподвижниками, Литке и Бэр, были разработаны проект и устав, а 7 октября 1845 года состоялось первое собрание членов общества. Врангель был избран председателем отделения общей географии. При обществе им был создан особый комитет, занимающийся вопросом о снаряжении научной экспедиции в Русскую Америку.

Возобновившийся прежний недуг заставил Врангеля оставить служебные занятия. После двух лет, проведенных в чужих краях, он окончательно поселился в своем имении, но и в деревенском уединении принимал живое участие в злободневных вопросах, делился своими мнениями, основанными на обширном опыте, в переписке со своими друзьями и не переставал заниматься научной деятельностью. Ежедневно, пока мог выходить из дома и снимать показания приборов, он вел метеорологические наблюдения и записи в дневнике.

Весной 1870 года Врангель решил посетить места, где прошло его детство. На обратном пути он

заехал к брату в Дерпт (теперь — Тарту). Здесь он и скончался 6 июня 1870 года. Его последними записями стали воспоминания о создании Русского географического общества, начатые им по просьбе К.М. Бэра и законченные за несколько часов до смерти.

Похоронен Фердинанд Петрович Врангель в семейном склепе на кладбище неподалеку от его имения. □

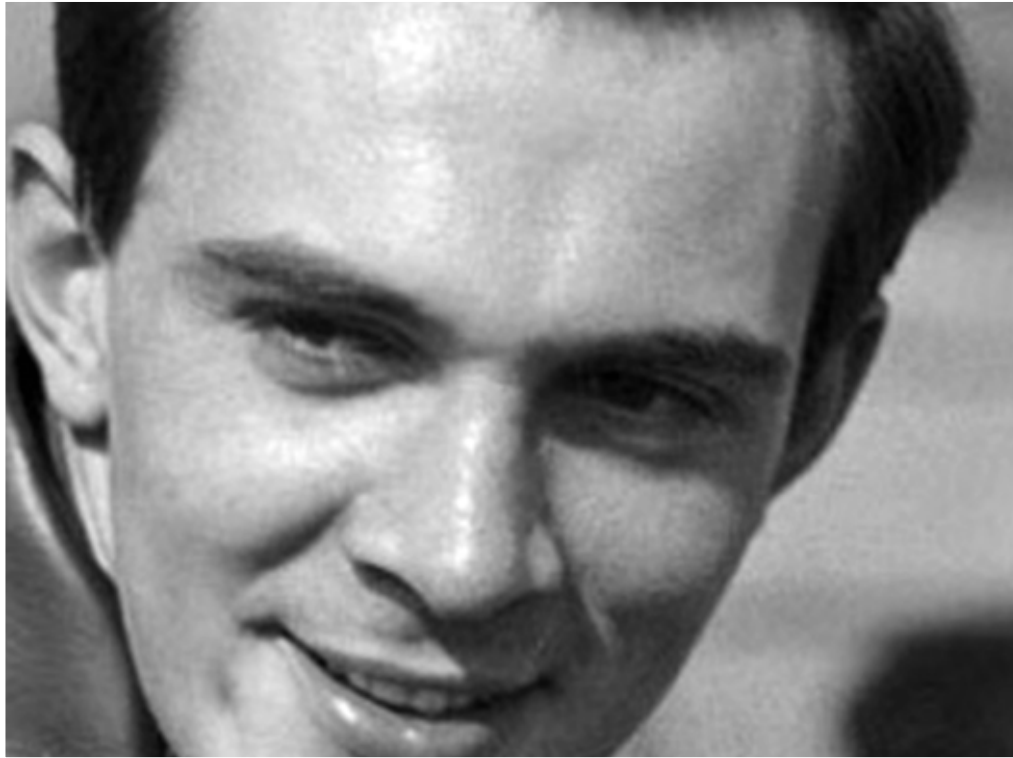
Последний

ОРФЕЙ

Светлана Марлинская

26 марта 1963 года телевизионный эфир взорвался «Бухенвальдским набатом», прозвучавшим со сцены Кремлевского дворца. Его исполнил молодой двадцатилетний певец с изумительным по красоте и силе голосом, мгновенно ставший известным всей огромной стране. Его блистательный талант десятилетиями дарил людям добрый свет любви и красоты и продолжает дарить и поныне, согревая сердца. Такой талант — благословенный дар небес — не может уйти в забвение, и нас до сих пор не покидает свет далекой, но всегда прекрасной звезды по имени **МУСЛИМ МАГОМАЕВ**

Его называли «золотым голосом эпохи». Той, которая ушла, но благодаря его песням живет в сердцах миллионов поклонников. Ведь он не просто обладал божественно красивым, необыкновенным голосом, а в каждую песню вкладывал частицу собственной души.

Муслим Магомаев родился 17 августа 1942 года в известной азербайджанской семье: дед, в честь которого и назвали новорожденного, был пианистом, композитором и дирижером. Отец не вернулся с фронта, погиб за несколько дней до победы, а мать Муслима — Айшет Кинжалова — была драматической актрисой.

В то время, когда сверстники Муслима играли машинками и оловянными солдатиками, он ставил дедовский пюпитр, брал в руки карандаш и руководил воображаемым оркестром.

Любовь к музыке в семье Магомаевых передавалась от поколения к поколению. Отец Муслима, Магомет Магомаев, был до войны театральным художником, любил петь, сам аккомпанировал себе на рояле.

«...А потом в моей жизни зазвучали чеченские мотивы — своеобразное попурри из концертных успехов, гастрольных набегов на аулы под скрежет старого автобуса, двухнедельного молчания из-за того, что пропал голос... — писал Муслим Магомаев об истории своей семьи и своей национальности. — Естественно, они познакомились и со мной, потом стали предлагать мне поехать поработать в Грозненской филармонии, посмотреть родину моего прадеда Магомета.

Здесь надо рассказать об одной легенде, которая сохранилась в нашей семье. В прошлом веке знаменитый горец, герой Шамиль, шел со сво-

Субботников (так она называлась в то время, когда я работал там, а Грозный был столицей тогдашней Чечено-Ингушетии).

Кем был мой прадед по национальности — неизвестно. Давно умерла родная сестра деда Маликат. Когда я расспрашивал ее о происхождении нашего рода, она только хитро улыбалась и отговаривалась легендой о Шамиле... Как-то я участвовал в очередном концерте в Кремле, посвященном то ли государственному празднику, то ли какой-то годовщине. Обычный кон-

М

услиму было восемнадцать, и он пользовался бешеным успехом у девушек. В музыкальном училище Муслим познакомился с красавицей Офелией и решил на ней жениться. Его бабушку это так напугало, что она спрятала паспорт любимого внука, чтобы тот «сдуру не женился». Не помогло

им войском по Северному Кавказу с прекрасной миссией — объединить все кавказские народы. Он брал малых детей из одного селения и перевозил в другое — делал межплеменной, межнациональный замес, в который совсем еще несмышленным мальчишкой попал и мой прадед. Откуда Шамиль привез его, никто не знает. Для меня это не столь важно. С таким количеством кровей, что перемешаны во мне, я по самой природе своей интернационалист.

Потом мой предок оказался в Грозном, где был кузнецом-оружейником, жил в маленьком домике на улице

церт высокого уровня, куда приглашали артистов со званиями «народных». Я был уже человек известный, и многих интересовала моя родословная. После выступления вышел в фойе, вижу группу, в центре которой Махмуд Эсамбаев о чем-то увлеченно рассказывает. Увидел меня:

— Мы о тебе, Муслим, говорим. Скажи им сам, кто ты по национальности.

— Азербайджанец.

— Как азербайджанец?! — Махмуд от удивления аж свою знаменитую папаху заломил.

— Так. Если ты хочешь сказать, что я чеченец, то я не могу это утверж-

дать с полной уверенностью, потому что сам не знаю. Зато я точно знаю, что родина моя — Азербайджан, я там родился. Эта земля меня вскормила. В Баку я получил образование и стал тем, кто я сейчас есть...»

Мать Муслима после гибели мужа выбрала театральную карьеру и уехала в Вышний Волочек, а сына оставила на воспитание дяде — Джамалу Муслимовичу Магомаеву. Дом дяди Джамала навсегда стал для мальчика родным, а сам дядя заменил ему отца и деда.

Муслим учился в музыкальной школе при Бакинской консерватории по

классу фортепиано и композиции. Талантливого ученика заметил профессор Бакинской консерватории виолончелист В.Ц. Аншелевич, который стал давать ему уроки. Аншелевич не ставил голос, а показывал, как его филировать. Опыт, приобретенный на занятиях с профессором-виолончелистом, потом очень помог Магомаеву, когда он начал работать над партией Фигаро в «Севильском цирюльнике».

Так как в школе не было вокального отделения, Муслим в 1956-м году перешел в Бакинское музыкальное училище, где до 1960-го года учился у преподавателя Александра Акимов-

вича Милованова и его многолетнего концертмейстера Тамары Исидоровны Кретинген.

Ему было восемнадцать лет, и уже в эти годы юноша пользовался бешеным успехом у девушек. В музыкальном училище он познакомился с однокурсницей, красавицей с романтическим именем Офелия, и решил на

ней жениться. Бабушку Муслима это так напугало, что она спрятала паспорт любимого внука, чтобы тот «сдурю не женился».

Не помогло.

«Беззаботная юность кончилась — я влюбился, — вспоминал Муслим Магомаев. — Все как в песне: я встретил девушку, полумесяцем бровь...

Мы стали встречаться. Дядя и тетя, зная о моем увлечении и зная мой характер, почувствовали неладное. Но по своей природной деликатности дядя Джамал не решался затевать со мной мужской разговор, а я еще не считал нужным открываться дяде. И вот в один прекрасный день у меня исчез паспорт. Похоже, это была рука бабушки: она вовремя уловила опасное мгновение — мы с Офелией как раз решили пожениться. В нашем дворе жила некая Ольга Каспаровна Чарская, в прошлом известная исполнительница старинных романсов. Она была весьма общительная женщина и, если что-то рассказывала, то кричала на весь двор. И вот бабушка спрятала мой паспорт именно у нее, так как понимала, что дома я все равно разыщу его. Соседка, в силу своей общительности, не могла

— Хочешь быть самостоятельным? Хорошо, давай попробуй, ты уже взрослый. Но имей в виду, будешь плакаться — не пойдем.

Я стал жить в семье Офелии. Ее отец, человекинтеллигентный, ученый-химик, работал в Академии наук. Был он деликатный, скромный, а теща... Теща есть теща. Все получалось по закону семейных качелей. Очень скоро началось выяснение отношений. Мне надо было кормить нашу маленькую семью, пришлось срочно устраиваться на работу».

Брак оказался хрупким: родня жены считала, что Муслим должен, не щадя себя, зарабатывать много денег, а песнями это практически не удавалось. Наконец Муслим был принят в Ансамбль песни и пляски Бакинского округа ПВО. Но теперь Офелия стала тяготиться сумасшед-

В

60-е–70-е годы популярность Магомаева была безграничной: многотысячные гастролы по всему Советскому Союзу, частые выступления на телевидении, огромные тиражи пластинок с его записями. Он по сей день остается кумиром для многих поколений людей в нашей стране

долго хранить доверенную ей тайну, и все кончилось тем, что я каким-то хитрым способом вернул паспорт... Мы с Офелией расписались, ничего и никому не сказав. Я поставил перед фактом свою семью. Реакция сдержанная, думал, будет хуже. Бабушка была расстроена, а погрузневший дядя ворчал:

шим гастрольным графиком супруга: она хотела, чтобы муж всегда был рядом с ней. Увы...

По приглашению друзей Муслим с Офелией переехал работать в Грозный, на родину прадеда. Солиста Грозненской филармонии ждал успех. Но...

«В продуваемых всеми ветрами гостиницах мы кормили клопов... Я на-

простужался в разъездах по аулам, наорался в горах так, что у меня пропал голос. Нашли для меня в Грозном хорошую врачиху — специалистку по иглоукалыванию. Через две недели от ее иголок или от молчания голос вернулся. Я запел. Но Офелия не выдержала такой нашей жизни и уехала домой, в Баку».

Через несколько месяцев вернулся в Баку и Муслим, но не в семью Офелии. Он поселился у сына одной из сестер бабушки.

«После отъезда Офелии из Грозного в Баку я решил, что наша совместная жизнь закончилась, но, узнав, что жена ждет ребенка, вернулся в ее дом. У нас родилась дочка (1961 год), мы назвали ее Мариной... Но наша семейная жизнь не получалась... Впоследствии мы расстались...»

Сейчас Марина вместе с супругом Александром Козловским и матерью Офелией живут в США, в Огайо. У них растет семилетний сын — Ален, внук Муслима. Марина была очень близка с отцом, а Муслим бесконечно ценил дружеские отношения с дочерью. Хотя Марина окончила школу как пианистка, и ей прочили прекрасное будущее музыканта, она выбрала другой путь. Отец с нежностью говорил:

— У меня прекрасная дочь Марина, уже взрослый человек. В свое время дед, академик-химик, уговорил ее учиться геодезии и картографии: видно из-за меня в семье появилась аллергия на музыку. Марина с отличием окончила школу как пианистка, ей прочили прекрасное будущее музыканта, она потрясающе

играет с листа... Но профессиональным музыкантом дочь не стала. Решила найти себя в другом. Я не имел права что-то навязывать ей, давать советы, а тем более вмешиваться в ее судьбу. У нас с ней дружеские отношения, и я бесконечно ценю это...

...Если бы она жила со мной... Впрочем, как она могла жить со мной, ведь я очень долго вел скитальческую жизнь? Да и с ребенком на руках я был бы не свободен в творческой жизни. Так сложилось — Марина не стала музыкантом... Я убеждал дочь бросить свою географию, идти в консерваторию. Выступала бы со мной в концертах, аккомпанировала...»

Бакинскую консерваторию по классу пения Муслим закончил только в 1968 году, после двухлетней (1964–1965) стажировки в Миланском оперном театре «Ла Скала», когда он уже триумфально прогремел с «Бухенвальдским набатом», блистательно провел первый сольный концерт в Москве в Концертном зале им. П.И. Чайковского, стал солистом Азербайджанского театра оперы и балета, много выступал на концертной эстраде и был уже всесоюзно известен.

Однако предложение перейти в труппу Большого театра Муслим Магомаев не принял, не желая ограничивать себя рамками оперных спектаклей.

В 1966 и 1969 годах с большим успехом прошли гастрольные выступления в знаменитом театре «Олимпия» в Париже. Директор «Олимпии» предложил Магомаеву контракт на год, обещая сделать из него звезду международного масштаба. Певец всерьез рассматри-

вал такую возможность, но... отказало Министерство культуры СССР, мотивировав это тем, что Магомаев должен выступать на правительственных концертах.

Так что в жизни «золотого голоса» были не одни только розы — и шипов случалось предостаточно.

В конце 1960-х, узнав, что Ростовская филармония испытывала финансовые трудности, и у ансамбля

донских казаков не было приличных костюмов для намечавшихся гастролей в Москве, Магомаев согласился помочь, выступив на переполненном местном стадионе, вмещавшем 45 тысяч человек. Планировалось выступление только в одном отделении, однако он провел на сцене более двух часов.

За этот концерт ему заплатили 606 рублей, вместо 202 рублей, которые

*Дочь
Марина*

тогда были положены за выступление в одном отделении. Администраторы заверили его, что такая ставка вполне законна и одобрена Министерством культуры, однако это оказалось поводом для... возбуждения уголовного дела по линии ОБХСС.

Когда об этом сообщили выступавшему в парижской Олимпиаде Магомаеву, то эмигрантские круги предложили ему остаться, однако Муслим предпочел вернуться в СССР, так как не представлял себе жизни вдали от Родины и понимал, что эмиграция может поставить в тяжелое положение его родственников в СССР.

Хотя разбирательство и не выявило никакой вины Магомаева, — ведь он расписался за полученные деньги в официальной ведомости, — тем не менее, Министерство культуры запретило ему выступать с гастрольями

за пределами Азербайджана. Нет худя без добра: использовав свободное время, Магомаев сдал все экзамены и закончил Бакинскую консерваторию.

Опала закончилась после того, как председатель КГБ СССР Юрий Андропов лично позвонил Екатерине Фурцевой и потребовал обеспечить выступление Магомаева на концерте по случаю юбилея КГБ, заявив, что по линии КГБ у певца все чисто.

Вскоре Муслим Магомаев снова оказался во Франции — в Каннах, где проходил очередной Международный фестиваль грамзаписи и музыкальных изданий. Его пластинки разошлись фантастическим тиражом в 4,5 миллиона экземпляров. Певец из СССР был награжден «Золотым диском». Незадолго до этого он получил первую премию на фестивале в Со-

поте. Следующие несколько лет были годами побед на различных творческих конкурсах и музыкальных фестивалях, где публика аплодировала Муслиму стоя.

У Муслима Магомаева всегда были полноценные зарубежные гастро-

ли. Из советских эстрадных артистов по линии Госконцерта он первым поехал в США. А в 31 год был удостоен высшей награды — звания народного артиста СССР, и стал самым молодым в истории народным артистом СССР.

*С супругой
Тамарой
Синявской*

Магомаев не любил антрактов — предпочитал петь на одном дыхании, признавался, что, если разгонится, ему трудно бывает остановиться. В первой части концерта он исполнял классику, а во второй радовал слушателей популярными песнями и зарубажными хитами.

В шестидесятые и семидесятые годы популярность Магомаева в СССР была безграничной: многотысячные стадионы, бесконечные гастроли по всему Советскому Союзу, частые выступления на телевидении. Пластинки с его песнями выходили огромными

тиражами. Он по сей день остается кумиром для многих поколений людей на постсоветском пространстве.

Голос Магомаева — яркий, звучный баритон с каким-то особенным, неповторимым тембром. Но кроме прекрасной техники вокала, он обладал чрезвычайно выигрышной сценической внешностью и манерами. Красивый, высокий, всегда стройный и подтянутый, с царственной осанкой, в элегантном костюме, с крупными цепкими кистями пианиста, с такой же крупной головой, то гордо откинутой, то меланхолически склоненной, с

Помимо прекрасной техники вокала, Муслим обладал чрезвычайно выигрышной сценической внешностью. Красивый, высокий, всегда подтянутый, с царственной осанкой, с крупной головой, то гордо откинутой, то меланхолически склоненной, с пронзительным взглядом горящих черных глаз, он сразу, появляясь на сцене, завладевал вниманием зрителей

тиражами. Он по сей день остается кумиром для многих поколений людей на постсоветском пространстве.

В концертном репертуаре Магомаева было более 600 произведений (русские романсы, эстрадные и неаполитанские песни), он снялся в фильмах: «Низами», «Поет Муслим Магомаев» и «Москва в нотах», и сам является автором более 20 песен, музыки к фильмам и театральным спектаклям. Он также был автором и ведущим цикла телепередач о жизни и творчестве звезд мировой оперной и эстрад-

пронзительным взглядом горящих черных глаз, он при появлении на сцене моментально завладевал вниманием всех зрителей.

Почти пятнадцать лет — с 1975 по 1989 годы — Магомаев был художественным руководителем созданного им Азербайджанского государственного эстрадно-симфонического оркестра, с которым много гастролировал по стране.

В личной же жизни все складывалось непросто. Большой любовью Магомаева в 1960–70-е годы стала

музыкальный редактор Всесоюзного радио Людмила Карева. На этот раз официального оформления отношений не было. На гастролях их отказывались селить в одном номере. Как-то Магомаев на банкете рассказал о своей проблеме министру внутренних дел Щелокову. Тот выдал справку:

«Брак между гражданином Магомаевым Муслимом Магометовичем и Каревой Людмилой Борисовной прошу считать фактическим и разрешить им совместное проживание в гостинице. Министр внутренних дел Щелоков».

Но и этот союз оказался не навсегда.

С главной женщиной всей жизни, оперной певицей Тamarой Синявской, Магомаев познакомился в 1972 году, когда она еще была замужем. У них вспыхнул страстный роман, но затем влюбленные расстались на два года, сочтя подобные отношения ошибкой. Она уехала на стажировку в Италию, но он звонил ей каждый день, ждал возвращения. Лишь спустя какое-то время судьба вновь столкнула их на гастролях, и с тех пор они не разлучались.

Объездили множество стран, вместе гастролировали. С нею он летал в Америку — встретиться с дочерью и внуком Алленом, которого обожал.

«У нас с Тamarочкой прекрасные отношения, — говорила в одном из интервью Офелия, вторично вышедшая замуж уже за границу. — То, что нас с Муслимом связывало, — было давно. Она же не уводила у меня мужа. Они встретились после нашего развода. Да и Марина ей как дочь. Она с внуком часто ездила к отцу...»

Его уход со сцены в 1988 году был удивителен и уникален. Никаких юбилеев, долгих проводов и сборных концертов. Он предпочел коллекционировать старое кино, рисовать картины и общаться с поклонниками по Интернету. Мог часами просиживать за ком-

пьютером, записывая новые композиции, делая аранжировки или просто отвечая на вопросы посетителей личного сайта. О прекращении выступлений Муслим Магомаев говорил: «Каждому голосу, каждому таланту Бог определил определенное время, и перешагивать его не нужно», хотя с голосом проблем не было никогда. Он не жаловался на здоровье, но иногда попадал в больницу, сердце все же давало о себе знать.

Последние годы жизни он прожил в Москве, отказываясь от концертных выступлений. Тем не менее, одной из последних песен Магомаева стала песня «Прощай, Баку» на стихи Сергея Есенина, записанная в марте 2007 года. Словно предчувствовал...

25 октября 2008 года Муслим Магомаев в возрасте 66 лет скончался от ишемической болезни сердца, на руках у своей супруги Тамары Синявской.

28 октября 2008 года в Москве, в Концертном зале имени Чайковского, прошла церемония прощания с певцом.

29 октября... В зале Азербайджанской Государственной филармонии, в центре сцены, на постаменте, украшенном белыми розами, установили за-

и исполненной им песни «Азербайджан».

Тамара Синявская, вдова легендарного певца, категорически запретила рассказывать семилетнему Аллену о смерти бабушки. Аллен очень его любил, и родные боялись, что для ребенка известие о его кончине станет сильнейшим стрессом...

Через год состоялось открытие памятника Муслиму Магомаеву на его могиле. Памятник выполнен во весь

Е

го уход со сцены в 1988 году был удивителен и уникален. Никаких юбилеев, долгих проводов и сборных концертов. «Каждому голосу, каждому таланту Бог определил определенное время, и перешагивать его не нужно», — говорил Муслим

крытый гроб. Вдова — Тамара Синявская — с трудом сдерживает слезы. Ее успокаивает президент Азербайджана Ильхам Алиев. Рядом навзрыд плачет Марина. Она из-за проблем с визой не смогла приехать на прощание с отцом в Москву, а прилетела сразу в Баку. Ее поддерживает муж — Алекс.

Офелия очень хотела поехать на похороны, чтобы еще раз увидеть человека, которого так любила в молодости, но осталась в США с внуком, здоровье не позволяло совершать дальние перелеты.

В тот же день Магомаев был похоронен на Аллее почетного захоронения в Баку рядом со своим дедом. Проститься с ним пришли тысячи людей. Гроб с телом покойного вынесли под звуки написанной

рост, а белый мрамор для него был доставлен в Баку с Урала.

А в Москве 25 октября 2009 года был открыт концертный зал имени Муслима Магомаева в Крокус Сити, в октябре 2010 года прошел первый Международный конкурс вокалистов имени Муслима Магомаева, а памятник замечательному певцу был установлен и торжественно открыт 15 сентября 2011 года в сквере напротив здания посольства Азербайджана в Москве.

Он жил, отдавая себя без остатка семье, сцене, поклонникам, любимому делу, и оставил после себя творческое наследие эпохи, которая все-таки никуда не ушла, ведь память о ней продолжает жить. А сам Муслим Магомаев так и остался вне времени. □

Андрей Лопатин

Дела

семейные

Как же давно это было! У меня в руках старая фотография выпускного класса. Вспоминаю самую первую нашу встречу.

К началу урока она зашла вместе с учителем.

— Вот, знакомьтесь, — сказала Ольга Павловна. — В вашем классе новичок. Зовут ее Даша. Прошу, как говорится, любить и жаловать.

Стройная, худощавая, с большими, как у куклы, голубыми глазами и длинными ресницами, светло-русыми волосами, собранными сзади в хвостик и украшенными черным бантом, она пленила парней сразу, всех до одного. Уже в первую секунду каждый обзавелся своей тайной мечтой.

Девчонки, естественно, были не в восторге. Существует мнение, что женщины ни черта не понимают в женской красоте, так же, как и мужчины не понимают в мужской. Но, уверяю вас, наши девчонки мгновенно поняли, что запахло жареным, они нутром почувствовали — появилась соперница.

Лично я обрадовался больше всех. Не могу назвать себя везучим человеком, но в этот раз, словно в лотерее, мне удалось, как тогда казалось, сорвать настоящий «джекпот». Дело в том, что за партой сидел я один, и вариантов, с кем посадить Дашу, больше не было.

— Привет! — сказала она, усаживаясь рядом.

— Привет, — улыбнулся я.

Новенькие почему-то всегда вызывают нездоровые эмоции. Свои девчонки в классе вдруг сразу становятся не интересными. Не могу объяснить этот феномен, наверное, тут надо почитать умных психологов, вроде

Карнеги или Юнга, а то и умных сексологов, вроде... Нет, не будем вдаваться в философию. Главное для меня — результат этой подсадки. Уже вечером я шагал с ней рядом, напросившись проводить до дома, и узнал, что она — капитанская дочка, что армия иногда отправляет ее отца в глухие районы для повышения своей обороноспособности.

— Мы с мамой привыкли жить кочующим табором, — призналась Даша, озарив меня пленительной улыбкой.

— Вредная привычка. Из табора придется тебя выкрасть, — сквозь зубы процедил я.

Однажды я заболел и не пришел на занятия. Этим воспользовался мой недруг, одноклассник Пашка Удальцов. Он бесцеремонно взял да и проводил ее до дома. Мне об этом тут же доложили, и я сразу выздоровел. Утром, перед тем как отправиться в школу, специально потренировался гантелями, постучал кулаками в подушку, воображая физиономию Удальцова, продумал комбинацию ударов.

После уроков в окружении ребят мы с ним ушли за школу. Но лицо Удальцова — вовсе не подушка, оно оказалось гораздо тверже. Первый хук в лоб получился у меня хуком в нос: себе я вывихнул палец, а ему нос. Из носа побежала кровь, и мы решили на этом закончить.

На другой день он подошел ко мне сам и, сделав жалобное лицо, потребовал:

— Уступи Дашку! Тебе чего, жалко, что ли? — Потом начал хитрить: — А давай за деньги куплю?..

Я удивился так, что проглотил жвачку. Пришлось наглецу вывихнуть еще и ухо.

Из-за Дашки моя учеба вскоре пошла вниз, дневник запестрел двойками. На замечание отца я ответил:

— Эх, папка! Не до учебы мне теперь — влюбился я! Скоро приведу ее знакомиться с вами, готовьтесь.

Передо мной другая фотография... Это мы уже в загсе. У Дашки глаза счастливые, улыбка до ушей. Я тоже улыбаюсь, не веря своему счастью. Какими же наивными бывают люди в молодости! Глядя на эту фотографию, так и хочется сказать молодому человеку: остановись, сумасшедший, пока не поздно! Но не слышит молодой человек, от восторга уши и щеки сияют как светофор, а рука спешит надеть кольцо на палец возлюбленной. Не понимает юноша, что кольцо на шею свою надевает. Ну, да ладно, оставим его, пусть пока воображает...

А вот следующий снимок: это мы на крыльце роддома. На моих руках первый сын, Сашка, сорванец будущий. Кажется, что здесь я хоть и улыба-

юсь, но во взгляде сквозит некоторая озабоченность. Видимо, произошло уже отрезвление и понимание, что влип крепко, и обратного хода нет.

На другом снимке мы опять на крыльце роддома. На руках мое второе произведение — маленькая Любаша, в будущем вылитая мать. Первое ее слово было: дай! Молодой человек по-прежнему улыбается...

А вот снова роддом, будто и бывать нам больше негде. Подозреваю, что Бог сначала хотел сделать из меня кролика. На моих руках уже третье наше произведение — маленький Игорек, а вот молодой человек больше не улыбается. Задумался он, что крутиться теперь придется как юла, в три раза быстрее. Дашка к тому времени стала шире тоже в три раза, попробуй, прокорми такую!

Еще один примечательный снимок. Это мы на нашем юбилее — десятилетие совместной жизни. Отмечать его не собирались, потому что забыли, когда поженились, но к жене в этот день пришли подруги и заявили:

— Это нечестно! Это возмутительно!

Пришлось быстро накрывать на стол. А мне досталось помогать жене на кухне. Я уже заранее знал, чем все закончится.

Сначала мы долго не могли поделить терку. Потом оказалось, что я без остатка изрезал всю морковь в свой салат, чем и обезглавил ее задуманное блюдо. Гостей отправили в магазин за новой порцией. Морковку купили, но осадок остался...

Потом Дашка попросила меня присмотреть за кастрюлькой, стоявшей на плите, а сама ушла в гостиную. Я решил доварить, помешал, как положено, посолил, как требуется, поперчил, как рекомендуется. И все это — из самых лучших побуждений. Но, оказалось, все было посолено и поперчено до меня. Осадок перерос в скандал. Пришлось варить заново.

Кое-как отсидели мы юбилей, а как только гости ушли, тут и началось:

— Леня! — сказала мне жена. — Вот я сейчас сижу и думаю, как я с тобой, с таким несерьезным человеком, целых десять лет прожила?

— Верно заметила, — ответил я. — Если бы был хоть чуть-чуть серьезнее, мы бы так долго не прожили!

Естественно, после этих слов она набросилась на меня с кулаками. Слава богу, с кулаками, сковородки тогда были еще не в моде.

— Завтра же соберу тебе сумку с вещами! — не унималась Дашка. — Да какую сумку? Все, нажитое тобой, уместится в барсетке!

До сих пор в ушах звенит: в барсетке, в барсетке... Теперь сомневаюсь: может, надо было все-таки продать ее Удальцову за жвачку?

А вот передо мной фотография еще одного юбилея — двадцатипятилетие совместного проживания! Он был всего неделю назад. У меня до сих пор

остались следы от синяка, а шишка на затылке так и не рассосалась. Отмечать мы и в этот раз не собирались. Но опять пришли ее подруги и заявили:

— Это нечестно! Это возмутительно!

Сегодня мы с Дашкой — как кошка с собакой. Ночами обитаем строго по разным комнатам. Я уже серьезно опасаясь, что могу быть задушен во сне подушкой, поэтому, в целях личной безопасности, каждый обустроил себе крепость, которая оснащена надежным замком.

На этом юбилее мы с Дашкой, впервые за последние годы, оказались за одним столом. Нас даже посадили рядом друг с другом! И — представляете? — начали поздравлять!

Ее подруги, словно в насмешку, изготовили две большие картонные медали и повесили нам на шею. На медалях была надпись: «За многолетнюю любовь и согласие в семейной жизни».

Я вежливо поблагодарил, а когда сел за стол, мне стало грустно. Почему-то вспомнились другие медали — боевые: «За мужество», «За отвагу», «За храбрость». Если бы к каждой из них приписать «в семейной жизни», они бы подошли мне как нельзя лучше.

«Почему нет таких медалей? — негодовал я про себя. — Кто бы хоть месяц пожил с моей Дашкой, тот бы сразу понял: за столько лет мне не только медаль, а боевой орден вручить полагается! Да что там орден! Мелко... Тут пахивает и более высокой правительственной наградой — золотой звездой Героя России! И с обязательным оформлением повышенной пожизненной пенсии!»

Мои мысли прервала теща, обратившаяся к нам с издевательской речью:

— Все завидуют вам, дети мои! Сколько счастливых минут вы подарили друг другу за эти годы! А сколько еще подарите! Мда... — вздохнула она. — Вот у меня с Федором Ивановичем скоро пятидесятилетие будет, как мы вместе! Представляете, каково это? Такой срок прожить душа в душу, каждый день видеть одну и ту же физи... одну и ту же мор... одну и ту же счастливую улыбку — это дорогого стоит!

Тесть горько вздохнул, видимо, вспоминая все синяки и ссадины, все больничные палаты и кареты «скорой помощи», все валидолы и корвало-лы семейной жизни.

— А у меня дед с бабкой так вообще шестьдесят лет отбарабанили вместе, от звонка до звонка! Вот им каково? — добавил один из захмелевших гостей и подмигнул.

Потом с бокалом в руке поднялся другой гость и, качаясь и расплескивая вино, неожиданно грянул:

— Горько!

Помню, как я схватился за сердце, и как лицо жены стало белым словно извесь. Но, не дав нам опомниться, все разом подхватили:

— Горько! Горько! Горько!

Этот поцелуй я, наверное, не забуду до конца своих дней. Чтобы уважить гостей, нам пришлось смириться. Нервно морщась и кипя от злобы, мы потянули губы навстречу друг другу и закрыли глаза, чтобы не видеть своих лиц. Я даже заткнул уши, чтобы не услышать звук чмокания.

Но есть на свете Бог — в губы мы промахнулись: я попал в нос, а она в подбородок.

Кто хоть однажды целовал усопших, поймет мои ощущения. Жена после поцелуя утерла губы платочком, а потом незаметно сходила в ванную комнату и почистила зубы. Мятной пастой.

Кое-как удалось нам «отыграть» вечер. Хорошо, что после застолья долго убираться не пришлось, а посуду вообще мыть было не нужно. У нас она вся одноразовая, пластмассовая. Кастрюли и сковородки давно погнуты, тарелки и стаканы давно разбиты, а железных ножей и вилок мы не держим по причине безопасности здоровью, имуществу и другим ценностям.

А несколько минут назад из школы вернулся сын Игорек. Я давно хотел отругать его за то, что совсем забросил учебу и скатился на двойки.

Можете представить, какой я получил ответ? Нет, вы не сможете представить даже частицу той боли, какую он причинил мне. Он радостно заявил:

— Эх, папка! Не до учебы мне теперь — влюбился я! Скоро приведу ее знакомиться с вами, готовьтесь.

Вот скажите, люди добрые, что мне ему ответить? □

история Древнего мира

история Европы история древних викингов

Интересные страницы

ежедневно в эфире «365 дней ТВ»

мировой культуры и религий

события российской истории

история XX века

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАНАЛ
«365 ДНЕЙ ТВ»

Интересные страницы:

Важные исторические

от времен фараона Тутанхамона до Первой Мировой войны

Увлекательные события

история Америки, Азии, Африки, Австралии
великие цивилизации древности

**смотрите лучшие документальные фильмы
и передачи о мировой и российской истории**

www.365days.ru

facebook.com/365TV

СМОТРИТЕ В ПАКЕТАХ КАБЕЛЬНЫХ И СПУТНИКОВЫХ ОПЕРАТОРОВ!

12+

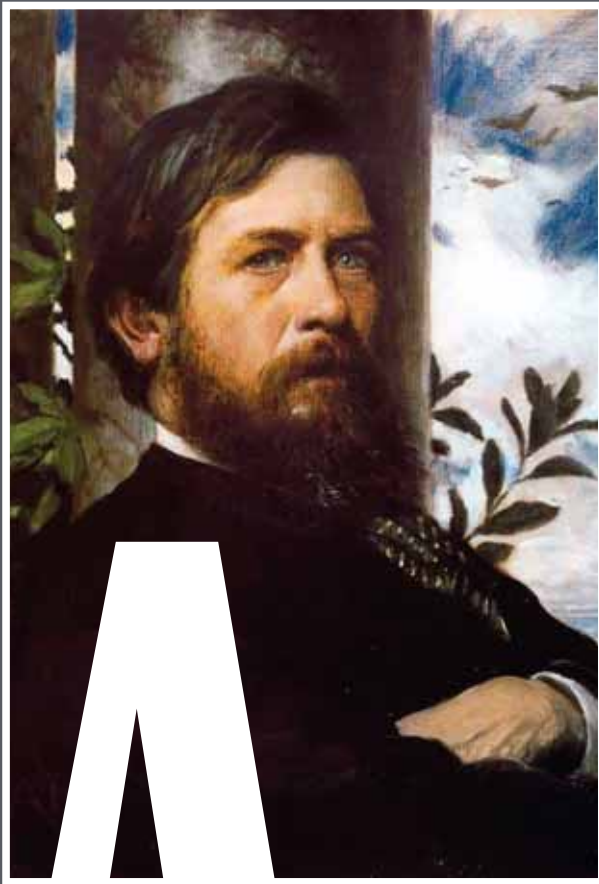
реклама

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

Ирина
Опимах

Арнольд Беклин родился в Базеле 16 октября 1827 года. Его отец Христиан Беклин был вполне успешным торговцем, а мать, Урсула Липпе, происходила из богатого базельского рода. Арнольд никогда не забывал, что по материнской линии он — потомок самого вели-

их художественной ценности. К ним относятся такие полотна, как «Джоконда» Леонардо, «Волна» Хокусая, «Крик» Мунка и многие другие. Среди них — «Остров мертвых» Арнольда Беклина. В 1885 году эта картина завоевала всю Европу, ее узнали и полюбили не только представители богемы, но и простые обыватели, с удовольствием украшавшие ее репродукциями свои дома. Беклин, выражаясь современным языком, стал

Арнольда Беклина

В истории искусства есть произведения, которые со временем приобретают значение, не соответствующее

культовой фигурой, его именем был даже назван типографский шрифт — «Беклин», в стиле модерна.

кого Гольбейна Младшего. Он тоже будет художником, и тоже — великим! Правда, отец, практичный коммерсант, иначе видел будущее сына, однако мать, которая, видно, тоже помнила о своем родстве с Гольбейном, уговорила мужа отправить Арнольда в Дюссельдорф,

где он поступил в Академию художеств. Его учителем стал известный немецкий пейзажист Иоганн Вильгельм Ширмер. Под его влиянием, а кроме того, впечатленный романтическими картинами Карла Фридриха, Беклин тоже решил стать пейзажистом.

В 1848 году он приехал в Париж и оказался в самой гуще событий французской революции. Уличные бои, потоки крови — в общем, Париж ему не понравился, и он вернулся на родину, в спокойный, упорядоченный Базель, где продолжил освоение живописи в классе Александра Галаме.

Но этот молодой человек не мог долго сидеть на одном месте — надо сказать, странствия, путешествия вообще станут стилем его существования, так он искал свое место под солнцем, в искусстве и в жизни. В 1850 году Арнольд решил поехать в Италию. Море, солнце, горы, стройные кипарисы, прекрасные женщины — Италия покорила его сердце навсегда. Роскошная средиземноморская природа, яркие краски — все это будет не раз возникать на его полотнах. Кроме того, в Риме он встретил очаровательную девушку Анжелу Паскуччи. Вскоре эта семнадцатилетняя дочь стража Ватикана стала его женой и — моделью для многих его картин.

В Италии Беклин увлекся мифологией, и это было так понятно — тут все дышало античностью, казалось, что древние боги и богини все еще ходят по этой земле. Он писал свои картины, не давая им названия и не подписывая их, — для него был важен процесс творчества, все остальное — суета...

В 1859 году художник с семейством (Ангела подарила ему уже двоих сыновей, а в будущем у них

родится еще восемь!) приехал в Мюнхен. К тому времени он был уже довольно известен, его картины покупали коллекционеры, и даже Адольф фон Шак, признанный авторитет в живописи, поэт, писатель и историк литературы и искусства, меценат, приобрел несколько полотен. Этот почетный член Баварской академии наук, создавший в Мюнхене замечательную картинную галерею (она так и называется — галерея Шака), не только заинтересовался, а по-настоящему увлекся Беклином.

В 1860 году художника пригласили в Веймарскую художественную школу, и он стал уважаемым профессором. Но на месте ему по-прежнему не сиделось, и уже через два года он снова уехал в свою любимую Италию. И снова на его картинах появляются античные персонажи — наяды, кентавры, тритоны и nereиды. Вымысел, фантазия и реальность тесно сплетаются, создавая неповторимое впечатление — радость бытия, неприкрытую страсть, или, наоборот, тоскливое одиночество...

1874–1885 годы Беклин прожил во Флоренции, и эти годы оказались самыми плодотворными в его творческой жизни. На его полотнах — сюжеты, навеянные религиозными мотивами, различные аллегории, итоги его размышлений об отношениях мужчины и женщины, о судьбе человека, о его предназначении. Став настоящим философом, он пытался

*Два других
варианта
«Острова
мертвых»*

ответить на самые важные вопросы бытия...

Именно в эти годы и появилась самая знаменитая картина Беклина — «Остров мертвых».

Она была написана под влиянием античного мифа, повествующего о том, как души героев и любимцев богов находят свое последнее пристанище на одиноком острове, а перевозит их туда на лодке через реки Стикс и Ахерон старец Хирон. (Простые смертные попадают в подземное царство Аида.) Говорили, что композиция картины возникла под влиянием английского кладбища во

Флоренции — здесь в 1877 году была похоронена дочь Беклина, умершая в возрасте всего семи месяцев. А возможно, художника вдохновило другое кладбище, венецианское Сан-Микеле, заросшее кипарисами (кипарис — символ вечной жизни), куда тела усопших перевозили на гондолах. (Кстати, там похоронены наши выдающиеся соотечественники Сергей Дягилев, Игорь Стравинский и Иосиф Бродский.) Но, в общем, все это не так уж и важно — главное, Беклину удалось создать удивительный, полный символов образ потустороннего мира, заставляющий раз-

«Игры наяд»

мышлять о том, что такое жизнь и что такое смерть.

Странный, таинственный остров возвышается над гладью моря. К нему медленно плывет лодка, ведомая гребцом с длинными золотистыми волосами. Кроме гребца, в лодке некая фигура — белая, как статуя, или как мертвец, или как нечто неведомое, встречи с кем каждому из нас хотелось бы как-то избежать — в ногах его нечто, напоминающее

гроб. А может, это белая фигура и есть душа умершего? Вот-вот лодка достигнет входа в глубокую пещеру, так похожего на ворота кладбища...

«Остров мертвых» — пронизанное поэзией полотно о том, что ход времени остановить невозможно, а человеческая жизнь невероятно коротка, и в последние минуты он всегда одинок...

На сей раз Беклин дал название картине — в апреле 1880 года он писал своему заказчику Александру Гюнтеру: «Остров мертвых» (Die Toteninsel) скоро будет закончен».

(Сегодня картина находится в берлинской Галерее старого искусства.) А однажды в его мастерскую зашла Мария Берна, впоследствии графиня Ориола. Увидев еще незаконченный «Остров мертвых», она пришла в невероятное волнение и попросила художника нарисовать примерно такую же картину и для нее — это полотно должно было выразить ее горе по мужу, недавно ушедшему в мир иной. В 1880 году Беклин написал ей: «Вы сможете отдаться мечтаниям, погрузившись в темный мир теней, и тогда вам покажется, что вы чувствуете легкий, теплый ветерок, вызывающий рябь на море, и что вы не захотите нарушать торжественную тишину ни единым словом». Так графиня Ориола стала владелицей второго варианта этой картины «для мечтаний». (Сегодня она хранится в нью-йоркском музее Метрополитен.)

Третья версия «Острова» появилась в 1883 году по просьбе берлинского издателя и коллекционера Фрица Гурлитта. Через год Беклин, испытывая финансовые затруднения, создал четвертую версию (она пропала во время войны), а еще через два года — пятую, по заказу лейпцигского Музея изящных искусств. Надо сказать, что каждый раз Беклин не просто копировал, но вносил в композицию определенные изменения, а потому картина каждый раз получалась новой и несла новый эмоциональный заряд — от полной безнадежности до светлой печали. До нашего времени дошли

четыре версии. Поставленные рядом, они соединяются в торжественный реквием, в котором мелодия скорби завершается аккордами глубокого покоя и торжества вечности над всеми земными страстями.

В 1885 году график Макс Клиндер сделал офорт третьего варианта «Острова мертвых», предприимчивый Фриц Гурлитт напечатал его огромным тиражом, и картина начала свое победное шествие по Европе. Она удивительно точно отвечала настроениям, царившим тогда в обществе: — тоска, неясные устремления, мрачные предчувствия, желание убежать от реальной жизни в мир видений и грез, страстный интерес ко всему потустороннему, выражавшийся в увлечениях спиритизмом и медиумами.

После «Острова мертвых» Беклин стал самым популярным художником в Европе. Но впереди у него были еще две очень значительные работы — «Война» (1896) и «Чума» (1898), в которых он, как настоящий большой мастер, предсказал трагическую историю XX столетия. Образы апокалипсических всадников в картине «Война» навеяны знаменитой гравюрой Дюрера. Уже очень скоро будут они безжалостно косить свои жертвы этой огромной косой. Несомненный талант художника, умеющего блестяще соединять фантастические образы и реальность, нашел здесь новое, вдохновенное выражение.

А в 1872-м году, живя в Мюнхене, Беклин написал знаменитый «Автопортрет со скрипкой смерти». Тут все сразу понятно: художник с кистью в руках прислушивается к мелодии, которую смерть — скелет, стоящий за его спиной, — наигрывает на единственной струне скрипки. Вот-вот тонкая струна лопнет, и тогда жизнь мастера мгновенно оборвется...

14 мая 1892 года у Беклина случился тяжелый сердечный приступ — врачи диагностировали инфаркт. Несмотря на усиленное лечение, здоровье его не восстановилось. В 1895 году он приобрел виллу Белладжио в Сан-Доменико, под Фьезоле. Последние годы были наполнены физическими страданиями и, как всегда, работой. Когда становилось совсем невозможно, на помощь приходил его сын Карло. Он исполнял секретарские функции и занимался продажей картин, но под влиянием Беклина-старшего сам увлекся живописью, даже пытался выработать свою манеру, писал пейзажи, но — навсегда остался лишь сыном Арнольда Беклина. (Кстати, он был женат на дочери В.А. Грингмута, редактора «Московских ведомостей», яркого черносоптенца. У Грингмута в доме был своеобразный салон, куда приходили артисты и художники, не считавшиеся с его политическими воззрениями. Говорили, что Беклин-младший спекулировал на славе отца, торговал поддельными картинами. Все это было уже после смерти Арнольда Беклина. В какой-то момент, как пи-

сали московские газеты в 1910 году, «встав на скользкий путь, этот несчастный сын великого художника дошел до попытки самоубийства. Роковая история — великие отцы и ничтожные дети».)

Арнольд Беклин умер 16 января 1901 года, в зените славы. Похоронили его на флорентийском евангелическом кладбище Дельи-Аллори на улице Сенези. «Non omnino moriar», знаменитая строка Горация — «Весь я не умру» — написано на надгробном памятнике создателю «Острова мертвых».

А между тем «Остров мертвых» продолжал свое победное шествие по странам Европы. Магия этой картины подействовала и на авангардистов, и вот уже Аполлинер ставит ее в один ряд с Венерой Милосской и «Джокондой». Кирико называет Беклина своим учителем, Макс Эрнст его боготворит, а Дали восхищается его фантастическими образами и даже посвящает ему свою картину «Истинное изображение Острова мертвых в час вечерней молитвы». Его имя и его знаменитая картина появляются и в литературе — в романах Стринберга и Дюренматта. Набоков в романе «Отчаяние» говорит, что картину можно было увидеть в каждом берлинском доме. Юнг пишет об одном пациенте, одержимом этой картиной, ее репродукция висит в кабинете Фрейда!

Невероятно популярным стал Беклин и в России. Петров-Водкин пи-

«Война»

сал, что репродукции «Острова мертвых» «разбросались и до нашей провинции и развесились по комнатам передовой молодежи». В трактате «О духовном в искусстве» Кандинский с уважением цитировал Беклина. Леонид Андреев признавался: «Больше всего в живописи я люблю Беклина», а Серов, попав в 1887 году во Флоренцию, писал, как «кипарисы качаются по-беклинов-

ски». Кто только не восхищался этим художником: тут и Игорь Грабарь, и Волошин, и Бенуа, и Луначарский! А Сергей Рахманинов, увидев репродукцию «Острова мертвых» в 1907 году в Париже, где выступал как дирижер во время исторических концертов русской музыки, даже написал симфоническую поэму «Остров мертвых». Позднее композитор вспоминал:

«Чума»

«Впервые я увидел в Дрездене только копию замечательной картины Беклина. Массивная композиция и мистический сюжет этой картины произвели на меня большое впечатление, и оно определило атмосферу поэмы. Позднее в Берлине я увидел оригинал картины. В красках она не особенно взволновала меня. Если бы я сначала увидел оригинал, то, возможно, не сочинил бы моего «Острова мертвых». Картина мне больше нравится в черно-белом виде».

Но не всех Беклин восхищал — так, Маяковский, этот бунтарь и ни-

спровергатель всего классического, увидев в квартире сестер Лили и Эльзы Коган репродукцию знаменитой картины, «выжил из дому «Остров мертвых». Но он появился в его стихах: в поэме «Про это» он писал:

*Со стенки на город разросшийся
Беклин
Москвой расставил «Остров
мертвых».*

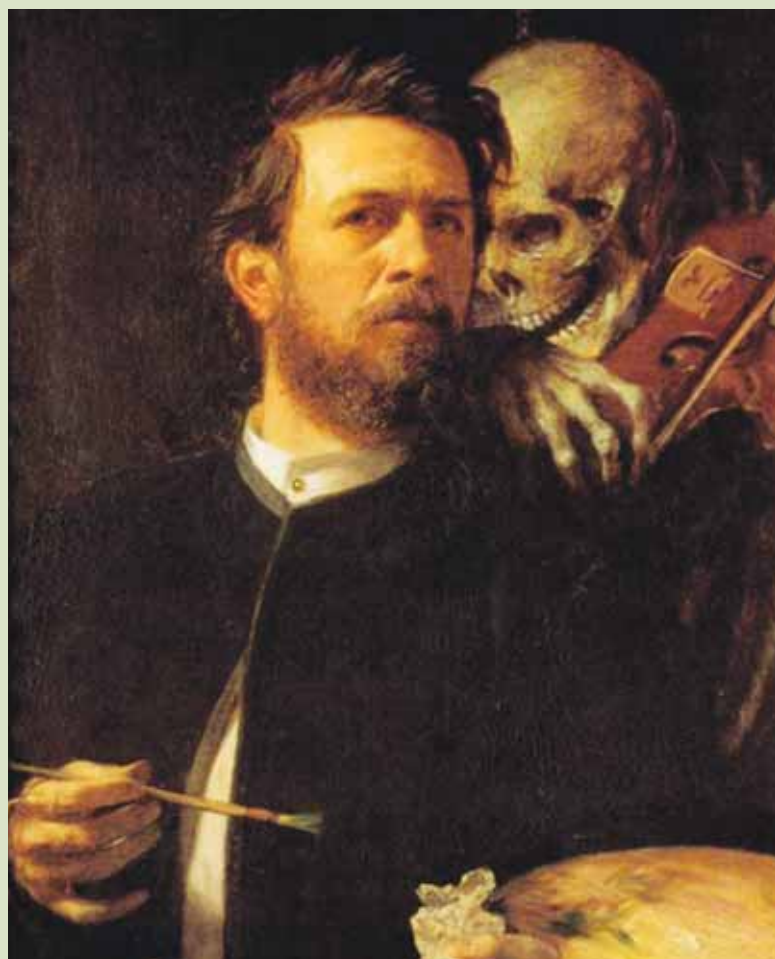
Среди рьяных поклонников картины были и два самых главных политических деятеля XX века — Ленин и Гитлер. Ленин всюду возил с собой репродукцию картины, и даже в ссылке она висела у него в комнате. Гитлер же даже приобрел один из вариантов полотна, третий, принадлежавший семейству Шен-Ретц, на аукционе в 1936 году. Он обожал Беклина, и, подобно тому, как в философии назначил главным философом Ницше, в музыке — главным композитором Вагнера, в живописи таким главным художником Гитлер определил Беклина, которого считал лучшим живописцем всех времен и народов, наиболее полно и ярко выразившим арийский дух. Всего у фюрера было 16 его картин — с ними он не собирался расставаться и никогда не планировал отдать их народу. Сначала «Остров мертвых» находился в его резиденции Бергхоф, а с 1940 года полотно украшало рейхсканцелярию в Берлине. После войны следы картины пропали. Она исчезла из бункера

после падения Германии и вновь обнаружилась в Берлине только в конце семидесятых — ее подарил музею человек, пожелавший скрыть свое имя. Говорят, это был русский, старый генерал, взявший «Остров мертвых» себе на память и хранивший его тайком от всех, пока картина ему не надоела.

Любовь Гитлера сослужила Беклину плохую службу — долгие годы его было принято считать выразителем нацистской идеологии. Кроме того, он был чистым символистом, а в мире в это время ценились импрессионисты и постимпрессионисты, провозглашавшие совсем иные творческие цели и методы.

Беклина объявили художником второго ряда и — предали забвению.

Но прошли годы, наступил новый, XXI век, и многие вещи стали видаться по-иному, многое было переосмыслено и переоценено. Искусствоведы вспомнили, что в 2001 году исполняется сто лет со дня смерти Беклина, и организовали целый ряд его ретроспективных выставок — в его родном Базеле, в Париже и Мюнхене. Были изданы посвященные его творчеству солидные каталоги и монографии, напечатаны статьи в самых разных журналах. И вдруг стало ясно, что Беклин — крупный художник, сумевший в своем творчестве предугадать многие течения в современном искусстве, создавший творения, наполненные истинным чувством, глубокой философией. Одна из статей, посвященных Беклину,

«Автопортрет со скрипкой смерти»

называлась «Незамеченный гений». Истинный талант никогда не теряет своего очарования, он всегда интересен, а потому полотна Арнольда Беклина трогают души миллионов в самых разных странах...

Удивительной пророческой оказалась та строка из Горация, что выгравирована на его памятнике: «Non omnino moriar». Конечно, он продолжает свою жизнь, вечную жизнь в искусстве... □

Алла Зубкова

Жозефина

Императрица Франции

«Если я на троне сохранил еще некоторые остатки любезности, если вы, французы, не имели государем строжайшего, надменнейшего, угрюмейшего из монархов, то благодарите за это Жозефину. Ее нежность, ее ласки часто смягчали мой характер и подавляли мое бешенство»

Эти слова великого Наполеона интригуют, но не дают разгадки характера женщины, которую он сделал своей женой и императрицей Франции. В молодости она порой вела не очень респектабельный образ жизни. Она любила и была любима многими мужчинами. Впрочем, тогда ее звали Мари-Роз. Жозефиной ее стал называть молодой, безумно влюбленный генерал, имя которого скоро узнал весь мир. Они поженились и прожили вместе пятнадцать бурных лет, наполненных страстями, ссорами, примирениями, интригами и скандалами. Наполеон все-таки расстался с нею: императрица не могла родить ему ребенка, который продолжил бы основанную им династию. Судьба, однако, сыграла с императором злую шутку. Не его сыну от другой женщины, а именно внуку Жозефины (ребенку ее дочери от первого брака) суждено было позднее взойти на трон Франции.

Жозефина и после отречения Наполеона продолжала оставаться женщиной-легендой, перед которой склонялись самые могущественные люди Европы. Говорят, что роковую простуду, которая свела ее в могилу, она получила во время прогулки с русским императором Александром I. Они беседовали о великом Наполеоне, которого она продолжала любить...

Разве такая женщина не заслуживает, чтобы о ней рассказали?

Она родилась 23 июля 1763 года на острове Мартиника в Вест-Индии. При крещении ей дали имя Мари Жозефина Роз. Отец — Жозеф Таше де ла Пажери, происходивший из обедневшего аристократического рода, владел небольшой плантацией сахарного тростника и несколькими десятками рабов. Кроме Жозефины у него были еще две дочери. К своим неграм он относился отнюдь не сурово. Возможно, поэтому

Жозефина, уже став первой дамой Империи, узнала о существовании... сестры-мулатки. К чести императрицы надо сказать, что эту сестру она признала. Жозефина вообще по природе своей была человеком добрым и отзывчивым. Например, по просьбе жены Наполеон назначил солидную пенсию ее престарелой няне-негритянке.

На острове, в Форте Руаяль, Жозефина некоторое время посещала

школу при женском монастыре, научившись сносно читать, писать, танцевать и играть на гитаре. На этом ее образование и закончилось. Неизвестно, как сложилась бы дальше ее судьба, если бы не тетушка — Мари-Юфимия де Ренодэн. Сия энергичная и весьма импозантная особа уже несколько лет была любовницей губернатора Мартиники маркиза Франсуа де Богарнэ. Когда маркиза отозвали в метрополию, она отправилась во Францию вместе с ним. В Париже у маркиза подрастал сын Александр. Желая упрочить свое положение при любовнике, Мари-Юфимия задумала выдать племянницу замуж за Александра. Родители девушки не возражали против этой удачной, по их мнению, партии. Отец привез Жозефину во Францию, и в декабре 1779 года в небольшой парижской церкви Нуази-ле-Гран состоялся обряд бракосочетания Жозефины и виконта Александра де Богарнэ. Молодой муж Жозефины, офицер, человек светский и весьма начитанный,

Жак-Луи Давид. Коронация императора Наполеона I и императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1806 года

обладал нравом фривольным и более чем непостоянным. Первое время ему доставляло удовольствие наставлять и «образовывать» милостивую и наивную креолку (так называли европейцев, родившихся и выросших на островах Вест-Индии). Однако постепенно роль ментора стала ему при-

едаться, тем более, что вокруг было столько соблазнов. Жизнь в Париже с женой казалась ему пресной. Он предпочитал постоянные разъезды по гарнизонным городам, где без зазрения совести развлекался с местными красотками. Тем не менее, за три года у них с Жозефиной родились сын и дочь — Евгений и Гортензия. Осенью 1783 года Александр в поисках воинской славы отправился на Мартинику. Дальнейшие события объяснить до-

вольно трудно. Он вдруг с рвением профессионального детектива принялся собирать сведения о, якобы, имевших место любовных романах Жозефины на острове до замужества. И хотя никаких прямых доказательств этого никто так предоставить и не смог, тем не менее, виконт де Богарнэ вернулся в Париж с твердым намерением расстаться с женой. До развода, правда, дело не дошло. Все было улажено с помощью нотариуса, так ска-

зять, любовно. Александр вынужден был признать, что «погорячился» с обвинениями. О продолжении совместной жизни, разумеется, уже не могло быть и речи. Супруги расстались, и Александр, на которого возлагалась вина за разрыв, обязывался выплачивать Жозефине небольшое пособие.

Следующие полтора года Жозефина провела в известном и очень престижном пансионе при аббатстве Пантемон, где жили светские дамы, оказавшиеся в сходной ситуации. Именно там, изучая и копируя манеры дам из лучших аристократических домов Парижа, она приобрела лоск и умение вести себя в самом изысканном обществе, что впоследствии очень ей пригодилось. Единственно, чему она так и

щим Рейнской армии. Однако в дни террора он, как и многие другие, был обвинен в измене, арестован и заключен в парижскую тюрьму Кармелитов. А через сутки в эту же тюрьму заключили и Жозефину. Как жену изменника, хотя она уже много лет не имела к Александру никакого отношения. Жозефина провела в тюрьме ровно 108 дней. Условия там ничуть не напоминали обстановку в пансионе Пантемон. Она делила камеру с 18 другими узницами, и в ней было так сыро, что по утрам одежду приходилось выжимать. Вскоре она узнала, что Александр казнен ...

Ее освободили в августе 1794 года. Вдова с двумя детьми, почти без средств к существованию ... Ей был

Раньше ее звали Мари-Роз. Жозефиной ее стал называть молодой, безумно влюбленный генерал, имя которого скоро узнал весь мир. Они прожили вместе пятнадцать бурных лет, наполненных страстями, ссорами, примирениями, интригами и скандалами

не смогла научиться, это искусству более или менее разумно тратить деньги. Много их было или мало, они всегда текли у нее между пальцев.

Шло время, и Жозефина завела немало довольно полезных знакомств. Между тем, Францию стали сотрясать грозные раскаты революции. Александр делал успешную, прямо-таки головокружительную карьеру. Он был избран председателем Национального Собрания, затем назначен командую-

31 год — возраст, в котором женщина того времени практически не имела шансов выйти замуж. У многих опустились бы руки, но не у Жозефины. Она возобновила свои светские знакомства и постепенно стала чрезвычайно популярной в парижских салонах. В этот период молва приписывала ей, и, скорее всего, небезосновательно, нескольких любовников. Самым известным среди них был знаменитый Баррас, пожалуй, наиболее влиятель-

ный политик донаполеоновской Франции. Несмотря на щедрость Барраса, денег Жозефине все равно не хватало, и она по-прежнему делала долги, что,

впрочем, ее нисколько не огорчало. Зато мужчины были от нее без ума.

Красива ли она была? Современники единодушно утверждали, что пор-

треты не дают полного представления о внешности Жозефины. Черты лица не отличались классической правильностью, однако ее всегда словно окружала какая-то таинственная, едва ли не мистическая аура. Восхитительно томная, ленивая грация креолки сочеталась в ней с очаровательной порывистостью движений. Она была небольшого роста и очень хорошо сложена. Темно-синие глаза, шелковые каштановые волосы и очень красивый, выразительный рот. Зубы, правда, были неважные, но она научилась улыбаться, не показывая их. Креольский акцент, отличавшийся от парижского выговора, придавал ей особый шарм, а голос был так мелодичен, что лакеи, прислуживавшие за столом, стара-

лись задержаться в зале, чтобы подольше наслаждаться его волшебным звучанием. Одевалась она всегда с большим вкусом, иногда внося в свои туалеты креольский колорит, надевая тюрбаны и головные повязки.

Именно такой и увидел ее на одном из званых обедов молодой генерал Бонапарт, приехавший в Париж из Тулона в мае 1795 года. Скорее всего они там и познакомились, хотя позднее Жозефина пустила в оборот более романтическую версию. Якобы во время обыска в доме была реквизирована шпага ее покойного мужа. Сын Жозефины, Евгений, явился к генералу Бонапарту просить вернуть ему единственную память об отце. Растроганный Бонапарт удовлетво-

рил его просьбу, а на следующий день Жозефина пришла поблагодарить его. Так они познакомились. Как бы то ни было, но знакомство их состоялось осенью 1795 года, и очень скоро молодой генерал буквально потерял голову от любви. О том, как она относилась к нему в то время, лучше всего говорит ее письмо к приятельнице:

«Милый друг! Хотят, чтобы я снова вышла замуж. Все мои друзья говорят мне это, тетушка почти приказывает, и дети мои упрашивают меня о том же. Вы видели у меня генерала Бона-

Наполеона возлюбленной ясно, что физическая близость между ними имела место лишь после этого события. Молодой генерал тогда был полон возвышенных представлений о святости уз брака и презирал распущенность, царившую в парижских салонах. Но письмо его дышит неистовой страстью человека, впервые познавшего настоящую любовь:

Просыпаюсь, полный тобой. Твой образ и вчерашний опьяняющий вечер не дает покоя моим чувствам. Нежная, несравненная Жозефина, какое чудо-

В престижном пансионе при аббатстве Пантемон, где обитали светские дамы, оказавшиеся в трудных жизненных ситуациях, Жозефина, изучая и копируя их манеры, приобрела лоск и умение вести себя в самом изысканном обществе, что впоследствии ей очень пригодилось. Единственно, чему она так и не смогла научиться, это искусству разумно тратить деньги

парта. Вот он-то и желает заменить отца сиротам Александра Богарнэ и мужа его вдове. Любите ли вы его? — спросите вы меня. Но ... нет. Так он вам противен? Нет, но я нахожусь в состоянии равнодушия, которое мне не нравится... Принять решение всегда казалось трудным для моей крепольской беспечности, полагающей, что гораздо легче следовать воле других».

А уже зимой следующего года было объявлено об их помолвке. Из записки

действенное влияние оказываете вы на мое сердце ...

9 марта состоялась скромная гражданская церемония оформления брака. Жозефина, которой было уже тридцать два, заполняя документы, «убавила» свой возраст на четыре года. Двадцатипятилетний жених, напротив, галантно прибавил себе год.

Брачная ночь запомнилась Бонапарту не только восторгами любви. Отбросив атласное одеяло, он обнаружил в постели небольшого черного

мопса. *«Я полагаю, что в столь знаменательную ночь этот пес может поспать и в другом месте»*, — заявил генерал.

«Фортюнэ всегда спал, и будет спать в моей постели, и если вам это не нравится, то другое место можете себе поискать именно вы», — решительно возразила Жозефина.

Очевидно, желая показать Бонапарту, кто хозяин в этой спальне, ревнивый мопс цапнул его за ногу. Скверный характер мопса изрядно отравлял жизнь Наполеону. Без сомнения, он вздохнул с облегчением, когда через пару лет в парке итальянского дворца Монтебелло задиристого Фортюнэ разорвал здоровенный пес местного повара. И хотя внешне Бонапарт выказывал горячее сочувствие горю супруги, слуга, присматривавший за Фортюнэ, получил повышение по службе.

Бонапарт провел с женой всего несколько дней. Итальянский поход из-за нее он все-таки отложить не мог. Его письма Жозефине дышали пылкой страстью. Он вспоминал интимные подробности их любовных встреч: *«Я не могу забыть твою очаровательную черную рощу, куда я совершал "маленькие визиты", ты понимаешь, о чем я говорю. Целую ее тысячу раз ...»*

Ответы Жозефины были коротки и весьма сухи. Бонапарт упрекал ее в равнодушии. *«Твои письма так холодны, будто мы женаты уже лет пятнадцать»*. Он подозревал, что у жены появился любовник, и ... не ошибался. Жозефина не на шутку

увлеклась красивым гусарским офицером по имени Ипполит Шарль. Именно поэтому она отнюдь не торопилась ехать к Бонапарту в Италию, хотя он умолял ее об этом во

всех своих письмах. Ей совсем не хотелось менять веселый Париж на разоренную войной Италию, пусть ее муж по праву завоевателя и был там почти полным хозяином. В конце концов ей все-таки пришлось сдаться на его увещевания и отправиться туда. Кстати, в путешествии ее сопровождал и капитан Шарль ...

Роман Жозефины с капитаном Шарлем продолжался. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали им. Бона-

парт опять был далеко — на этот раз он воевал в Египте. Прошедшие несколько лет нисколько не охладили его чувств, письма его по-прежнему дышали неподдельной страстью. Но неожиданно поток их иссяк. Нет ничего тайного, что не стало бы явным — Бонапарт наконец узнал о неверности жены. Он был вне себя от ревности и гнева: «Жозефина, о, Жозефина, — повторял он, словно в припадке умопомешательства, — подумать только, что она

могла так меня обмануть! Она ... А я здесь, за шесть сотен лье от нее!»

Желая отомстить жене, Наполеон приказал генералу Бертье собрать для него со всей страны самых красивых женщин. Но привезенные в лагерь египетские красавицы пришлись ему не по вкусу, Бонапарт нашел их чересчур полными. Тогда он затеял роман с женой одного из своих офицеров, которая последовала за мужем в Египет. Лейтенанта Фурэ, так звали мужа, Бонапарт под каким-то предлогом отослал во Францию. Но тут случилась незадача. Англичане, частенько перехватывавшие письма императора, были в курсе его личных дел. Знали они и о его романе с мадам Фурэ. Захватив судно, на котором ехал бедный лейтенант, они, вместо того, чтобы оставить его в плену, не без ехидства доставили обратно в Египет и даже дали охрану до самого Каира...

Бонапарт вернулся во Францию неожиданно для всех, и, в первую очередь, для Жозефины. Узнав о его прибытии, она поспешила встретить его. Ей было важно сделать это первой, до того, как он увидится со своими родственниками, которые питали к ней сильную неприязнь. Однако Жозефине не повезло — она опоздала, двери дома, в котором остановился Бонапарт, оказались закрытыми для нее. Почти полночи провела она на крыльце, умоляя мужа впустить ее. Ни слезы, ни истерические вопли не помогли — Бонапарт был непреклонен. Лишь мольбы ее детей — Евгения и Гортензии, которых он очень любил,

тронули сердце генерала. Он впустил Жозефину в дом, и... примирение состоялось.

Жозефина поклялась мужу, что с капитаном Шарлем у нее все кончено. Это действительно было так. Страх потерять Наполеона превратил креолку, не отличавшуюся строгостью нравов, в добродетельную супругу. Отныне у нее в жизни был только один мужчина и одна цель — сохранить его для себя. Она знала, как хочет Бонапарт ребенка, и делала все, чтобы иметь его. К сожалению, все ее усилия оказались тщетными. Почему? Ведь у нее уже было двое детей, и последние ее роды прошли без всяких осложнений. Весьма оригинальна и интересна одна версия, которую, кстати, косвенно подтвердил и сам Наполеон уже на острове Святой Елены, ссылаясь на мнение своего доктора. Согласно этому предположению, Жозефина, как и большинство креолок, очень рано созрела в смысле сексуальном, зато и климакс у нее наступил необычно рано — к 33-35 годам. Этим объясняются и ее частые сильные мигрени. Так это или нет, но факт остается фактом — ребенка Бонапарту она подарить так и не смогла...

В конце 1799 года Бонапарт становится первым, а затем и пожизненным консулом, а Жозефина — первой дамой ... пока еще республики. Их резиденцией стал дворец Тюильри. Жозефина спала в кровати, принадлежавшей Марии-Антуанетте. Образ жизни ее тоже практически ничем не отличался от королевского. Разумеется, и у

нее были проблемы. Она оказалась очень ревнива и порой устраивала Бонапарту сцены из-за того, что он поглядывал на других женщин. Кроме того, Жозефина стала замечать, что кожа у нее уже не такая нежная и гладкая, как прежде, и начала злоупотреблять пудрой и румянами. Бонапарт так привык к виду румян, что на приемах и балах подходил к дамам, которые не злоупотребляли косметикой, и интересовался: «*Что с вами, мадам? Вы бледны. Быть может, вы нездоровы?*»

гардероб, она лишь за один год могла приобрести 130 платьев, 980 пар перчаток, 520 пар туфель и 87 шляпок.

Бонапарт почему-то считал себя большим знатоком дамской моды и часто присутствовал при церемонии одевания Жозефины к торжественным выходам. Он всегда высказывал собственное мнение относительно тех или иных ее туалетов и задавал неуместные, по мнению Жозефины, вопросы. Самым неприятным среди них был: «*Сколько это стоит?*» Выслушав

Страх потерять Наполеона превратил креолку, не отличавшуюся строгостью нравов, в добродетельнейшую супругу. Отныне у нее в жизни был только один мужчина и одна цель — сохранить его для себя

В своем поместье Мальмезон Жозефина отдыхала душой и телом. Она обожала цветы, особенно розы и камелии. Первый розарий во Франции был устроен именно там. В нем насчитывалось 197 известных тогда сортов роз. Жозефина выписывала растения из Африки, Южной Америки, Австралии. Она могла заплатить за редкую луковицу тюльпана 3000 франков — столько стоило кольцо с хорошим бриллиантом. Впрочем, на драгоценности и туалеты Жозефина тратила деньги несравненно большие. Она меняла туалеты по три раза в день. У нее было более пятисот платьев и около семисот пар обуви. Обновляя свой

ответ, он неизменно заявлял: «*Слишком дорого*». Если наряд ему не нравился, он мог запретить Жозефине надевать его. Иногда в порыве раздражения рвал ее платья, а один раз даже вылил на какой-то туалет чернила.

Жозефине вечно не хватало даже тех огромных средств, которые выдавал ей супруг. Она делала огромные долги. В своих мемуарах Наполеон жаловался, что даже на острове Эльба получал ее неоплаченные счета. Тем не менее, он гордился вкусом жены, ее изяществом, умением вести себя в обществе. «*Я выигрываю сражения, Жозефина завоевывает сердца*», — говорил Бонапарт.

Ее, в самом деле, любили, а слуги просто обожали. Она отличалась добротой и заботливым отношением к окружающим, дарила дорогие подарки даже мало знакомым людям.

В мае 1804 года Франция становится империей. На торжестве коронации Жозефина поражала всех своей красотой и умением держаться. Наполеон сам возложил корону на голову супруги. Однако Жозефину терзали дурные предчувствия. Постоянные разговоры при дворе о династии и необходимости наследника престола внушали ей самые мрачные опасения, ведь этого наследника она Наполеону дать не в силах. Муж по-прежнему был очень

привязан к ней, но страсть его уже остыла, и он частенько изменяет Жозефине. Мысль о наследнике не давала ему покоя. И, наконец, 30 ноября 1809 года он сообщил супруге страшную весть — в интересах Франции и основанной им династии он должен развестись с ней, чтобы, женившись снова, получить наследника. Потрясенная Жозефина упала без чувств. Наполеон тоже искренне переживал, но принятое им решение было окончательным и бесповоротным. Он сделал все для того, чтобы пощадить гордость Жозефины. Она сохраняла титул императрицы, ей выплачивалось огромное содержание, в ее распоря-

жениии оставалось несколько дворцов и поместий. Но разве это нужно было Жозефине?

После официальной церемонии отречения и развода она навсегда покинула Тюильри и переехала в свое по-

местье Мальмезон. Наполеон часто писал ей, изредка приезжал с визитами, но никогда не оставался с ней один на один.

Вскоре он вступил в брак с Марией-Луизой, юной дочерью австрийского

императора. У них родился сын, и Жозефина упросила как-то Наполеона разрешить ей взглянуть на ребенка. Он дал согласие. Тайком от Марии-Луизы она приехала в Булонский лес, куда на прогулку вывозили младенца.

А на следующий день Жозефина уже не встала. Она умерла 29 мая 1814 года в присутствии своих детей — Евгения, вице-короля Италии, и Гортензии, королевы Голландии. Именно сыну Гортензии и было суждено впослед-

Жозефине вечно не хватало тех огромных средств, которые выдавал ей супруг. Она делала огромные долги. В своих мемуарах Наполеон жаловался, что даже на острове Эльба получал ее неоплаченные счета. Но при этом он не переставал гордиться ее вкусом, изяществом и умением вести себя в обществе

Присутствовал ли при этой сцене сам император, неизвестно. Если да, то это была их последняя встреча.

Во время русской кампании 1812 года и, особенно, во время событий, которые привели к отречению Наполеона, Жозефина очень переживала за него. Тревожило ее и собственное положение. Русские казаки уже вступали в Париж. Что будет с ней, разведенной женой бывшего императора?

Александр I отнесся к Жозефине с величайшим уважением и любезностью. Он неоднократно навещал ее в Мальмезоне, подолгу беседовал с ней. Жозефина даже получила для охраны казачий пикет.

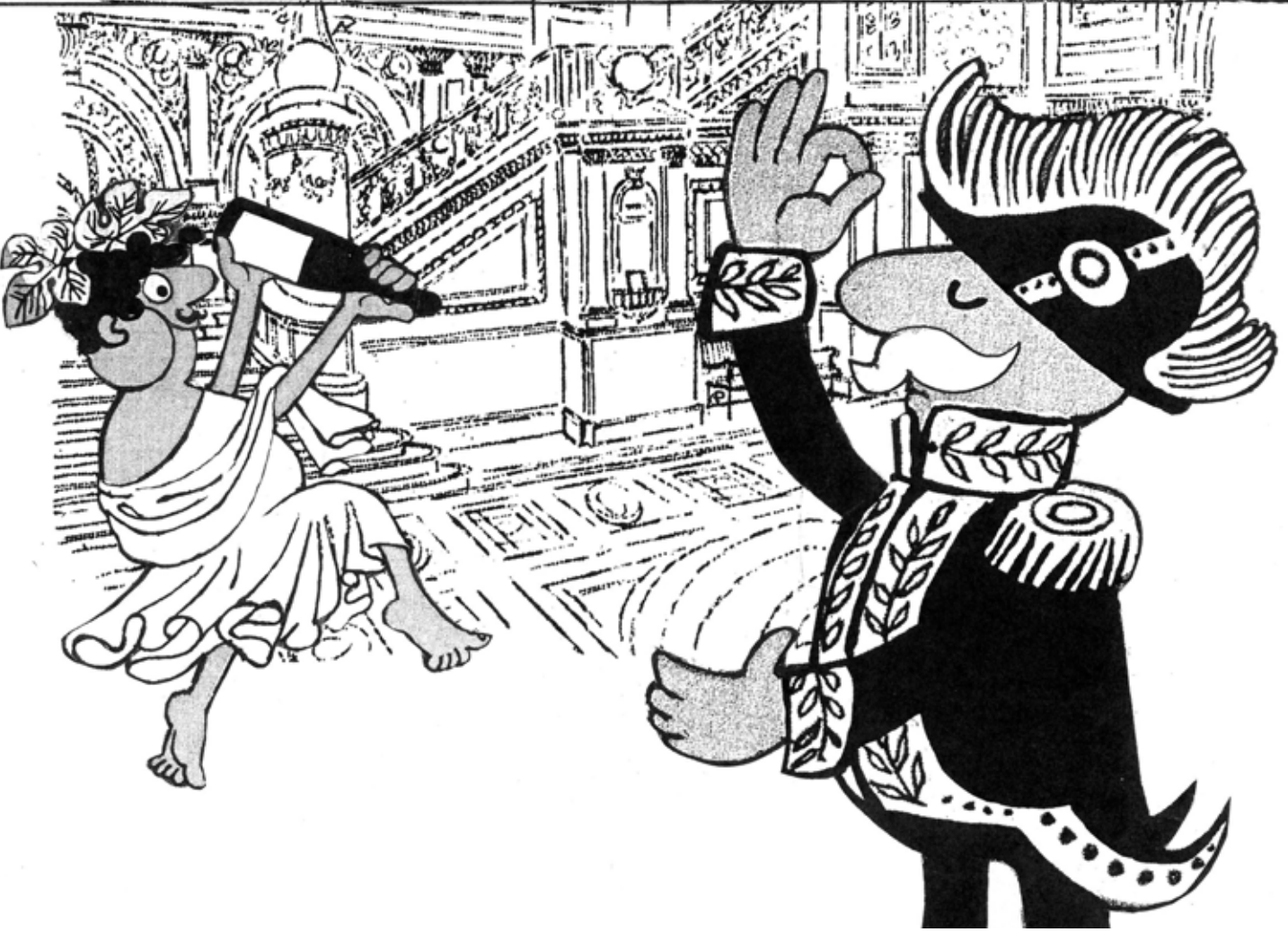
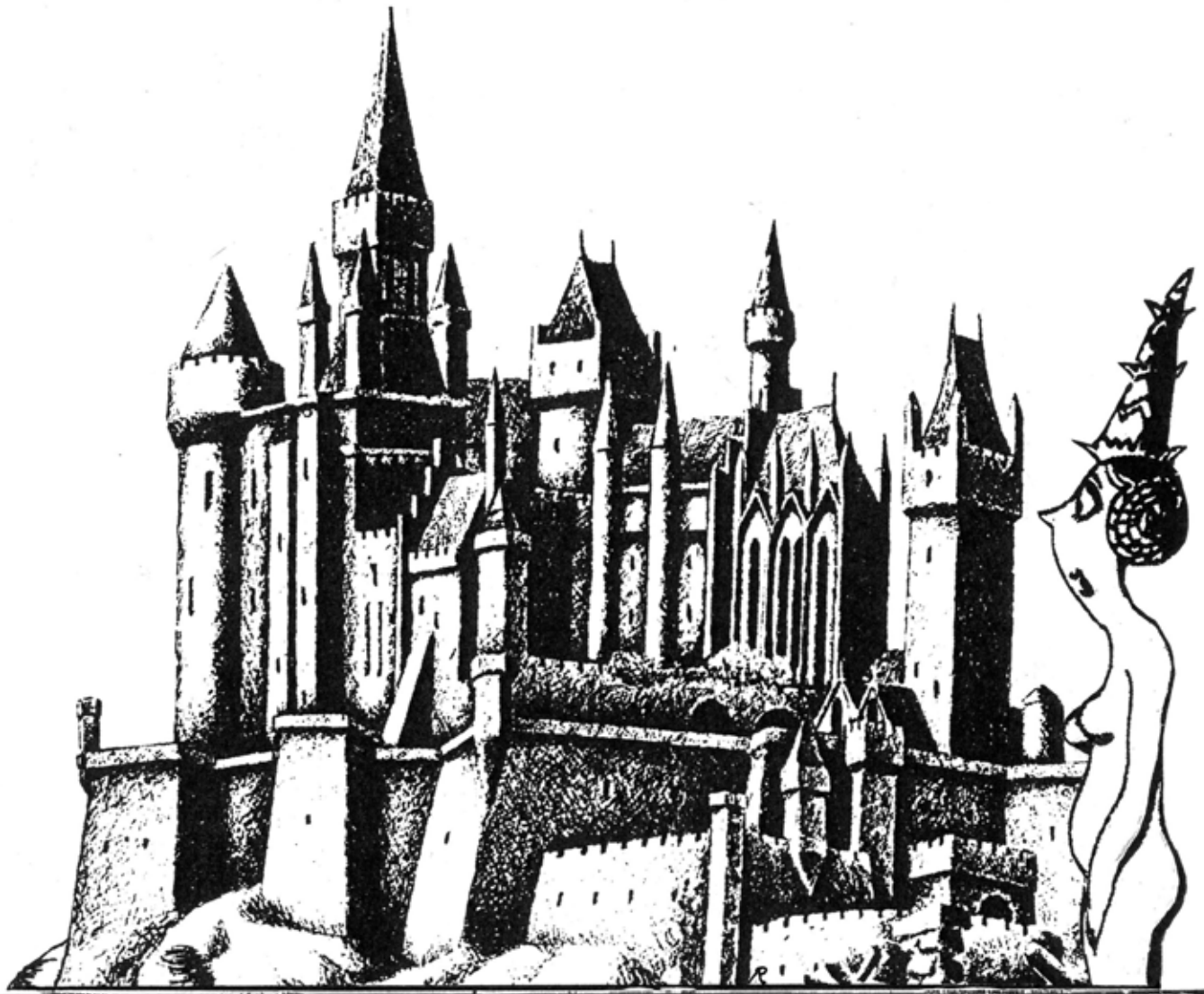
Простудившись во время прогулки после званого обеда у своей дочери, она сначала не придавала значения болезни и вместе с Александром открывала бал, устроенный в его честь.

стии занять трон Франции. Говорят, что последними словами Жозефины были — Наполеон ... Эльба ...

Ее похоронили в небольшой церкви неподалеку от Мальмезона. Наполеон на Эльбе не сразу узнал о смерти бывшей жены. Лишь через несколько дней к нему попала газета с некрологом. Он заперся в своем кабинете, никого не принимал и ничего не ел весь день.

После своего триумфального возвращения в Париж Бонопарт посетил Мальмезон. «Итак, вы позволили моей бедной Жозефине умереть? — спросил он у доктора. — Что же стало причиной смерти?»

«Горести и переживания, сир», — ответил врач. Наполеон вошел в комнаты Жозефины. Когда он вышел оттуда, по щекам его струились слезы. «Моя бедная, добрая Жозефина, — проговорил он, — только она по-настоящему любила меня...» □

Рода-Рода — псевдоним Шандора Фридриха Розенфельда. Родился в Словении в 1842 г. Умер в Нью-Йорке в 1945 г. В библиотеке дореволюционного журнала «Сатирикон» вышло несколько сборников его юморесок на русском языке. Два небольших рассказа из этих давних изданий мы и предлагаем вашему вниманию.

Замок Яново окружен со всех сторон дивным старинным парком, неподалеку протекает Драва.

Замок принадлежит барону Каллини, сравнительно молодому человеку лет сорока.

Пять лет назад он женился на своей кузине, баронессе Каллинч-Кален, очень красивой особе.

Прежде в Янове не появлялись привидения, но через год после женитьбы барона они начали беспокоить своим присутствием обитателей замка. Сначала никто, конечно, не верил в эти призраки, но неоднократные слу-

чаи появления привидений заставили даже самых сомневающихся уверовать в их существование.

Первая обнаружила их появление баронесса. Однажды в полночь она увидела призрак возле дверей своей спальни. На следующее утро, еще дрожа от страха, баронесса рассказала о ночной встрече мужу. Барон рассмеялся и высказал предположение, что это была галлюцинация. Но уже в ближайший же вечер он убедился, что баронесса права, и что привидение действительно появилось в замке.

Спускаясь к себе на первый этаж замка, он увидел, как в коридоре на втором этаже, куда выходила дверь спальни его жены, появилась большая странная фигура, которая бесшумно направлялась в покои баронессы.

Надо заметить, что барон Каллини — человек, свободный от суеверий и предрассудков, и, стало быть, всякие сомнения здесь отпадали.

Месяцем позже видела привидение и горничная баронессы, она осенила себя крестным знаменем, прошептала молитву, и призрак исчез. Затем привидение поочередно видели все слуги замка — лакей Жан, истопник Франц и привратница Реди. Но чаще, чем другим, призрак попадался на глаза истопнику Францу, а уж он ошибиться никак не мог — он отличался неустрашимостью и хладнокровием, известным всем обитателям замка.

По просьбе баронессы барон освободил Франца от всех его обязанностей и приставил его дежурить у дверей ее спальни.

Когда так называемым образованным людям говорят о привидениях и о загробной жизни, они обыкновенно начинают издеваться над рассказчиком. Возможно, большинство таких рассказней не более, чем плод болезненного воображения, но то, что о призраках столько говорят и пишут, заставляет задуматься: а, может быть, они все же, действительно, есть. Этот вопрос темный, неисследованный и, чтобы поверить в привидения, не обязательно быть старой суеверной бабкой.

Два года дежурил Франц у спальни баронессы, и в продолжение этих двух лет и он, и баронесса не раз видели призрак, который проникал в спальню через (заметьте!) запертую дверь.

Однажды ночью барон снова пожелал проверить рассказы баронессы и Франца о привидении, которое что-то особенно часто стало появляться в последнее время.

Он поднялся по лестнице в верхний этаж: Франц стоял на своем посту, вокруг было тихо.

И вдруг Франц с громким криком стал показывать на угол коридора. Сколько барон ни вглядывался, он ничего не увидел, но ему, как он потом

вспоминал, было очень не по себе, потому что, спускаясь вниз, он ясно почувствовал какое-то холодное и скользкое прикосновение, а вслед ему неся долго не смолкавший хохот. Все это убедило его в том, что в замке в самом деле творится что-то неладное.

В эту памятную ночь баронесса тоже видела призрак — лишнее доказательство, что ни Франц, ни барон не ошиблись.

После этого случая духи начали появляться все реже и реже и, наконец, совсем угомонились. Теперь баронессе уже не требовался страж у дверей, и Франца отпустили: он уехал в деревню, где вскоре женился.

Было большим облегчением для всех обитателей замка, что духи оставили их в покое, тем более что никто из оставшихся слуг ни за какие посулы не соглашался нести ночью дежурства.

Два года прошли в полном спокойствии, и о призраках в замке совсем, было, уже забыли.

Но вот как-то случай привел в деревню, лежавшую вблизи замка, уланский полк. Командир полка генерал Циммерман фон Трейчверт и его адъютант граф Эгреси нашли гостеприимство в замке Яново.

В один из вечеров, за ужином, разговор зашел о привидениях. Казалось, что призрак только и ждал того, чтобы о нем вспомнили: в эту же ночь он появился снова.

На этот раз его явственно видел сам барон. Как и всегда, привидение бесшумно проследовало по коридору верхнего этажа и скрылось в дверях спальни баронессы.

Потрясенный барон поспешил к себе и всю ночь не мог уснуть. А утром за завтраком поделился с гостями пережитым страхом.

Как истый кавалер, генерал провел следующую ночь у дверей спальни баронессы, но никаких событий не произошло. Однако сама баронесса утверждала, что привидение, тем не менее, проникло к ней.

— Ну, тогда бесполезно дежурить, — заметил генерал и решил вознаграждать себя сладким сном за бдения в прошедшую ночь.

Нельзя же, в самом деле, требовать от него, чтобы он совершенно отказался от сна из чувства рыцарства! Но выспаться в следующую ночь ему не удалось: он ворочался в постели, не в силах избавиться от навязчивых мыслей о странных явлениях в замке.

Когда пробил полночь, он не выдержал и встал с постели, тихо поднялся в верхний коридор, сожалея о том, что с ним нет адъютанта, который еще с вечера уехал в штаб, и ему одному приходится отправляться на охоту за призраком.

На сей раз генерал увидел нечто действительно весьма странное. У слухового окна, освещенного луной, стояла белая фигура в длинном одеянии и производила какие-то таинственные манипуляции. Затем эта фигура направилась к спальне баронессы и поспешно скрылась за дверью.

Генерала ни на минуту не покинуло хладнокровие и присутствие духа. Как только привидение исчезло, он поспешил к слуховому окну, возле которого на полу стояла, освещенная лунным светом, пара элегантных сапог гусарского образца. Генерал с опаской дотронулся до них — они еще хранили тепло человеческой ноги, а снаружи были сильно запылены.

Генерал крайне озадачился. Граф Эгреши, единственный гусар, прикомандированный к уланскому полку, находился в штабе, кому же может принадлежать эта пара сапог?.. В нелегком раздумье лег генерал почивать, но едва рассвело, как он оказался снова на ногах и, сгорая от любопытства, принялся прохаживаться у дверей комнаты, отведенной графу Эгреши. Адъютант, однако, не торопился вставать, а когда появился, наконец, перед своим командиром, объяснил, что он очень поздно вернулся домой. При этом Эгреши был почему-то чрезвычайно смущен и старался быстрее увильнуть от генерала.

— Куда вы так торопитесь? — спросил генерал.

— Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, что я спешу в штаб, где вчера забыл сделать важные распоряжения.

— Ах, вот что! И это действительно так срочно?

— Да, ваше превосходительство, не терпит никаких отлагательств.

— Ну, что ж поделать, если это так спешно, то поезжайте немедленно, но наденьте прежде сапоги; у денщика найдется пара подходящей обуви по вашей ноге. А то, знаете ли, в дамских чулках, да еще с монограммой и дворянским гербом, как-то неловко явиться перед полком. Если это позволительно привидению, то гусарскому офицеру, право, не к лицу...

Мадонна

СО СТЕКЛЯННЫМИ ГЛАЗАМИ

В старом Ниссельбахском монастыре много лет тому назад жил благочестивый монах. Подобно многим своим братьям-монахам, он занимался иконописью и с любовью рисовал лики святой Терезы, святой Урсулы и святого Антония, которого он обычно изображал с веткой лилий в руке. Но женские лики ему не удавались — святая Урсула и Тереза сильно походили на девушек из близлежащей деревни. Они были голубоглазые, белокурые, пышущие здоровьем, так что мало походили на великомучениц. Но монаху нельзя это было ставить в вину — ведь он за пределы монастыря никогда не выходил, и никого, кроме этих деревенских девушек, посещавших церковную службу, никогда не видел.

Неудовлетворенный своим искусством, ниссельбахский монах решил на время покинуть монастырь и с посохом в руках отправился в столицу, где в музее были собраны лучшие произведения живописи. Придя в город и подкрепившись в монастырском подворье, он окунулся в волны столичной жизни. Как лунатик, бродил монах по шумным улицам и очнулся лишь, когда зашел в картинную галерею. В своих сандалиях бесшумно переходил он от одной картины к другой и никак не находил того, что искал. Наконец в шестом зале остановился, как вкопанный, перед Мадонной Мурильо. Она смотрела на него своими большими черными глазами, и на лице ее бродила

мягкая улыбка. День за днем приходил монах в картинную галерею и часами стоял, не отрываясь, у приколдовавшей его картины.

Пришло время, и пустился он в обратный путь. Едва вернувшись, утомленный дорогой и запыленный в пути, он натянул на раму холст и взял в руки кисть и палитру. Но у него ничего не получалось, и то, что создавал днем, он уничтожал ночью.

Отец Гардиан был очень недоволен — если так будет продолжаться, икона не будет готова в срок к новой капелле.

К весне работа пошла удачнее: облик черноокой Мадонны начал стираться из памяти монаха, и на иконе стал вырисовываться собственный образ. В светлый весенний день капелла, наконец, была освящена, и икона была возложена на алтарь.

Пение псалмов и яркие солнечные лучи, игравшие на полу и стенах капеллы, вызвали у монаха чувство умиления, и его работа показалась ему прекрасной.

Но когда наступили сумерки, монах снова заглянул в капеллу и остановился перед своим детищем. Внезапно образ Мадонны Мурильо вспыхнул в памяти особенно ярко, и он понял, что и на этот раз создал совсем не тот образ, который хотел — он снова нарисовал деревенскую девушку, только черноглазую и черноволосую.

Вдруг перед ним как бы предстала Мадонна Мурильо, и ему показалось, что она бросила ему взгляд, полный упрека.

Ночью, когда весь монастырь спал, монах пробрался в капеллу и проколол глаза своей Мадонне. Что было с ним далее, покрыто мраком неизвестности. Возможно, его живьем замуровали в стену, возможно, наказали как-то иначе...

Прошло много лет. Покрытая столетней пылью, картина монаха покоилась на чердаке монастырского дома.

Новый настоятель пожелал ознакомиться со всем имуществом монастыря и в знойный августовский день поднялся на чердак. Заржавевший замок долго не открывался, когда же настоятель вошел, распахнув дверь, на чердак ворвались лучи солнца. Изображение Мадонны с выколотыми глазами на мгновение остановило его внимание, но его вдруг позвали, и он спустился вниз. Ознакомившись подробно со всем монастырским имуществом, настоятель подустал, так что сразу после вечерней трапезы и молитвы отправился спать.

Среди ночи он внезапно пробудился от странного сновидения: Мадонна с выколотыми глазами взывала к нему о помощи, призывая спасти ее и его духовных детей. Он попытался снова заснуть, но безуспешно — виде-

ние не оставляло его. Оно вынудило его покинуть ложе и подняться на чердак, где стояло изображение Мадонны.

Чердак был полон дыма.

Теперь только настоятель понял, что сон был вещим. Он разбудил монахов и совместными усилиями потушили пожар. Монастырь и чудотворная икона были спасены.

Так свершилось первое чудо. А икону торжественно внесли в капеллу, убранную цветами. Перед Мадонной зажгли свечи, которые горели и днем и ночью. Мадонне-Спасительнице вставили черные стеклянные глаза, и она как будто снова ожила. Толпы народа приходили к ней на поклонение.

Мадонна со стеклянными глазами творила чудеса, исцеляя страждущих и больных. Нужно было только идти к ней с полной верой.

Весть о чудотворной иконе проникла в самые отдаленные города и деревни. В одной из таких заброшенных деревень в жаркий полдень, истомленные полевыми работами, отдыхали бабушка и ее внучка Лизи. Перед ними лежала нехитрая деревенская снедь, но молодая женщина не испытывала чувства голода, она была чем-то сильно расстроена.

— Знаешь, бабушка, — сказала Лизи, — Рези Швабингер опять родила ребеночка и такого хорошенького! — Тут она залилась слезами: — А мне все Бог не дает! И для чего я живу на свете — только чтобы работать? Бабушка, может быть, Бог послал мне наказание за то, что я вышла замуж за Ганса без любви? Я все делала, что советовали соседки, да все оказалось ни к чему.

— Остается, дитя мое, пойти и поклониться Ниссельбахской Мадонне.

Лизи с трудом дождалась окончания полевых работ и в конце августа, с напутствиями бабушки, отправилась в путь, шепча по дороге молитвы.

После долгого и утомительного пути она добралась, наконец, до своей цели. Толпа народа заполняла монастырский двор. Лизи причастилась и вместе с другими богомольцами была введена в капеллу, где опустилась перед Мадонной на колени, полная веры, что она ей поможет. Она долго молилась под звуки органа, наполнявшие капеллу.

Когда служба закончилась, Лизи вышла за монастырскую ограду. Здесь были расставлены столы с едой, и проголодавшиеся богомольцы быстро расхватили все, что лежало на столе. Лизи тоже утолила свой голод.

Богомольцы шумной толпой отправились домой. Но Лизи, которую не покидало молитвенное настроение, не присоединилась к ним. Она сидела в сторонке, вся еще под впечатлением доброго взгляда Мадонны, и продолжала читать молитвы. Наконец отправилась в путь и она.

По пути домой в лесу молодая женщина решила передохнуть. Она сняла котомку с плеч, расстегнула кофточку и опустилась на траву. Лесную тишину нарушал лишь шорох деревьев от порыва ветра и щебетание птиц.

Вдруг на тропинке показался молодой человек с ярко-красным платком на голове. Это был итальянец, бродивший по деревням с шарманкой и обезьянкой, которая плясала под нехитрую музыку.

Итальянец свернул с тропинки и подошел к Лизи. Она хотела, было, ему подать милостыню, но он жестами отклонил ее попытку и спросил, не нужна ли ей какая-то помощь.

— Нет, — ответила Лизи. — Я просто отдыхаю.

— Нельзя ли и мне сесть рядом? — попросил он.

— Пожалуйста, лес принадлежит всем.

Обезьянку итальянец привязал к дереву, а потом, повернувшись к Лизи, сказал:

— Я видел вас, сеньора, в монастыре.

— И я вас там видела. А много вы зарабатываете с обезьянкой? — спросила Лизи. — Стоит ли бродить из города в город, из деревни в деревню и вести беспокойную жизнь?

— Сеньора, мы с обезьянкой кормим семью моей сестры, — улыбнулся, блеснув черными глазами, итальянец. — Она вдова с пятью bambino... у нее пятеро детей.

— Пятеро детей! — повторила Лизи и вздохнула: — А у меня нет детей.

— Такая красивая сеньора и не имеет bambino? — удивился итальянец. Лизи с тоской посмотрела на небо.

Наступило долгое молчание.

Надвигались сумерки. В лесу стало прохладнее.

Обезьянка прыгала на ветке и старалась распутать цепочку, за которую была привязана, но ей это не удавалось. От злости она отрывала веточки и бросала на землю.

— А откуда вы, сеньора? — снова заговорил итальянец.

— Оттуда, — неопределенно махнула рукой Лизи.

Молодой человек придвинулся ближе и вдруг неожиданно обнял и прижал ее к себе.

Обезьянка продолжала отрывать веточку за веткой...

...Лизи вернулась домой, когда небо покрылось звездами. На пороге дома стоял муж с трубкой во рту.

— Ну, вот ты и вернулась, — сказал он.

Лизи бросилась в его объятия и поцеловала в самый подбородок, который Ганс сегодня тщательно выбрил у деревенского цирюльника. Дома ее ждал накрытый стол, около которого хлопотала бабушка. На нем стояла бутылка вина, припасенная мужем.

Никто в деревне не удивился, что в доме Лизи и Ганса была зажжена лампа, что разрешали себе жители только по праздникам. А сегодня был именно такой торжественный случай.

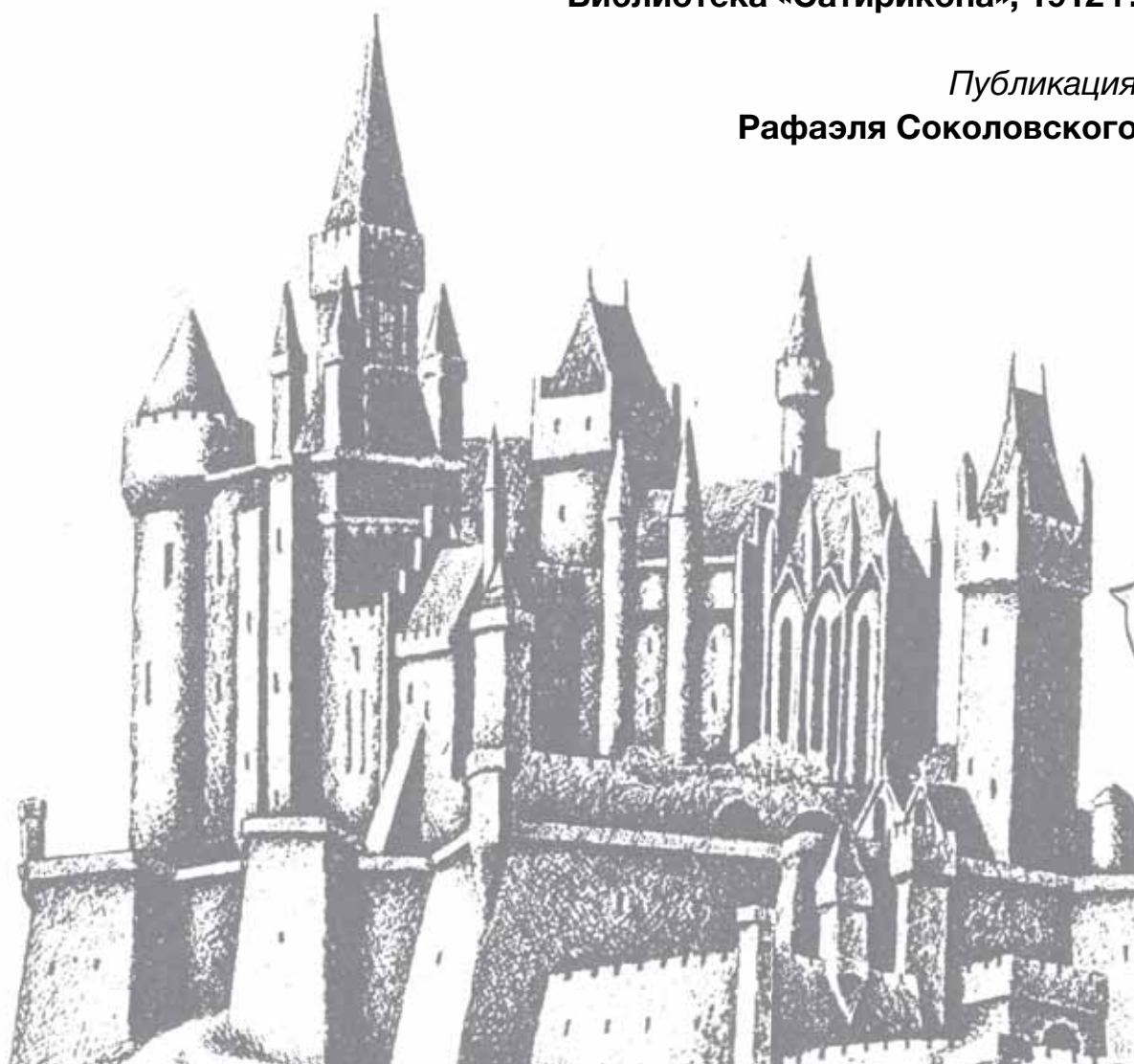
— Будем надеяться, — сказала бабушка, — что Бог не оставит нас своей милостью.

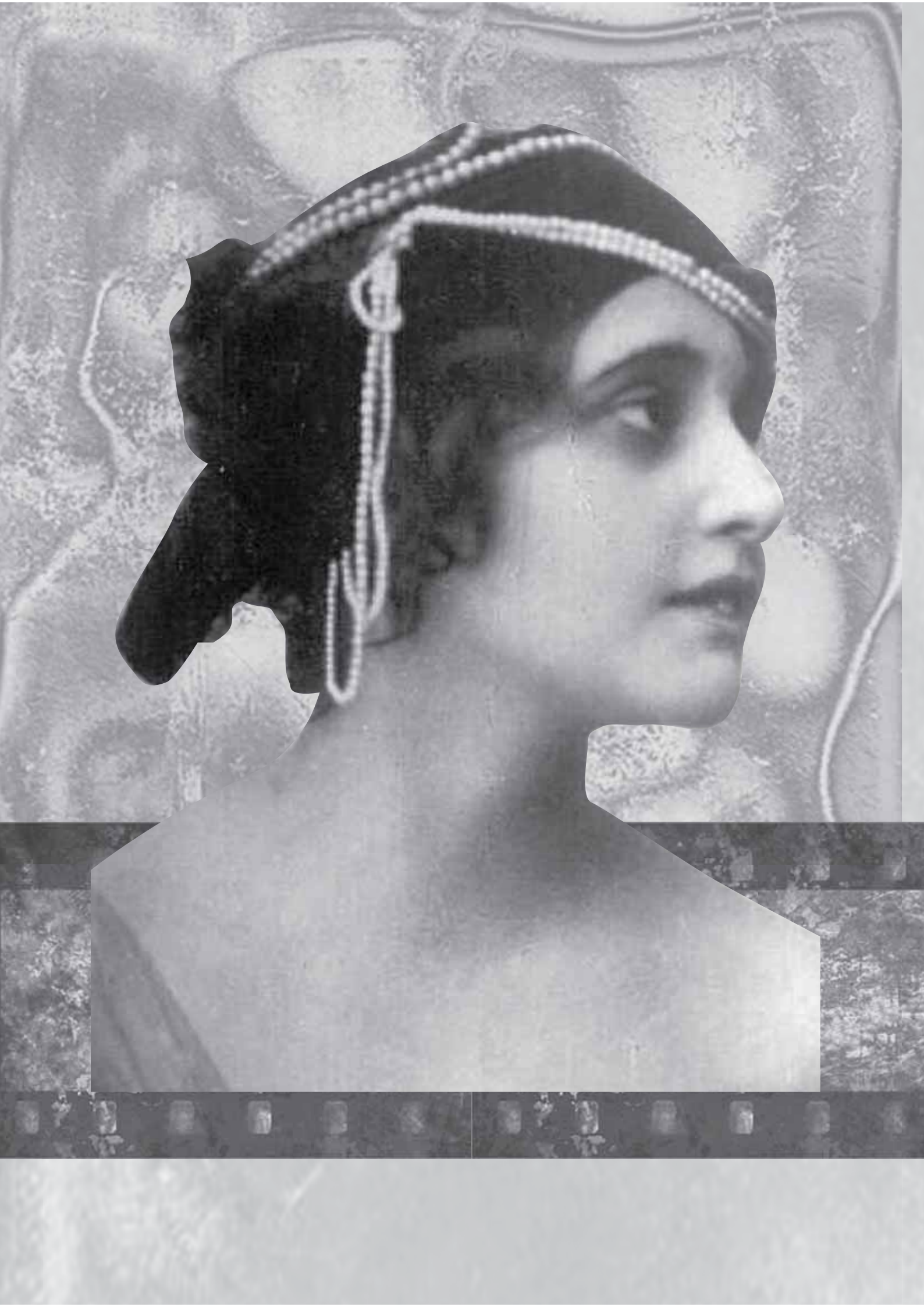
Так и случилось. В мае Лизи родила прелестную дочку.

Когда она впервые открыла глаза, все поняли, что свершилось еще одно чудо. Вся деревня и вся родня Лизи и Ганса были голубоглазые, а у малышки были огромные черные глаза — точно такие же, как у Ниссельбахской Мадонны. □

Библиотека «Сатирикона», 1912 г.

Публикация
Рафаэля Соколовского

Как актрисе, ей было сложно — ни реплик, ни паузы, ни возможности взглянуть в глаза залу, как это бывает в театре.

Но она и не была великой актрисой — это признавали даже те режиссеры, которые снимали ее — фильм за фильмом, порой до тридцати картин в год. Зато эта женщина была невероятно органична на киноплёнке, взгляд ее огромных серых глаз приковывал зрителя. Он звал за собой — звал в глуповатые салонные мелодрамы, где героини не сильно отличались одна от другой, звал в мир волшебного «синема», который только-только появился и казался еще чем-то совершенно фантастическим.

Она была первой действительно всенародно любимой кинозвездой — задолго до того, как на этот пьедестал вступила другая дива — Любовь Орлова. Именно с нее — с Веры Холодной — и начался русский кинематограф. Пусть ей было отпущено всего четыре года в этом завораживающем искусстве, но именно она заставила зрителей навсегда полюбить эту магию — магию кино.

Ваши пальцы пахнут ладаном

Многие до сих пор пребывают в уверенности, что «Холодная» — красивый псевдоним, подчеркивающий, как неприступна должна быть звезда в своем — отдельном — космосе. Но нет — это реальная фамилия вполне реальной женщины, которая столь далеко была от своего экранного образа, что порой даже не верилось, что она не придумала себе эту благополучную жизнь, дабы скрыть настоящие трагедии.

Но никаких трагедий действительно не было. По крайней мере, таких, о которых кинематограф начала века взялся бы снять фильм.

Вера Левченко родилась в 1893 году в Полтаве, в семье учителя. Кроме нее, в семье были еще две дочери — Надежда и Софья. Старшую Верочку в возрасте 10 лет отдали в гимназию. Неизвестно, усвоила ли девочка хоть что-нибудь из обязательной программы, но поступить в гимназию стоило хотя бы из-за того, что гимназисток водили в Большой театр. И именно там Верочка нашла свою мечту — поняла, что больше всего на свете желает быть балериной.

Родители были не против учебы в балетном классе, хотя и удивлялись тому, что их «полтавскую гадушку» (Верочка обладала слишком округлыми для балерины формами) приняли в училище. На самом деле причина простая — Вера была мила и очаровательна, что для танцовщицы ничуть не менее важно.

Однако вскоре училище пришлось покинуть по настоянию ба-

бушки — по ее мнению, девице из приличной семьи незачем сверкать голыми ногами на сцене. Вера возвратилась в гимназию.

И, как выяснилось, не зря.

На выпускном балу в 1910 году она познакомилась со студентом юридического факультета Владимиром Холодным. Через несколько месяцев они поженились, вызвав неудовольствие обоих семейств. Их брак считался слишком скоропалительным, но Вере и Владимиру было мало дела до чьего-то мнения — главное, они любили друг друга.

Вера готова была даже разделить с мужем его довольно редкую по тем временам страсть — автомобили. Он был страстным гонщиком и издателем первой в России газеты об автомобилях. Вера вместе с ним носилась на сумасшедших скоростях, и пара неоднократно попадала в аварии.

Однако, став матерью маленькой Евгении, она прекратила участвовать в гонках. После очень тяжелых родов Вера долго не могла оправиться. Приговор врачей был однозначен — детей ей больше иметь нельзя. Не желая смириться с таким положением вещей, супруги Холодные удочерили еще одну девочку — Нонну.

Дочери подрастали, у Веры становилось меньше забот, и ее активная натура искала, чем бы занять свободное время. Автогонки отпадали — мать не может позволить себе столь опасное развлечение, и она стала часто ходить в кино.

Кинематограф в то время был бешено популярен. Среди профессионалов театра отношение к нему, конечно, было более сдержанным, как к чему-то бросовому, но порой и известные артисты почитали за честь сняться в кинокартине.

Вера Холодная настолько любила кинематограф, что даже сходила на прослушивание, желая попробовать себя в качестве актрисы. Однако пробами дело и закончилось — началась война. Проводив мужа на фронт, она едва не сошла с ума от

тоски и одиночества, поэтому вновь решила попытать счастья в кино, отправившись в мастерскую «Тимана и Рейнгарда». Там как раз снималась «Анна Каренина», и Холодную задействовали в двух эпизодах.

Режиссер не увидел в Вере таланта для большой роли. Но поскольку молодая женщина ему понравилась, он дал ей рекомендательное письмо к режиссеру конкурирующей фирмы «Ханжонков и Ко» Евгению Бауэру.

Бауэр — оператор и художник — сразу разглядел потрясающую киногеничность и красоту Веры Холодной. Отсутствие у нее таланта мало смущало режиссера. Он готов был выстраивать кадр вокруг Веры — как выстраивают его вокруг предмета мебели.

Первый совместный фильм Холодной и Бауэра назывался «Песнь торжествующей любви». Эту картину зрители приняли с восторгом. А Бауэр, поняв, какой бриллиант попал к нему в руки, тут же принялся

снимать Веру во втором фильме. За год она снялась в тринадцати картинах.

К ней, наконец, пришла слава. Вера Холодная, жена московского юриста, мать двоих детей и начинающая актриса, стала еще и законодательницей мод. Ее портреты в платьях и костюмах собственного изобретения печатали на открытках огромными тиражами. Едва ли нашелся бы в те годы дом, где не было бы открытки с изображением Верой Холодной.

Фильмы с участием звезды рекламировали заранее — довольно редкое явление для тех времен. Названия и содержания картин обычно держались в секрете до выхода на экраны, чтобы конкуренты не успели выпустить одноименный фильм с таким же сюжетом раньше. Учитывая, что на съемки выделялось довольно короткое время — 3–4 недели на картину, такое было вполне возможно.

Но в случае с Холодной этого можно было не опасаться — зрители шли не на сюжет, а «на Холодную», независимо от того, какую роль она сыграет в этот раз.

Однако купаться в лучах славы времени не было — картина следовала за картиной, съемки за съемками. А в августе 1915 года Вера узнала, что ее муж тяжело ранен под Варшавой, и, бросив все, отправилась к нему и буквально «вытащила» его с того света. Она ухаживала за ним днем и ночью, поражая своим трудолюбием даже немало повидавших сестер милосердия. Когда Владимиру стало лучше, они вернулись в Москву. Но на сле-

дующий же день Вера должна была ехать на съемки — из-за нее простаивала вся группа.

Владимир той же осенью попросился обратно на фронт...

Он, правда, довольно часто писал жене, и письмо его однажды в дом Холодных привез юный солдат, которого звали Александр Вертинский.

Будущий кумир целого поколения влюбился в молодую актрису без памяти. Он приходил в дом Холодных каждый день, садился и просто смотрел на Веру. Именно он назвал ее «королевой экрана». Именно ей посвящено немало романсов Вертинского — от «Маленького креольчика» до «Ваши пальцы пахнут ладаном», который Вертинский написал после кончины Холодной. Это был совершенно платонический роман, который, однако, подогревал интерес публики к актрисе. Да и песни Вертинского помогали лепить тот образ, который куда больше нравился зрителям. Конечно, куда занятнее слушать о романе с лиловым негром, чем о скромном супруге-юристе.

А Вера после отъезда мужа на фронт продолжала сниматься. Вскоре ей предложили уйти от Ханжонкова в другую кинокомпанию, к Дмитрию Харитонову, который, будучи новичком в этой области, попросту «перекупил» всех лучших режиссеров, операторов и актеров, включая Веру Холодную. Он знал, что делает: участие Холодной в фильме гарантировало ему успех и, как сказали бы сегодня, «кассовые сборы».

Поначалу все шло отлично — Харитонов был внимателен к актерам, здесь не снималось, как у Ханжонкова, по одному фильму в три недели, здесь больше платили. Но со временем все вернулось на круги своя: Вера снова очень много работала, к тому же, Харитонов ввел штрафы за опоздание, так что актеры постоянно вынуждены были торопиться на съемки.

Меж тем закончилась война и отгремела революция. Власти посоветовали кинопроизводителям обратить свое внимание на классику. Компания Харитонова взялась за экранизацию «Живого трупа». Многие считают эту картину одним из лучших фильмов Веры Холодной. После выхода ленты на экраны на Веру даже обратил внимание Станиславский, видимо, разглядев, наконец, в ее игре талант. Он пригласил актрису на роль Катерины в «Грозе» в постановке Художественного театра.

Вера была в восторге, она очень хотела попробовать себя в театре, но Станиславский сказал, что репетиции могут продлиться полгода, а могут и год — «пока спектакль не получится». Холодная не могла так долго оставаться без кино. И отказалась.

К этому времени актриса стала настолько популярна, что решили снять фильм о ней самой. Однако жизнь Веры Холодной, счастливой жены и матери, оказалась так скучна, что выстроить сюжет было решительно не на чем, а присочинять что-либо к ее биографии Вера ре-

шительно запрещала. Тем не менее, фильм был снят и тоже пользовался популярностью.

В 1919 году Холодная поехала на натурные съемки в Одессу — там работали над фильмами «Мещанская трагедия» и «Княжна Тараканова». Зима тогда выдалась очень морозной, и даже в роскошном отеле в номере температура опускалась до минусовых отметок. Вера простудилась и слегла с «испанкой», которая уже год свирепствовала в Европе. Она болела всего восемь дней. Ее лечили лучшие врачи Одессы, но судьба великой актрисы немого кино уже была предрешена. 19 февраля 1919 года ее не стало.

Говорили, что, умирая, Холодная играла сцену своей смерти. Она благословила дочь, находившуюся рядом, и красиво ушла...

Толпа, стоявшая все эти дни под окнами, безумствовала.

Вертинский, узнав о смерти Холодной, написал одну из самых проникновенных своих песен: «Ваши пальцы пахнут ладаном...»

А режиссер Чардынин, у которого Холодная снималась в Одессе, снял на киноленту... ее похороны. Смотреть на эти кадры не мог никто: казалось, что актриса продолжает играть свою смерть.

Балаганчик Вертинского опустел без музыки. Не смог без жены жить и Владимир Холодный — его не стало через месяц, а все эти дни он обращался к Вере, как к живой.

По прошествии многих лет сохранилось только 5 лент, где мы можем увидеть игру Веры Холодной. Не са-

мой талантливой актрисы, но первой великой и по-настоящему недостижимой Звезды.

По странному стечению обстоятельств, именно 1919 год, год смер-

ти Веры Холодной, был признан годом рождения советского кинематографа.

А она и ее немое кино остались вне времени. □

Сергей Тончаренко

Когда маячит первая строка,
Когда зачатие стиха свершилось —
Неотвратимо зрячая рука
Нащупает незримую вершину.

Тогда и дрожь ночного мотылька,
И трубный рев шального паровоза
Приобретут весомость парадокса
И приведут к стиху наверняка.

Т СВОБОЖДЕННЫЙ **ТАЛАНТ**

Евгения Белогорцева

Он считал, что большинство фокусов «делают» сами зрители. Именно они, не умея заметить чего-то важного, не умея обратить внимание на то, что старательно выставляется напоказ, начинают верить в чудеса и приписывать фокусникам небывалые, волшебные способности.

Он никогда не говорил, что он маг. Фокусник, король карт, чародей оков — кто угодно, но только не маг. Потому что точно знал, что любой фокус — это месяцы, если не годы, тренировок.

Он мог выпутаться из любых наручников и спастись из заколоченного ящика, но умер от простого удара в живот.

**Гарри Гудини — настоящий волшебник,
который умел все.**

Настоящее имя Гарри Гудини — Эрик Вайс. Он родился в Будапеште, в семье раввина. Но жил Эрик в Европе только до 4 лет, после этого семья переехала в Америку, в городок Милуоки.

Юный Эрик совершенно не стремился пойти по стопам отца. Однажды попав на представление фокусника, он уже не смог отказаться от этого волшебного мира, настолько увлекла его магия. Он начал постоянно тренироваться, изобретал что-то свое и показывал свои «наработки» таким же, как он, мальчишкам.

Когда через городок проезжал передвижной цирк Джека Хефлера, друзья уговорили Гарри показать маэстро свой номер. Номер и вправду был оригинален: подвешенный за ноги Эрик собирал рассыпанные по арене булавки при помощи... бровей и ресниц. Хефлер похвалил мальчика, но работы, как тайно надеялся Вайс, не предложил.

Однако Эрик не унывал: он поступил на работу помощником слесаря, благодаря чему смог изучить «изнутри» всевозможные замки, засовы, их механизмы и ключи к ним. Он сам придумывал отмычки, которыми мог открыть абсолютно любой замок. Позже говорили, что если бы Гарри Гудини не был лучшим в мире фокусником, он стал бы лучшим в мире «медвежатником».

Эрик работал не только над своим умением открывать замки, он совершенствовал собственное тело путем постоянных тренировок.

Напрягая и расслабляя мышцы, мог изменять размеры тела в несколько раз, добиваясь тем самым возможности выскользнуть из любого заочения.

Постепенно он стал понимать, что все дальше и дальше уходит от того Эрика Вайса, которым был при рождении, и взял себе новое имя — Гудини, в честь знаменитого французского фокусника Гудина, на которого очень хотел быть похожим.

Но, как показала жизнь, значительно превзошел его.

Фокусники редко бывают на сцене одни — им нужны ассистенты, красивые помощницы, заставляющие публику отвлечься и видеть совсем не то, что происходит на самом деле.

Когда Гарри (будем теперь называть его так) было 16 лет, он решил создать собственное шоу и взял в напарники своего брата Тео. Весь 1890 год братья работали над выступлением, главным номером которого была «Метаморфоза».

Состоял фокус вот в чем. Тео связывали руки и запирали в деревянный ящик. Гарри вставал на крышку ящика, после чего вся конструкция на несколько секунд закрывалась занавеской. На счет «три» она падала, и изумленные зрители видели, что братья поменялись местами — теперь Тео стоял на ящике, а связанный Гарри лежал в нем.

Этот фокус имел успех, но шоу в целом — нет. Братья едва наскре-

бали денег, чтобы поужинать. Проведя таким образом в выступлениях почти пять лет, Гудини даже собирался бросить все и подал в газету объявление о продаже всего «волшебного скарба» за 20 долларов.

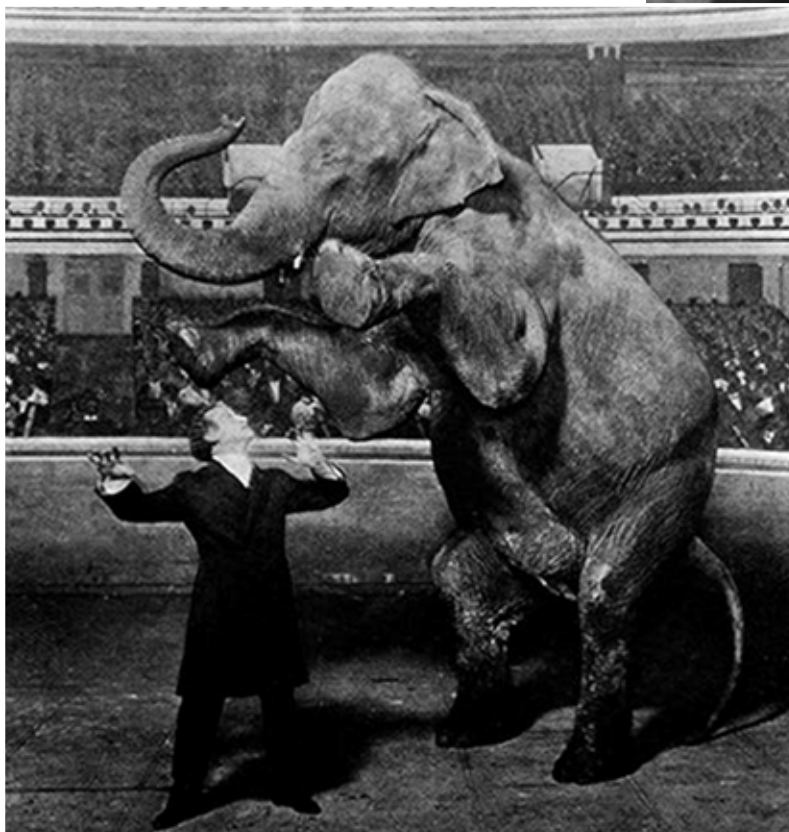
Однако апатия вскоре прошла, и Гудини вспомнил о другом своем умении — слесарничать. И совместил две свои страсти.

Фокусы с освобождением из наручников в то время показывали многие, но Гудини привнес свое ноу-хау, которое очень понравилось зрителям: он разрешал заковывать себя в те наручники, что люди приносили с собой, и мог выпутаться из любых.

Еще в 1894 году Гудини пригласил в качестве ассистентки на одно из выступлений молодую танцовщи-

цу Беатрис Райнер. Через две недели знакомства молодые люди поженились и стали выступать как «супруги Гудини». Тео со временем стал гастролировать отдельно и тоже добился немалых успехов. Хотя до брата ему, конечно, было далеко.

Бесс, став женой Гудини, во многом взяла на себя заботы о его жизни, работе и здоровье. У супругов был своеобразный ритуал, который они использовали во время своих

ссор: если Гудини поднимал три раза правую бровь — жена должна была замолчать. Если сердилась жена, то он должен был выйти из дома, обойти его и бросить шляпу в окно комнаты. Если жена шляпу выбрасывала назад, он был обязан сделать еще одну короткую прогулку и повторить все сначала. Он не возвращался в дом до тех пор, пока шляпа не оставалась в комнате.

Кто знает, может, именно этот обычай позволил супругам Гудини прожить в браке более тридцати счастливых лет?

Детей у Гарри и Бесс не было. Ходили слухи, что в юности Гудини часто помогал другому своему брату,

Леопольду, который считался одним из первых и передовых рентгенологов Нью-Йорка, выступая порой в качестве «подопытного» в его экспериментах. Возможно, это и сделало великого фокусника бесплодным. Гудини, как и многие другие пары, хотели иметь детей, но понимая, что это невозможно, поступили вполне... магически: придумали себе воображаемого сына, которого назвали Мер Сэмюэл. По мнению супругов Гудини, он должен был стать будущим президентом США.

Благодаря Гудини в английском языке появился новый глагол «гудинайз», означающий умение выпу-

таться из любой, даже самой безвыходной, ситуации. И действительно, в искусстве «выпутываться» ему не было равных.

Слава Гудини росла все больше. Отправившись в европейское турне,

он поступал так: едва прибыв в какой-нибудь город, отправлялся в местный полицейский участок и предлагал стражам порядка заковать его в наручники и посадить в камеру. И не было случая, чтобы Гарри Гудини через несколько минут не оказывался на улице, иногда, для смеха, меняя камерами нескольких других заключенных. На такие представления собиралось огромное число народу. А Гудини просто развлекался таким образом. И, конечно, не переставал совершенствовать свое мастерство.

Чтобы публика не скучала, он все время придумывал для нее новые фокусы. Например, существовал такой трюк, как «Камера для китайской пытки водой». Фокусника вешали вниз головой в камеру, заполняемую водой, откуда он спасался на последних секундах. Также был фокус под названием «Бидон с молоком»: большой молочный бидон с широкой горловиной заполняли водой доверху. Зрителям предлагалось проверить, нет ли у бидона второго дна. Гудини залез туда с головой, после чего бидон закрывали на несколько замков и ставили вокруг него ширму. Через несколько секунд мокрый, но живой фокусник вновь представлялся перед публикой.

Однажды он на глазах огромной толпы прошел сквозь кирпичную стену, в другой раз был сброшен с моста в Темзу, при этом руки его были закованы в наручники, а «для верности» к фокуснику был прикре-

плен 30-килограммовый шар. Это, однако, не помешало ему всплыть через несколько секунд, размахивая наручниками.

Многие таланты Гудини проявлялись не только в фокусах. Мало кто знает, но он стоял у истоков кинематографа, сняв пять немых фильмов, благодаря чему удостоился одной из первых звезд на знаменитой Аллее славы в Голливуде.

Увлекался он и авиацией. Первый в истории полет над Австралией совершил именно Гарри Гудини.

Он не устал говорить, что публика сама делает многие фокусы. Один из классических примеров: Гудини в ярком синем костюме в сопровождении ассистентов, одетых в белое, выезжает на ослепительно-белой лошади. Взрыв, дым окутывает облаком лошадь, и Гудини исчезает. Куда? Никуда — он здесь, просто сбросил яркий синий костюм из бумаги и остался в белом среди ассистентов. Их ведь никто не считал.

Сам Гудини с удовольствием разоблачал тех, кто называл себя «магами». Он рассказывал секрет любого фокуса, который исполнитель смел называть магическим, и ненавидел спиритуалистов, столь популярных в начале века. Из-за этого он даже поссорился со своим другом, известным поклонником спиритизма, сэром Артуром Конан-Дойлем, который, кстати, считал Гудини очень сильным медиумом.

Несмотря на образ удачливого фокусника, Гудини признавался жене и близким, что дважды стоял на пороге смерти и только выдержка и самообладание помогли ему выжить.

Первый случай произошел в Детройте, где фокусник должен был броситься с моста в реку в наручниках и под водой освободиться от них. Однако случились заморозки, и река покрылась толстым слоем льда. Не желая отказываться от выступления, он велел проделать прорубь и нырнул в нее. Вместо того чтобы вынырнуть через минуту, Гудини не появился и через четыре. Все решили, что он погиб. Однако вскоре он выныр-

нул, проведя в холодной воде без воздуха восемь минут.

Второй случай связан с тем, что Гудини предложили пари на то, что он, закованный наручниками, не сможет выбраться из могилы с шестифутовой глубины. Гудини принял вызов, однако сказал, что должен потренироваться сначала на меньшей глубине. И на этом этапе все шло хорошо. Но когда его опустили в шестифутовую яму, им овладела паника, которая чуть не стоила ему жизни. Однако он заставил себя очнуться, освободиться от наручни-

ков и начать осторожно разгребать песок — вбок и под спину. Когда Гудини выбрался из могилы, то был настолько обессилен, что не смог даже встать на ноги.

О его физической форме ходили легенды. В 1926 году, когда Гудини во время концерта отдыхал у себя в гримерке и читал записки от зрителей, к нему зашли трое студентов, один из которых, спросив, правда ли, что Гудини легко выдерживает удары в живот, без предупреждения ударил фокусника. Через несколько ударов Гудини попросил остановить-

ся, так как ему нужно подготовиться. После ухода студентов он вдруг ощутил резкую боль в животе. Диагноз врачей был неутешителен — разрыв аппендикса и острый перитонит, жить больному оставалось не более 12 часов. Но великий фокусник и тут всех удивил, прожив еще семь суток. Умирая, он попросил позвать к нему брата Тео, которому сказал: «Я устал

бороться, Тео. На этот раз я, кажется, проиграл».

В 1974 году, к столетию Гудини, все ждали сенсации: должно было быть вскрыто завещание фокусника с раскрытием тайн его трюков. Но ни в именитых юридических конторах, ни в банках — нигде никакого завещания не нашли. Может, это был его последний фокус? ▢

БЫВШИХ МУЖЕЙ

не бывает...

Всякий раз, когда я представляла эту встречу, моментально начинала ощущать в руках что-то увесистое и железное, готовое, не задумываясь, открыть огонь. На поражение!

Само собой, я не должна первой показать, что узнала его. Абзац! Последние пятнадцать лет явно пошли ему на пользу. И что же я вижу?

Вместо лохматого полуголодного студента передо мной возникает стильный «мачо» со слегка посеребренными выбритыми висками. Он неспешно выходит из белого «мерса» и небрежно забрасывает край белого кашне через плечо. Полы белого плаща лихо развеваются на ветру. Не хватает только белого рояля. В кустах.

Охолопись, дорогая... Спокойно, не растекаться!

Вот теперь-то до меня доходит, что бывших мужей не бывает. И я уже знаю точно, что он потащится следом, как собака. Вернее, как кобель. И, вернее верного, знаю — во что бы то ни стало, останусь непоколебимой! Таких не прощать — таких отстреливать! Вот он пробирается через толпу на мою сторону улицы. Только не истерить!

Стоя у витрины модного бутика, чувствую его взгляд, но не поворачиваюсь, продолжаю читать сообщения в мобильнике. Можно подумать, там пишут бесперебойно, как президенту. Ситуация начинает забавлять, но, похоже, только меня.

Он подходит вплотную, смотрит прямо в глаза. Караул! Накрыло! Тону! А я думала, так бывает только в дешевых дамских романах для идиотов. Бежать, спасаться!

— Минутка есть? Привет, лапуся! — Он что-то оживленно говорит, улыбается, даже пытается смеяться. Скорее всего, он шутит, догадываюсь я. И, как ему кажется, удачно. Только я не слышу ни-че-го! Гул! Сплошной гул, как в высоковольтных проводах многокилометровой линии электропередач. И кто тут я? Не иначе, бетонная опора, которой не страшны ни ураган, ни жара, ни холод. Которая стоит и будет насмерть стоять до самого конца! Да, это именно я, чем и горжусь-усь-усь-усь... — поется и поется в голове.

Внезапно потемнело. На тротуаре закружилась вихревая воронка, поднимая листья и мелкий мусор.

— Похоже, быть грозе? — он пытается взять меня под руку. Но замечает, как моментально сжимаются мои кулаки.

И тут хлынул ливень. Сначала он набросил на меня свое белое кашне,

потом белый плащ и втащил в свой белый «мерс».

Что, скажете — банальный сюжетец? Не банальней жизни. Зачитаешься, если дальше продолжать... Особенно про белый рояль в кустах. □

ВОЗВРАЩАЙСЯ

Поезд настойчиво набирал ход. Вот уже перрон с провожающими, а следом обрубленный край платформы улетели с глаз долой. А он все продолжал одурело кричать в открытое окно:

— Я вернусь! Я вернусь!

Она, обмахиваясь шляпкой, вошла в купе, везя за собой желтый кожаный баул.

— Это ж надо! Успела-таки!

Он отделился от окна и обернулся на знакомый голос:

— Ты? Извините... вы?

— Ну, теперь понятно, — смерила она презрительным взглядом его сухопарую, но все еще подтянутую фигуру, — почему мне так чудовищно не хотелось ехать в эту командировку.

Он засуетился, пытаясь пристроить ее баул на верхнюю полку:

— Ба! Старый знакомец желтой масти. Да ты, приятель, как и бывало, позвякиваешь себе, не то армянским с пятью, не то Хеннесси, не то Камю? Или что там нынче принято?

— Принято пить больше, а трепаться — меньше, — отрезала она, тряхнув золотыми кудрями и теряя шпильки.

— Знать, хозяйка твоя не иначе, как с отчетом к высокому собранию? — не унимался попутчик.

— С годовым. А то не знаешь.

Он подошел вплотную, искря взглядом старого ловеласа.

Ей почему-то стало чертовски смешно, но она сдержалась.

— А сам?

— Ну, куда я еще могу ехать этим поездом?

— Да, я, похоже, туплю. Домой, домой, к долго терпящей жене? — Она из последних сил пыталась казаться невозмутимой. — Как ты говорил всегда? Вредная привычка возвращаться?

— Она самая.

Он бросил взгляд в зеркало на двери и мысленно похвалил себя за то, что перед дорогой успел побриться и надеть новый галстук.

— То к одной, то к другой, да? — Внезапно обняв заметно полинявшего «мачо», она ловко извлекла из его кармана железнодорожный билет. — Вот и возвращайся.

— К кому?

— Да хотя бы к той, которой только что так проникновенно орал: «Я вернусь! Я вернусь!» Вот девица

обалдеет! — Она оттолкнула его и резко повернулась к окну. В порыве ветра брошенный билет мгновенно скрылся из виду. — А мы с желтым едем дальше.

На подходе к полустанку поезд сбавил ход. Желтый баул не замедлил отзываться привычным бутылочным звоном. Похоже, он был не против.

ЗАНЗИБАРСКАЯ ТЯПА

По мотивам итальянского кино

Путешествовать с комфортом — дело накладное. Только не для сеньора Тиссини. В свои пятьдесят с небольшим ему каким-то невероятным образом удавалось оставаться самым эффективным менеджером в компании по объемам продаж. Мотаться в поездах приходилось по всей стране из конца в конец неделями, дорога выматывала даже молодых и рьяных, а начальство не торопилось раскошелиться для них на отдельные купе. И то, что Тиссини всегда возвращался из очередной командировки с полным портфелем подписанных контрактов, для коллег оставалось полной загадкой. При этом выглядел всегда так, словно вернулся с курорта. А секрет был прост. Главное, — убежденно считал Тиссини, — хорошенько выспаться перед встречей с потенциальным солидным заказчиком. Причем, пережив перед

этим отчаянный драйв! А уж это, себе любимому, устроить он и любил, и умел.

Итак, сеньор Тиссини уверенно вошел в пустое купе и огляделся. Сейчас понабегут, рассядутся, загалдят, а перед завтрашней деловой встречей надо выспаться. Ой, как нужны будут силенки для будущего дня. Хотя бы подремать немного под мерный стук колес. Не снимая плаща, он сразу пристроил на верхнюю полку незатейливую крытую корзинку, какие обычно используют при перевозке домашних питомцев, и набросил на нее старенький плед. Кураж, маэстро! Кураж — первое дело! А вот и они, голубчики.

В проеме двери возникли трое. Молодой, элегантный, спортивного вида мужчина с пачкой газет сразу затахтал о погоде. Вошедшая следом дама в экстравагантной шляпке, на-

Наталья
Солдатова

Красные

лилии

ГЛАВА 10

ТАЙНЫ ЮЖНОГО ГОРОДА...

Черноморский город-курорт — место, явно не созданное для работы. Валентина ехала из аэропорта на маршрутном такси вдоль берега моря и, вдыхая тонкий аромат цветущих растений, благодарила судьбу за то, что она подарила ей эту командировку. Она вышла у парка, недалеко от которого жила сестра ее матери, тетя Жанна, которую она не видела уже много лет. Хотя ей было уже за семьдесят, на звонок, приделанный к калитке, из дома выбежала молодая, высокая, стройная женщина.

— Валюшенька ты моя! Как давно я тебя не видела! Но что же ты, милая, время-то выбрала такое для отдыха? Ведь еще и не искупаешься... Холодно... — обняв племянницу, повела она ее в комнату.

— Да бог с ним, с купанием, тетя! Я ведь здесь по делу... Человека у нас там убили, в санаторий приехал лечиться, а его — ножом... А человек-то

Окончание. Начало в №7 2013.

Красные лилии

у вас раньше жил, в Южноморске... Гонщик вроде был известный...

— Гонщик, говоришь? Гонщик-угонщик...

— На машинах или на мотоциклах гонял. Лисицин Кирилл Павлович...

— Не слышала о таком. А вот Райка, невестка моя, может, чего и знает. Брат у нее в каких-то гонках участвовал... На машинах. Эдаких маленьких, прямо микроскопических... И какой интерес, непонятно! Да не рвись, не рвись к телефону-то, поешь сначала, отдохни с дороги... Успеешь дело сделать. Все равно ведь нет уже человека...

Валентина все-таки позвонила Рае и узнала, что та вместе с мужем собирается в гости к тете Жанне, чтобы увидеть знаменитую родственницу — успешного детектива. Валя попросила ее привести на всякий случай и брата. Рая замялась, потом сказала, что у них тоже есть фотоаппарат, так что ее брата, хорошего фотографа, брать совершенно не обязательно.

— Раюша, он мне очень нужен... И без фотоаппарата... Хочу устроить день кое-каких воспоминаний... Я ведь по делу приехала...

— Тогда я тебе, Валь, честно скажу — тем более, что все равно сама узнаешь... Пьет он у нас сильно... Нельзя его пускать в приличное общество... Одна стопка — и нет человека... Такое выделяет — стыд!

— Ты не преувеличиваешь?

— Если бы!

— И все-таки... Нужен он мне, понимаешь? Ну, пожалуйста! А мы уж тут все хором за ним присмотрим... И жену его я давно не видела...

— Да ушла от него жена... Ладно, чего ради такой гостью не сделаешь! Сейчас мы с мужем за ним смотаемся, и — к вам! Идет?

— Еще как идет!

С большим трудом Валентине удалось вырваться в магазин — тетка не хотела ее отпускать, уверяя, что для встречи гостей у нее есть абсолютно

все. Валя выбрала торт, который обещал быть вкусным, и массандровское вино — надо же будет с чем-то сравнить замечательные тетины наливки! А вернувшись обратно домой, она буквально застыла на пороге — стол сиял всеми цветами радуги. Казалось, на нем уместились лучшие соленья, варенья, печенья мира — и когда только тетя успела все приготовить!

— Нравится? — с гордостью спросила тетя Жанна.

— Конечно... Какая красота! И когда же вы все успели?

— А чего тут успевать-то? Тесто заранее приготовила, начинку тоже. Решила — не буду загодя делать, хотелось, чтобы ты пироги-то горяченькие поела, прямо из печки. Там у меня и с клюквой, и с кефалью... Еще немного, еще чуть-чуть, последний бой, так сказать — и стол готов!

Как только пироги легли на большие фанерные листы и, накрытые чистыми салфетками, стали «отдыхать», к дому подкатил старый «жигуленок» и через минуту Рая, появившаяся в сопровождении мужа и брата, уже обнимала Валентину и ахала по поводу ее перевоплощения.

— Я давно тебя не видела и могу сказать откровенно — ты была стальная! А теперь стала мягкой и пушистой, как котенок...

— Привет, сестричка! — чмокнул ее в щеку Вася.

— Мое почтение талантам от сыска! — произнес Виталий и галантно раскланялся.

— Спасибо, Виталий, что вы пришли. Мне необходимо с вами поговорить, — с ходу начала Валентина, чтобы заранее настроить его на деловой лад.

— Я — весь внимание, — ответил он. — Выйдем во двор?

— Нет, нет! Я думаю, мы устроим это прямо за столом... Час воспоминаний...

— Всегда готов! Тем более, что слышу запах пирогов! А мне их давно никто не печет!

Все уселись за стол, куда были поданы и нарезанные пироги.

— Я — поближе к тем, что с рыбой. Пустите? — спросил Виталий.

— Обязательно! — обрадовалась тетя Жанна.

С вином вышла некоторая заминка — все вопросительно смотрели на Виталия и Раю.

— А мне не наливайте, — вдруг сказал он. — Жене слово дал. Пятый день держусь.

— Ой! Приходила, что ли? — обрадовалась Рая.

— Приходила... Да что вы все меня рассматриваете, елки-палки! Кто у нас герой-то дня? Я, что ли?

— Может, и вы, Виталий... Это ведь как все повернется, — задумчиво произнесла Валентина и предложила выпить за удачу!

— А что вы имели в виду, говоря о герое дня? — повернулся к ней Виталий. — Очевидно, чем-то могу помочь знаменитому сыщику? И моей все-таки родственнице?

— Возможно...

— Так чего тянуть? Спрашивайте — ответим...

— Хорошо. Когда-то в вашем городе жил Кирилл Павлович Лисицин... Бывший летчик. Гонщик.

— Ну и... что он натворил-то?

— Да не знаю, Виталик. А только его убили...

— Ни фиги себе! Скажу нашим, что «корейца» убили! Некоторые обрадуются!

Валентина мгновенно поменялась местами с Раей и села рядом с Виталием.

— Но... вообще-то, он русский, а не кореец, — тихонько начала она, прощупывая почву.

— Да русский, конечно, русский! Это же прозвище у него такое — «кореец»! Было...

— А почему? — все так же тихонько спросила Валентина.

— Да из-за анекдота! Он любил рассказывать один анекдот про корейского и американского летчиков! Корейский сел на хвост американскому, а янки спрашивает того летчика по рации, как его зовут. Ну, типа узнать захотел, от кого будет смерть принимать... А из корейского самолета ему и сообщают фамилию — Ли-си-цин!.. Просто фамилии совпали, вот и смешно было... И профессии одинаковые... Кирилл Павлович тоже летчик... Был. Вот его и стали «корейцем» звать...

— А почему вы уверены, что некоторые обрадуются его смерти?

— Да как вам сказать... Неприятный он был человек... За женщинами, правда, умел ухаживать. А так... Люди для него — так, букашки... Пыль... Не любил он никого... Признавал только силу. Вот если человек что-то значил в обще-

стве, чего-то добился — Лисицин с ним общался. А с другими... Просто снисходил до них, когда выпивши был... Кстати, одно время Кирилл Павлович очень даже пил... Серьезно, я бы сказал... Это когда у него с женой какой-то криминал вышел...

— Разве он был женат?

— Был, Валентина. Женат — не женат, но за жену свою женщину считал, точно знаю. Много тогда про это говорили... Да и жили они вместе...

— И в чем же состоял этот криминал? — осторожно спросила Валентина.

— Врать не буду — не знаю. Не помню. Она что-то там с ребенком схимичила... Он же дите хотел, мужик, как-никак, продолжение свое ему видеть надо... А дитя все не было. Ну, и... Е-ка-лэ-мэ-нэ! Вот вертится в голове, а не вспомню!

— Но ребенок-то появился все-таки? Они его... родили? — не отступала Валентина.

— Ребенок вроде был... А вот то ли родили, то ли... Нет, не помню... А потом его вообще стало как-то не слышно и не видно... Слинял куда-то...

— Виталий, а вы можете расспросить обо всем этом тех, кто, как вы сказали, обрадуется его смерти?

— Да могу, конечно. Только... Это ведь надо встретиться с людьми, поговорить... Боюсь сорваться. Каждый ведь будет предлагать — за встречу...

— А что, если и я с вами? Вместе легче будет отбиться.

— Идет! Согласен! А как его убили-то?

— Ножом. Да еще, кажется, и отравили...

— Надо же... Чтoб наверняка, значит... Крепко он кому-то насолил... Ой, Валя, я ведь вспомнил, слухи ходили, что судили кого-то из них — то ли его, то ли жену... Так что вы можете дело то судебное поднять и все про это узнать...

— Я вот еще что думаю... Он ведь один уехал, а жена, значит, осталась...

— Осталась, Валя, но тут полная безнадега — она умерла. Спилась и умерла. Во, с Димки мы и начнем опрос, Димка все знает. Он в нее был влюблен в молодости... А «кореец» ее отбил. Но только с Димкой надо без жены его разговаривать, а то она ревнивая — до безумия! И как я сразу про него не вспомнил!

Валентина тут же засобиралась, заявив, правда, что ей жаль покидать такое замечательное общество. Но уж коли они с Виталием решили... Тот все понял.

— Вообще-то, к Димке надо бы с разведкой... С подготовкой... Я же говорил...

— Времени нет! Давай уж, как получится... Если что, по ходу дела придумаем, зачем пришли... Случай какой-нибудь вспомнишь... Словом, вперед, труба зовет!

— А, ладно! Где наша не пропадала! Только, может, сыщику сначала в материалах суда покопаться, а?

— Может. А, может, и нет. Там голые факты, они никуда от меня не денутся. А тут — живые воспоминания...

Дима жил в «хрущевке» и, на их счастье, оказался дома. Правда, Валю со своим бывшим другом встретил он не очень приветливо — у человека явно было плохое настроение, и он этого не скрывал. Зная, что от Виталия ушла жена, он принял Валентину за его подругу и отнесся к ней весьма настороженно. Но Виталий не стал его ни в чем разубеждать.

— Я зашел сказать тебе, что «кореец» умер... Вернее, его убили, — сообщил он.

— Ну... значит, туда ему и дорога, — промолвил Дима и добавил: — Не вечно же людям пакости делать...

— Как вы, однако, об умершем-то, — удивилась Валентина.

— А уж как заслужил...

— Дим, я вот узнал про «корейца» и вспомнил — его ведь за что-то судили... Не знаешь, за что? — отважился, наконец, спросить Виталий.

— Их вместе с Клавдией судили... Они ребенка незаконно удочерили... Сгубил он, гад, Клавдию-то мою... Если бы не он... Она ведь добрая была... Не то, что моя Глафира... Не баба — пила... Сейчас вот придет, начнет визжать...

— А как это — незаконно? — поинтересовалась Валентина.

— Подробностей я не знаю. Суть в том, что дите они удочерили прямо из роддома...

— Ну и что?

— Без очереди, что ли... За взятку... Так уж им хотелось скорее родителями стать...

— Черт! Димка, вспомни — за другое его судили! За другое!

— Нет... За это... А вообще-то, ты, Виталь, может, и прав...

Хлопнула дверь, и в квартиру влетела молодая женщина в распахнутом плаще, под которым сиял малиновым светом и лучился разноцветными блестками модный и яркий костюм. Увидев гостей и выразительно посмотрев на Виталия, она вместо приветствия жестко спросила:

— Где бутылка?

— Это моя Глаша, — представил ее Дима. — Жена. Не позорься, Глафира, никакой бутылки у нас нет.

— Так я и поверила! Не смейте, ясно?

И вдруг обратилась к Валентине:

— А вы... Как вам не совестно! У него — жена! Господи! Ну, как вот мужиков воспитывать, а? Не успела законная супруга за порог, а он уж другую ведет... И идут ведь, идут! Как мухи на мед!

— Глаша, да ты не так все поняла, — попытался достучаться до нее муж. — Они пришли сказать, что «корейца» убили...

— Ах, вот оно что! «Корейца» убили! А чего это они к тебе-то пришли с таким известием? Ты-то здесь с какого боку? Ах, Клавку свою беспутную вспомнил? Все понятно!

— Глаша, уймись, как тебе не стыдно... Мы же просто вспоминали, за что их судили... Валентина Васильевна хотела узнать...

— Васильевна! Скажите на милость, какое уважение к тем, кто чужих мужей-то уводит!

— Глаша! Я просто объяснил, что судили их за незаконное удочерение...

— Чего-о-о? Да это все равно, что про грабеж среди бела дня сказать — взяли взаймы...

— Как это понимать, Глаш? — спросил Виталий.

— А то ты не знаешь? Да она же с вашим «корейцем» взяла краденого ребенка! И чего вы глаза вылупили, будто я такую уж новость сказала! Кра-де-но-го!

— И... как же они это сделали? — волнуясь, спросила Валентина.

— Да в роддомах-то что, думаете, только сейчас безобразия творятся? Какая-то баба двойню родила, а ей про это и не сказали. Почему она сама этого не поняла, уж не знаю. Может, кесарево ей сделали. Одного-то ребенка Клавке с «корейцем» и отдали. Знамо дело, за немалые деньги. А уж как потом все выяснилось, не ведаю. Вроде кто-то из аферистов тех роддомовских проговорился настоящей матери... Ну и началось! Отвоевала

она своего ребенка назад. Но к тому времени он уж Клавке и не нужен был — запила она... А «корейцу» вообще всегда и на все было плевать...

Глашины слова поразили Валентину, и она уже представляла, как ринется сейчас в местное УВД, как с помощью коллег добудет материалы того суда и узнает об этом происшествии во всех подробностях... Но тут вновь всех озадачил Виталий:

— Глаш, Дим, а мне вот кажется, что еще за какое-то дело «корейца» судили... Одного, без Клавдии...

— А вроде и верно, — подумав, произнесла Глаша.

— Верно-то верно, а вот за что? Я лично не помню, — сказал Дима.

— А когда это было? Примерно в то же самое время или раньше? — спросила Валентина.

— Позже! — уверенно ответила Глаша. — Уже тогда, когда Клавка пила вовсю!

Прежде чем уйти, Валентина все-таки объяснила хозяевам, кто она и зачем сюда приехала. Глаша извинилась, но как-то нехотя — очевидно, не любила признавать себя неправой.

— Так, значит, мы сейчас давали показания, — подчеркнула она.

— Нет, нет, мы с вами просто беседовали... На отвлеченные темы, — мягко заметила Валентина и попросила их никому не рассказывать об этом разговоре, пока не будет найден убийца Лисицина.

ГЛАВА 11

ИСЧЕЗНУВШЕЕ ДЕЛО

Валентина листала страницы давнего уголовного дела и не уставала поражаться тому, как бы-

стро и просто роддомовским аферистам удалось совершить свое преступление. В который раз она пришла к выводу, что злодейские умыслы могут очень даже легко воплотиться в жизнь. А задача сыщиков — анализировать последствия и расчищать путь к разгадке, кто и зачем сотворил зло. В этом деле, с которым она сейчас знакомится, финал определился благодаря справедливому случаю. А вначале...

Лисицину и Клавдии никто не доверил бы воспитание ребенка — и потому, что брак их, если это сожительство можно было так назвать, не был зарегистрирован, и потому, что о них не очень-то хорошо отзывались соседи. Откуда появилась большая сумма предназначенных для усыновления денег, следствие так и не установило — парочка твердила, что это их накопления за долгие годы... А дальше все было до гениальности просто. Врач и акушерка не успели даже разработать какой-то особенный план действий, как им подвернулся случай. Поступила молодая роженица, в сопроводительных документах которой не было и речи о предполагаемой двойне. Не ведала об этом и сама женщина. Счастье, считали аферисты, само приплыло к ним в руки. Рожала женщина обычным способом, без кесарева сечения, и когда малыш появился на свет, то решила, что роды закончились. Когда же стал выходить второй ребенок, она уже не чувствовала никакой особенной боли и подумала, что это так называемый послед. Акушерка с врачом быстро унесли второго новорожденного в соседнюю комнату, где держали отдельно от других детей и кормили сцеженным материнским молоком, а через несколько дней передали малышку Лисицину с Клавдией. А что соседи? Они не знали эту пару — Лисицин с Клавдией перед своей авантюрой приобрели жилье на другом конце города и не очень-то общались с ними. Так бы все и сошло им с рук, и на свете появился бы еще один несчастный, брошенный ребенок — увлечения матери и равнодушие отца не способствовали счастливому детству, если бы не... акушерка. У нее умер муж, обожаемый ею и любимый. Каждый день она рыдала на его могиле, пока сердобольные соседи не приобщили ее к церкви. Кстати, смерть мужа она приняла как божью кару за свой страшный проступок. Вера в Бога помогла ей справиться с бедой и продолжать жить. Но вера помогла ей и увидеть собственные пороки и покаяться... Она призналась духовному отцу в совершенном грехе... Тот посоветовал ей открыть правду настоящей матери ребенка... Акушерка долго колебалась. Этот шаг вел к наказанию не только ее, но и врача. К тому же она не знала, что произойдет с семьей Лисицина — может, девочка счастлива с неродными родителями? Неизвестно ей было и то, как отнесется к обретению второго ребенка настоящая мать — а вдруг он ей вовсе и не нужен? И акушерка, образно говоря, пошла в разведку. Тут-то

она и увидела, что еще немного — и приемная девочка погибнет. И тогда решилась все рассказать настоящей матери. А решившись, узнала, что та пережила страшную трагедию — пронесшийся недавно ураган снес крышу их дома, поломал деревья, покалечил несколько человек и убил ребенка... Ту самую девочку, родившуюся первой... Акушерка больше не колебалась... Она боялась одного — мать не поверит, и тогда тот, лисицинский ребенок будет никому не нужен... Но женщина поверила ей сразу и призналась, что ей давно снятся странные сны, в которых она видит двух одинаково голубоглазых девочек... Они вместе обсудили, что делать дальше. Было решено тут же вызволить ребенка, увезти его подальше — об этом женщина договорилась со своей матерью, а уж потом начинать бороться за восстановление родительских прав. Несколько дней они следили за домом Лисицина и однажды, когда он уехал на своей машине, постучали в их дверь... Полупьяная Клавдия, не спрашивая, кто они и откуда, приняла заранее купленную ими бутылку водки и ушла в кухню, не обращая никакого внимания на хнычущего младенца. Мать наконец-то смогла взять на руки свою дочку и, прижав ее к себе, быстро вышла из дома. А бабушка в тот же день увезла девочку очень далеко, в другой город. Но, в общем-то, ребенка и так никто не искал...

Перевернув последний лист, Валентина спросила себя — и что дальше? Теперь, видимо, следует узнать, где живет эта семья со странной фамилией Бревы, что стало с этой девочкой, сейчас уже взрослой девушкой, с ее матерью и отцом, который тоже присутствовал в деле, но, очевидно, отсутствовал в жизни своей дочери. Здесь есть их южноморский адрес — пожалуй, надо начать с него, затем выяснить, куда переехала семья... Но что-то подсказывало Валентине — все гораздо проще...

Она закрыла аккуратно переплетенное дело, отодвинула его на край стола и еще раз просмотрела все свои записи... Кажется, ничего не забыла... А между тем с корешка переплета на нее смотрела какая-то другая и очень даже знакомая фамилия... Что за ерунда! Там, в материалах — Брева, а тут... Мурашки поползли по коже — неужели это все-таки она, Анна Горева? И значит, что украденная в роддоме девочка и Анна Николаевна — одно и то же лицо? Господи! Но почему же она не заметила этого раньше? А потому и не заметила, что не было тогда, двадцать пять лет назад, компьютеров, тем более в судах, а были очень старые пишущие машинки, в которых буквы Г и о сливались, образуя заглавную Б... И как же она сразу не обратила на это внимания!..

Валентина вышла из здания суда, пошла в сторону набережной и уже через пятнадцать минут стояла перед домом, где жили Горевы. Где им пришлось перенести горечь потерь и радость обретения...

Однако ей не повезло — дом был уже давно покинут своими жильцами... Об этом говорили забитые фанерой окна, заколоченные двери, упавший забор... Никого... Ни звука... И вдруг дверь неожиданно скрипнула, и на пороге появилась старушка, которой, по предположению Вали, было уже за девяноста.

— Чего, голубка, за мной прилетела? — обратилась она к Валентине. — Так я уж тут помереть-то хочу... Тут...

Она стала убеждать старушку, что пришла совершенно по другому делу, но та ее не слышала.

— Моя комнатка держится еще... Поживу малость... А потом — в ваш приют... Или уж сразу в землю...

Валентина попыталась спросить ее про Горевых... Напомнила об урагане, от которого погиб их ребенок... Старушка смотрела на Валентину внимательно, вроде бы слушала, но продолжала говорить свое:

— Стены-то меня греют, голубушка... Греют... И горя не знаю... Как Горевы...

Валя наострила уши — кажется, старушка была не такой уж глухой...

— Да, они знали много горя... Этот ребенок...

Так Валентина пыталась направить разговор в нужное русло.

— Поживу еще... В стенах-то родных... Пока горе и ко мне не шагнуло... Оно ходит по земле... От него всем горько... Горе — горькое, а мечь — сладкая... Ой, сладкая!

Валя попыталась выспросить, о какой мести говорит старушка, но не тут-то было — та ее вроде и слушала, но продолжала говорить свое:

— Сладкая-а-а! И все смехом, смехом... Улыбается...

— Кто? Скажите, бабушка — кто?

— Он... Мечь, голубушка...

— Она... Мечь — она... А вы сказали — он... Я подумала — может быть, вы имеете в виду какого-то конкретного человека?

— Человека... Да... Горе горькое... Смертельное... И смех... Как яд...

— Вы хотите сказать, что кто-то смеялся над их горем? Или... кто-то кого-то хотел отравить?

— Мечь — сладкая отравка... Сладкая...

Так ничего не поняв, Валентина отправилась к тете Жанне. Ее все еще ждали и стол, на удивление, был все так же полон. Тетя сказала, что ей недавно звонил из Москвы какой-то Пушкин и оставил номер своего мобильного. Валя тут же связалась с Александром Сергеевичем.

— Наш герой менял квартиру за квартирой... Я второй день хожу, и только что закончил, — услышала она в трубке. — Впечатление такое, что он от кого-то скрывался... Тем не менее, на последней квартире его совсем недавно посетила молодая девушка — соседи ее видели из окна. Хотя приходила она к нему рано утром. Но наши старушки бдят, и, слава богу. По описанию, похожа и на Горева, и на Князеву. Маленькая, худенькая, подвижная... Горева больше подходит — она моложе. Но если смотреть издали, эту разницу можно и не уловить... Кстати, неизвестно, входила ли она в квартиру.

В ответ Валентина рассказала Карпушкину о своей находке. В трубке было слышно, как старший лейтенант артистично присвистнул и заявил, что теперь, вероятно, нечего дальше и копать — все ясно. Следует лишь отработать детали, а для этого вызвать Горева на допрос и выложить ей эти новые факты. Но Валентина заявила, что делать это рановато, много неясностей, а, главное, психологических нестыковок, и попросила Карпушкина хорошо осмотреть квартиру убитого.

— Уже осмотрел, — услышала она. — И после этого впечатление, что человек будто от кого-то скрывался, только усилилось... В комнате, а у него однокомнатная квартира, из которой я и звоню, — только самое необходимое... Нет ни газет, ни журналов, ни книг, ни писем... Как будто человек ничем не интересовался... В столе письменном — лишь несколько спортивных грамот, да на подоконнике кубок стоит... Есть записные книжки, но пустые... Будто жизнь их хозяин начал заново... Да, еще квитанции нашел за телефон, за свет, за коммунальные услуги... Все оплачено. Подождите секунду, Валентина Васильевна, тут какая-то бумажка подколото... О! Держитесь, коллега! Убийца!

— Кто — убийца?

— Тут написано одно слово — убийца! И инициалы вместо подписи — Л и Б. Еще немного обождите, тут, кажется, бумага склеилась, она... вдвое сложена... Сейчас я постараюсь отклеить, не отрывая краев... Получилось! Не зря старался! Послание с того света...

— Почему вы так решили?

— Я ничего не решал. Это написано на бумаге. Получается, на одной стороне кто-то написал «Послание с того света», а на другой — обозвал Лисицина убийцей и оставил свои инициалы, чтобы Кирилл Павлович знал, от кого ему такой привет...

Валентина попросила Карпушкина держать ее в курсе и немедленно сообщать о новых фактах, если таковые вдруг обнаружатся.

Она положила трубку, извинилась перед своей родней, заинтригованной этим разговором, и пошла в отведенную ей комнату — думать, анализировать, сопоставлять, вспоминать... Л. Б... Она перебрала все взятые с собой записи, касающиеся убийства Лисицина, и не нашла ни одного человека с такими инициалами. Стоп! Но раз там написано — «Послание с того света», значит, и искать надо среди покойных, а не живых! Разумеется, покойник не может взять ручку и написать письмо, кто-то написал от его имени. И писал тот, кто был уверен, что Лисицин — убийца...

— Ну, чего, узнала, кто «корейца»-то шандарахнул? — спросил Виталий, как только Валентина вновь села к общему столу.

— Нет пока. Но в его квартире мой коллега послание с того света нашел... И еще одно слово написано — убийца.

— Это на него похоже! Убить ему, по-моему, — раз плюнуть! — уверенно проговорил Виталий.

Валя попросила его довести ее до здания суда и, выходя, распрощалась с Раисой и Василием, пожелав им семейного счастья, радости в детях и так далее.

Комнатку архива, по просьбе Валентины, открыли, и женщина, которую еще с утра попросили помочь ей, посмотрев имевшуюся опись, назвала номер дела и полку, на которой оно должно находиться. Обе они направились туда. Однако дела под нужным им номером на полке не оказалось... Хотя все остальные стояли строго по своим местам...

— Надо же, — удивилась сотрудница. — Может, брал его кто-нибудь, да еще не вернул? Но тогда в тетради было бы отмечено... Я доложу об этом начальству. Будем искать, — заявила она, успокаивая Валентину.

— Да уж постарайтесь. А пока...

Валентина ринулась к председателю суда. Мысль была проста — опросить всех старых работников, может, они что-то помнят о человеке, который фигурировал в исчезнувшем деле? Но, увы, председателя на месте не оказалось — рабочий день уже закончился.

ГЛАВА 12

ЗАГАДОЧНЫЙ РАЗГОВОР

Комов не скрывал, что ждет очередного звонка неизвестной женщины. Хотя и ругал себя за это — надо не полагаться на случайность, а действовать самому! Так-то оно так, да только людей у них мало, а преступлений становится все больше и больше... Оперативники работают на износ. А потом читают в газетах, какие они медлительные, тупые и коррумпированные... Уже открыто говорят о взяточничестве даже в уголовном розыске. Может, и есть такие случаи... Только не у них... А журналисты и рады раздуть... Он, конечно, не сидит сложа руки, а ищет эту женщину, которая, очевидно, поступила в больницу под чужим именем, по-

тому что никакой Генриетты Степановны Сорокиной в Косом ручье нет и никогда не было. Оставалась надежда, что водитель «скорой», да и врач вспомнят, куда ездили, но с каждым днем она таяла как снежный комочек. С водителем уже была проведена беседа, но в тот день, когда таинственную незнакомку привезли в больницу, было очень много вызовов, и мужчина сразу заявил, что вспомнить один из них для него совершенно нереально. Врач же, которая могла запомнить улицу и дом, уехала отдыхать в Анапу. Комов договорился с ее домочадцами, что как только они узнают, где она остановилась, то тут же сообщат ему.

Еще одна мысль не давала ему покоя. Почему, например, он так уверен, что та привезенная на «скорой» больная и неизвестная осведомительница — одно и то же лицо? Да, может быть, это простое совпадение — исчезновение женщины и звонок ему из больницы... Вполне допустимо, что его долгожданная собеседница просто работает в этой больнице, в кардиологическом отделении, а звонит из телефонов-автоматов по одной причине — чтобы ее не вычислили...

А после обеденного перерыва Комова позвали к телефону.

— Звонят вам, Владимир Иванович... Из телефона-автомата... Похоже, та самая женщина... Место расположения аппарата установлено — автовокзал. Я уже послал туда машину, чтобы понаблюдали...

Комов обрадовался, услышав в трубке знакомый голос, и сразу же откровенно в этом признался:

— А мы вас искали... С ног сбились... Вы так поспешно покинули больницу...

— Да господь с ней, с больницей-то! У меня к вам важный разговор... Для меня важный... Можно даже сказать, что просьба...

— Заранее обещаю — сделаю для вас все, что смогу! Потому что если бы не ваши сведения... Сами понимаете, что было бы... Говорите смелее! Просите!

— Смелости у меня на этот разговор-то и не хватает... Словом, я обязуюсь и дальше информировать вас обо всем, что узнаю... Пока на этом фронте у меня пусто... Но теперь мне необходимы гарантии...

— Вы имеете в виду полную анонимность? Так это само собой разумеется.

— Хорошо. Но я сейчас — о другом... Владимир Иванович, дайте мне слово, что этот разговор вы не занесете ни в какие свои документы...

— Даю слово. А слово свое я держу всегда.

— Я знаю... Наслышана... Короче, расскажу вам такую историю... У одного человека есть родственники, дорогие ему люди... И не исключено, что они вот-вот попадут в нехорошую переделку... Станут участниками

противозаконного дела, за которое можно получить срок...

— А... этот человек не может отговорить своих родственников от такого поступка? — спросил Владимир Иванович.

— Нет. Не может, — решительно ответила женщина. И замолчала.

Комов все понял и сказал:

— Жаль, что не знаю вашего имени-отчества, получился бы более доверительный разговор. Выходит, вашим родственникам за какое-то уголовное деяние грозит нешуточное наказание... Правда, деяние еще не совершено...

— Да...

— Но, может, его и не будет?

— Будет...

— И вы хотите, чтобы мы, обнаружив преступников, закрыли глаза на их действия, а вы в ответ, то есть в обмен на наше бездействие, будете по-прежнему предоставлять нам нужную информацию? Я правильно вас понял?

— Да...

— Но ведь раз преступление еще не совершено, можно сделать по-другому... Нужно не дать ему совершиться!

— Думаю, это невозможно...

— А вы подумайте еще! А по поводу вашей просьбы... скажу вот что. Сделаю все от меня зависящее... Все, понимаете?

— Да...

— Но гарантий дать не могу... Кстати, мы много о вас думали и говорили. Нас интересовало, откуда вы все знаете? И мы пришли к выводу — либо вы сами находитесь в криминальной среде, по своей воле или нет, это уже дело второе, либо оказываетесь в нужное время в нужном месте, причем преступники вряд ли знают, что вы их видите и слышите...

— Второе...

— Прекрасно! А знаете, что можно сделать прямо сейчас?

— Что?

— Не хочу вас шокировать, но... Уж извините, таковы обстоятельства... А давайте-ка мы с вами сейчас встретимся, а? Да громко, прилюдно, чтобы ваши... родственники об этом узнали! Можно даже пустить слух о вашем аресте. Тогда они наверняка не совершат задуманного — это их отпугнет!

— Но...

— Никаких «но»! Встречайте нашу машину!

Пока Комов передавал по радиации оперативное сообщение, юркая женщина успела выскочить из телефонной будки и скрыться среди пассажиров автобусов. Владимир Иванович явно поторопился. Он был уверен, что оперативники уже давно стоят рядом с неизвестной. Ан, нет!

ГЛАВА 13

ПРИЗНАНИЕ БАБУШКИ

Римма Сергеевна приехала к внучке через несколько дней. Уставшая после долгой дороги, она, тем не менее, сразу, как только они вошли в дом, приступила к важному разговору.

— Анютинка! Не отвечай. Не перебивай. Ни о чем не проси. Я долго думала и решилась сказать тебе все! Я ведь знала, что когда-нибудь этот час наступит... Вот он и наступил... Ничего не говори, прошу! — умоляла Римма Сергеевна, видя, что Аня порывается ей что-то сказать.

— Но я просто хочу облегчить твою задачу... Я вам неродная, да? — дрожащим голосом все же спросила девушка.

— Да что ты! Успокойся, тут все в порядке... Одна кровь... Да ведь и похожа ты на меня, разве не видишь? И на мать похожа... Тут в другом дело... Не знаю, как ты и воспримешь... Словом, ты верно тогда догадалась, мама-то твоя двойню родила... Только она об этом не знала... А ведь догадывалась, догадывалась! Говорила мне тогда, что акушерка вела себя как-то странно... И одну девочку почти тут же отдали бездетной паре...

— Господи! Что, и тогда в родильных домах уже был такой подпольный бизнес?

— Ну, бизнеса, может, и не было, а так, единичный случай...

— Это была я? Это меня отдали?

— Да... А Иванна с нами росла... Пока однажды... Прости, я до сих пор не могу об этом вспоминать...

— Она умерла?

— Да... Ее убило во время урагана... А потом мы узнали о тебе... Одна из преступниц стала верующей и все рассказала, дабы очистить душу перед Богом... И мы тебя забрали... Как — это особый разговор, когда-нибудь расскажу... Там — целая история, и мне ее не так просто вспоминать, а тебе — не так просто слушать... Нервы крепкие нужны... К тому времени мать твоя приемная совсем спилась, а отец...

— Приемный? Ты — о нем?

— Да, конечно... Но... Я не хотела тебе его называть... И... ты крепче за свой стул держись... Одним словом, это Лисицин...

— Как — Лисицин? Тот самый? Кирилл Павлович?

— Кирилл Павлович... Чтоб ему провалиться...

Аня застыла, не в силах пошевелиться. В ушах шумело, голова вдруг стала горячей, она слышала бешеные удары своего пульса.

— Я все видела, видела! Но ему это даром не прошло! Его убили! Его зарезали как овцу! — придя в себя, возбужденно заговорила она.

— Кого? Ты про кого говоришь-то, внученька?

— Лисицина убили!

— Бог мой! А ты-то откуда это знаешь?

— Да я его видела! Убитого! Это случилось у нас в поселке... Он шел из санатория... Он там, видите ли, сердце лечил... А разве можно вылечить то, чего нет? Ох, как мысли путаются... У меня тысяча вопросов, бабуся, но ответ хотя бы на один... Скажи, почему перед смертью он говорил о какой-то кровавой Мэри? А? Скажи!

— Господи! Господи! Дай мне силы! — Римма Сергеевна упала на диван. — Да про Мэри-то я скажу... Звали они тебя так иногда... Уж не знаю, что им там в голову стукнуло... Вроде как этот Лисицин без ума был от актрисы Мэри Пикфорд...

— Вот как...

— Да. Только вот почему он сказал — кровавая... А расскажи-ка мне, внученька, отчего он помер-то... Как его убили?

— Ножом в сердце, кажется... Сначала все думали, что только это — причина смерти. А потом оказалось, что его перед этим еще и отравили... И нас всех допрашивали...

— И тебя тоже?

— Конечно! Я ведь первая его увидела... Потом рыбака позвала — Владимира Лукича... А потом Маша Князева подскочила... Медичка Рита из санатория прибежала... И эта... Мавра из мэрии высунулась — она там ночевала... В общем, полный набор подозреваемых... Полный... А, знаешь, бабуль, мне как-то легче стало от того, что я узнала правду...

К концу дня весь дом словно приготовился к празднику — Аня сменила шторы, расстелила чистые холщевые половики, каких теперь не сыщешь в магазинах, где продается одна синтетическая дрянь. Она хотела сказать бабушке, что вот-вот должен подъехать Глеб, но говорить ничего не пришлось — возле дома остановился джип, и оттуда вышел он сам, а затем помог выйти женщине с длинными русыми волосами, собранными на затылке небольшой заколкой. Вслед за ними показался мужчина, которого Аня не видела уже несколько лет, но на которого очень была похожа. Кажется, природа поровну одарила ее чертами матери и отца... Она тут же выбежала на крыльцо.

— Вот, привез... — улыбнулся Глеб, — Хорошо, что они меня дома у тебя застали, я уж хотел к вам ехать... Выходной же... А тебе знаешь чего сейчас не хватает? Хлеба-соли в руках...

Но Аня его не слышала — она медленно шла к отцу, который так же медленно направлялся в ее сторону вместе с женщиной.

— Ну вот, дочка, и встретились... А это — моя Вера...

— Я поняла... Я рада...

Римма Сергеевна не выдержала и тоже вышла на крыльцо. Глеб галантно склонился перед ней и поцеловал ей руку... Затем она повернулась к Николаю Егоровичу, обняла его и тихо сказала:

— Давно я тебя, Коленька, не видела... С похорон, считай... Рада я, что все у тебя хорошо... И за вас, Вера, тоже рада... Мужик он хороший. Когда не пьет, — все-таки прибавила она.

— А он не пьет, — быстро ответила Вера.

— Вот и ладно! Проходите, гости дорогие, за стол!

— Я, дочка, решил все тебе рассказать... О прошлом... — задержался возле Ани Николай Егорович.

— Я уже все знаю, папа. Мне сегодня бабушка рассказала и о роддоме, и о Лисицине...

— И о Клавдии?

— О какой еще Клавдии? Ах, да, это, верно, моя приемная, так сказать, мамаша...

— Да. Красивая была дама... Когда тебя у них забрали, все плакала... И пила...

— А ты как будто ее оправдываешь!

— Я-то? Да что ты! Я думал, что этого не переживу... Ведь она... как тебе сказать... Она ведь сестра моя... Клавдия Егоровна...

— Вот это да! Бабушка мне этого не говорила!

— Она не знает...

— Следовательно, я с пеленок пребывала не в чужих руках, а у родной тетки!

— Следовательно, так...

— У меня голова кругом от сегодняшних новостей. Мне просто необходима передышка. Пойдем к столу, папа.

Перед тем как занять место за столом, Аня пошептала с Глебом. И как только все притихли, он тут же встал и объявил, что сейчас сделает важное заявление.

— Дорогие Римма Сергеевна! Николай Егорович! Мы с Аней ждали такого дня, когда вы соберетесь все вместе, как сейчас, чтобы объявить вам наше решение — мы собираемся стать мужем и женой!

В комнате воцарилось молчание.

— Ну и молодцы! — наконец воскликнула Вера.

— А расскажите-ка нам, молодой человек, о себе, — попросила Римма Сергеевна.

— Пожалуйста. Мне двадцать восемь лет. Окончил театральное училище. Артист. Мечтаю играть в хорошем московском театре, сниматься в кино. Второе — в первую очередь. Зарабатываю неплохо, у меня много ролей, на мне, можно сказать, держится репертуар. Что еще я умею делать? Чинить обувь — мальчишкой я подрабатывал в обу-

вной мастерской, чинить электроприборы, разную технику, молоток в руках держать умею...

Аня повернулась к бабушке и увидела, что Римма Сергеевна плачет.

— Бабусенька, ну, ты что? Ведь хорошо же все...

— Ах, Анюттик! Мысли-то разные в голову приходят... Разные... И... когда же вы думаете свадьбу играть?

— Вообще-то мы не свадьбу хотели, а тихий вечер при свечах устроить... И чтобы рядом — только самые близкие... Вы, — нерешительно проговорила Аня.

— При свечах... У нас что, похороны, что ли? — воскликнула бабушка. — Вот здесь, в этом доме нормальную свадьбу можно сыграть. Мы тут с Мишей моим, твоим дедом свадьбу справляли... И в церкви венчались.

— Мы тоже хотим венчаться, — подхватил Глеб.

— Вот и ладно! — вздохнула Римма Сергеевна. — Ой, а ведь все остыло! Гости дорогие, ешьте-пейте, еды не жалейте!

Гости не заставили себя ждать. Некоторое время все работали вилками и ложками, прерывая это занятие лишь отрывистыми фразами. Глеб наклонился к Ане и тихо, чтобы не слышали другие, произнес:

— Не хотел тебя расстраивать, но придется. К тебе приходила Валентина Васильевна Орлова, та сыщица, у которой частное агентство. Хотела с тобой поговорить в свете открывшихся новых данных. Это ее слова. Она только что вернулась из Южноморска, успела там покопаться в каких-то судебных архивах...

— Все ясно. Следовательно, она раньше меня узнала о моем «счастливом» детстве. И что? Она придет еще раз?

— Нет. Я сказал ей про нашу помолвку, дал понять, что сегодня ты занята жизненно важным делом. Поэтому они с Карпушкиным ждут тебя завтра утром в его кабинете.

Аня промолчала.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — спросил Глеб.

— Ха! Они думают, что это я его убила... Из мести... Они подозревали всех подряд — я имею в виду нас, свидетелей... Но никак не могли найти причины... А тут причина сама плывет им в руки... А того они не понимают, что я ни сном ни духом не знала ни о какой Мэ... маленькой девочке, украденной из роддома... И что рассказали мне об этом лишь несколько часов назад...

— Значит, все хорошо. И не волнуйся.

— А я и не волнуюсь, — ответила Аня и поднялась из-за стола.

Но покоя не было. Аня вышла во двор. Вслед за ней потянулся Николай Егорович.

— Дочка, я с тобой хочу поговорить... о Лисицине... Ведь на тебя могут подумать...

— Да уж и думают! Но я ведь только сегодня узнала про то, что со мной случилось в роддоме... Прошу тебя, не говори никому, как меня называли в детстве в чужой-то семье... Я — Аня и Аня...

— Да я что... Как ты скажешь...

ГЛАВА 14

ОГРАБЛЕНИЕ

В тот день она вернулась домой поздно — все ходила по лесу, думала, как теперь поступить. В лесу думалось хорошо — помогала тишина, прерываемая лишь отдаленным рычанием машин на трассе. Она просто шла, уходя все дальше и дальше от дороги и любовалась деревьями, наливавшимися силой перед долгим летом. Что ей делать? Главное, надо быть рядом с дочерью, к тому же, и срок ей известен — это должно произойти сегодня ночью!

Она вернулась домой, приготовила себе нужную одежду, порывшись для этого в кладовке, а также бельевую корзину, в которую сложила все необходимое — кошелек, холщевый мешок и другие мелочи, быстро оделась и помчалась к остановке. Автобуса долго ждать не пришлось, и она поехала к уже хорошо знакомому ей месту — к гаражам. Выйдя из автобуса и приблизившись к гаражам, оглянулась, но ничего подозрительного не заметила и села на траву, опершись рукой на корзину, в ожидании «часа пик».

Неожиданно совсем близко раздался смех дочери, и она пригнула голову, чтобы та, не дай бог, ее не увидела.

Парочка прошла мимо нее, и этот Игорь остановился в том месте, где были увядшие цветы. Господи! Сейчас они нырнут в свой подземный ход!.. Что делать? Она решила остаться на месте и наблюдать за обстановкой, чтобы, в случае чего, помочь дочери, если ей будет грозить опасность...

Было тихо и уже почти темно. Ничто не вызывало ее опасений. Правда, там, где она сошла с автобуса, стояла какая-то машина... Непонятно, почему она там стояла — жилых зданий рядом нет, учреждений, магазинов — тоже. А, может, это машина Игоря? Не исключено...

Она подобралась поближе к увядшим цветам и стала вслушиваться... Тихо... Вдруг земля перед ней зашевелилась и оттуда показалось что-то черное... Господи, да ведь это рука! Рука в перчатке! Молодцы, что надели перчатки! Раздался осторожный свист. Кто и зачем свистел, она не поняла. Может, Игорь оповещал так дочку, что наверху никого нет, и путь свободен? Он первым появился на поверхности вместе с мешком, в котором что-то звякнуло, и подал руку девушке. Она как-то незаметно выросла рядом с ним на дорожке, и они быстро прошли мимо нее, тихо звякая своим мешком... А через минуту-другую раздался шум мотора. Да, они уехали на этой машине...

Вот и все. Кажется, их операция прошла удачно. Теперь надо посмотреть, не оставили ли они за собой каких-нибудь следов... Сначала она, пригнувшись, подползла к увядшим цветам — интересно, подумалось ей, закопали они, уходя, подземный ход или нет? Скорее всего, нет, слишком быстро у них все получилось. От увядших цветов она стала двигаться чуть ли не лежа, ощупывая каждый клочок земли, пока не доползла до того места, где стояла машина. Вдруг под ногами что-то блеснуло. Она нагнулась, направив туда свой фонарик. Господи! Прямо на дороге поблескивал серебристым светом сотовый телефон! Маленькая овальная трубка, кричащая о сильном волнении, но и о небрежности своего хозяина. Она взяла ее в руки и спрятала в мешковину. Неожиданно трубка запищала, вызывая к Игорю — она знала, что у дочки мобильник черного цвета. Видимо, молодой человек обронил трубку, когда садился в машину...

Она зашла в кусты, смыла руки мокрой от вечерней росы травой, вытерла их и лицо головным платком, бросила его в корзину и отправилась к остановке. Странно, но она не испытывала никакого удовлетворения от происшедшего — все чувства поглотила усталость. Пока ехала в автобусе, эта усталость все больше и больше сжимала ее в своих тисках... А через какое-то время она поняла, что это и не усталость вовсе, это — страх неизвестности... Что будет? Что будет, если какая-то деталь превратится в улику и укажет на самого дорогого для нее человека — на ее дочку? Они, небось, хватились пропажи и, не дай бог, еще вернутся туда, к гаражам...

Господи, да ведь есть прекрасный выход — позвонить! Хотя бы из телефона-автомата.

Она вышла у автовокзала и направилась в ту телефонную будку, из которой звонила чаще всего.

— Алло! — поднял трубку мужчина.

— Это Игорь?

— Да...

— Не отвечай! — послышался дочкин голос.

— Доченька! — закричала она. — Доченька, ты меня слышишь?

— Да... Да, мама.

— Я нашла его, вы не волнуйтесь! Он у меня... Но я не умею им пользоваться и звоню из автомата...

— Мама, ты о чем?

— О мобильнике. Серебристом. Я все знаю. Я там была... Не могу сказать больше, но... Словом, вы туда не возвращайтесь! Он у меня. Завтра я тебе его принесу.

— Сегодня! Мы приедем к тебе сегодня! Иначе я просто не выдержу! Сейчас! Ты где?

— У автовокзала.

— Стой там! Мы к тебе подъедем и все вместе — домой! Я хочу домой!

— Да, да, конечно... Конечно, домой... Я жду вас, доченька...

Она зашла в автовокзал и решила подождать молодых здесь, в зале ожидания, чтобышний раз ни перед кем не светиться.

— Вот ты где! — прошептала дочь, трогая ее за плечо. — А я уж думала...

— А где Игорь?

— В машине... Ну, рассказывай!

Женщина показала глазами на корзину, которую держала в руке:

— Приподними мешок-то... Там он лежит...

Дочь осторожно отогнула мешковину и увидела серебристую трубку.

— Да... Он! Господи! Хоть одна гора с плеч!

— А что, есть еще и другие?

— Да, мама...

Дочь отвела ее подальше от стенда с расписанием автобусов и горячо зашептала:

— Помнишь то колечко, которое ты мне подарила на восемнадцать лет? А?

— Конечно. Как же не помнить, — ответила она, уже чувствуя недоброе.

— Его нет, мама!

— А... где ты его обронила?

— Не знаю... Вроде бы все, все продумали, а о кольце я и не вспомнила... Привыкла к нему, понимаешь? Мне и в голову не пришло его снять... Да оно, кажется, и не снималось — пальцы-то у меня уж не такие, как в восемнадцать лет... И что теперь делать, ума не приложу...

Мать поняла, что это катастрофа. На кольце были выгравированы имя и год рождения дочери... Когда она заказывала эту гравировку, то разве могла предполагать, что впоследствии это обернется против ее доченьки!

Дома, на семейном совете, который состоялся вместе с Игорем, было решено, что она все-таки с раннего утра съездит к гаражам и поищет колечко. Так, на всякий случай...

Но сделать это ей не пришлось. Подъехав туда ранним утром, она еще из окна автобуса увидела возле гаражей полицейскую машину... Поэтому, уже собираясь выходить, она вновь вернулась на свое место и опустилась на сиденье, решив срочно сообщить обо всем своим молодым. Благо, район, где жила ее девочка, был близко.

Выйдя из автобуса, она поравнялась с домом, в котором находился сбербанк, и приостановилась. Кошки! Не зря же ее доченька обжила этот подвал! Может, сейчас она как раз там? Свернув во двор, она дошла до входа в подвал и увидела, что дверь открыта! Дочка сидела на корточках и гладила большую рыжую кошку, которая терлась об ее ногу своим длинношерстным боком.

— Господи, ты и про подвал знаешь... Но как? — испуганно пробормотала она при виде матери.

— А я все прикидывала на себя... Словно одежду примеряла... Сначала ведь подумала, что вы в этом банке хотите дело сделать... Пробралась сюда — ну, тоже будто к кошечкам, и вон те плиты осмотрела. Толковые плиты... Можно тайник там устроить... А колечко я так и не нашла, у гаражей уже полиция работает. Если работают, стало быть, и на след могут напасть. Так что хорошенько все надо спрятать. Чтоб дома все чисто было.

— Да мы в дом даже и не заносили... Сразу сюда... Только вот эти банки надо вынести. Он баксы в них хранил, представляешь?

Так вот что глухо звякало тогда в мешке, который нес Игорь...

Она тут же развернула большой полиэтиленовый пакет и сложила туда три трехлитровые банки, выкрашенные изнутри в белый цвет. Сделано это, очевидно, было для того, чтобы непосвященным думалось, будто там хранится белая краска. Предусмотрительным оказался хозяин...

— И сколько же там... было, а?

— Не знаю, мама... Много. Сложили, не считая...

Они говорили что-то еще, но думала она совсем о другом... Когда явился хозяин, как он обнаружил пропажу? И сказал ли о ней полиции? Может быть, заявил лишь о том, что кто-то проник в его гараж? И кому именно поручено расследовать это дело? Но особенно терзало другое — угораздило же ее в свое время дать дочери редкое и очень красивое имя... Много ли в городе людей с таким именем, родившихся в указанном на колечке году? Вероятно, одна она и есть... И тогда колечко может стать очень, очень опасным... Особенно в сочетании с ее звонком Комову о готовящемся преступлении... Слава богу, она ему не сказала ничего конкретного. И все же...

Она решила немедленно ехать домой. Одной в тишине легче думается, быстрее принимаются важные решения.

Зайдя в дом, она не успела даже согреть себе чай, как вдруг увидела знакомую машину, сворачивающую с моста к берегу реки. Сердце екнуло — бандиты! Не по ее ли душу? Из окна было видно, как приехавшие мужчины расстелили на капоте машины что-то типа ска-

терти. А уже через несколько минут на ней была разложена всяческая снедь. Сверкнула и встала посреди этого импровизированного застолья бутылка. Странно — раньше они не пили...

Она хорошенько заперла входную дверь, задернула занавески, быстро спустилась в погреб и вошла в свой подземный ход, пахнувший сыростью. Остановившись у нужного места, прислушалась. Голоса доносились довольно слабо — видимо, мужчины отошли к кустам. Ничего, сейчас вернуться, чтобы выпить и закусить. Так и вышло, но какую-то часть их разговора она пропустила.

— Мне этот комок... нервов давит... На грудь, — довольно тоскливо выдавил из себя тенор, который, как она помнила, был шефом.

— Я — пас. Это — верные нары. И далеко не в лучшем виде, — возразил баритон.

Баритон, очевидно, возражал шефу всегда.

— Да, уж они постараются... Да и охрана у него нешуточная, — про- рокотал бас, который раньше, кажется, ничего не боялся.

Теперь она поняла, что Комок — это прозвище человека, которое слишком напоминает очень знакомую ей фамилию...

— Главное — я смысла не вижу... Ни смысла, ни кайфа. И вообще это мне не нравится, — пробурчал баритон.

— Смысл? Да я когда иду по улице, мне кажется, что он из своего кабинета видит меня через стены! Будто лазером в меня целится, — с досадой произнес тенор.

— Ну и сравнил! Лазер! Да у них и «компов»-то нормальных нет! Депутат недавно тачку патрульную им подарил, так они его чуть ли не фанфарами встречали! — сообщил баритон.

— О чем базар? Шеф, ты... то есть вы считаете, что весь облом — от него? — спросил бас.

— Уверен! Таких сейчас — единицы. И их надо истреблять как класс! Серая, безликая масса жадных волков — вот что такое сегодня ментовка. А он — не серый!

— И не волк! — заметил бас.

— Хуже! Он — тигр! Лев! Поставь стакан! Поставь, тебе говорят! Сначала посмотрите сюда... Вот план клуба. Все просто, как орех разгрызть... Представляю два варианта действий. Первый. Вот окно справа. Там — дежурный. Его — вырубить! Но так, чтоб живой был. Комок подъезжает, выходит из тачки, ты вкладываешь ствол в руки сторожа и стреляешь из-за него! Или — из-под него, уж как получится. Мгновенно выбегаешь в коридор, смешиваешься с толпой и — к ждущему тебя...

— Катафалку! — подытожил баритон.

— Не каркай! — крикнул бас. — А второй вариант? Этот какой-то уж слишком людный...

— Возможно. Но есть нюансы, о которых я проинформирую позже. А вот второй вариант. Напротив клуба, на месте сгоревшего цирка строится дом. Оттуда проще его свалить, только ствол нужен соответствующий. Внизу — машина. Сделал дело — и хоть на эту речку приезжай, рыбку лови!

— Ага! Вшей будем ловить на нарах! — влил свою ложку дегтя пессимистичный баритон.

— Поднять настроение! — скомандовал шеф.

— Может, Комка все-таки не надо трогать? — спросил засомневавшийся бас, на плечи которого, видимо, должна будет лечь вся операция. — Ведь свято место пусто не бывает... Такого же найдут!

— Не скажи, — возразил шеф.

— А что? Наша земля талантами полна, — произнес баритон.

— Ага. Ты еще стихами заговори, — сыронизировал бас.

— В общем, я — пас! Я — против идеи!

— Тогда нам конец, неужели до тебя не дошло? Конец! Нас сожрут, сметут! Сотрут с лица земли! Нам нужен простор. Поле битвы. И это поле следует расчистить!

— Я слышал, что Комок — правильный мужик... И хлопнуть его — это не выход, — заметил баритон.

— Мы должны чувствовать себя хозяевами города! Время такое! Чувство хозяина — оно тебе незнакомо, а? Ну, так познакомишься! Словом, решайтесь! Я это давно понял, еще тогда, когда Комок брал на стадионе, в этом вонючем свинарнике, где вы все так любили жрать, в... как его...

— В «Финише»! — подсказал баритон.

— Вот-вот, в «Финише» наших дружков... конкурирующих... И был им там настоящий

финиш... Двоих тогда уложили, помните? Хоть и конкуренты, а все равно жалко, молодые ведь... Комок их всех вычислил... Мы без него будем себя свободными чувствовать, а не клопами, которых вот-вот раздавят...

— Убедили, шеф... Готов с вами... За удачу! — произнес бас.

— Я рад, Голландец, что ты меня понял! Рад, когда мои слова и предложения доходят до подчиненных!

— Что ж, у меня нет выхода... За удачу! — произнес баритон.

— Пора, шеф! Сворачивайтесь!

Послышался звон посуды, шорох пакетов.

— Черт! Бутылка! — пророкотал бас.

— Да брось, не поднимай! Хрен с ней!

Она не стала ждать, когда они сядут в свой джип. Осторожно пробралась обратно, вылезла из погреба и посмотрела в окно — машина въезжала на мост... Да, в ней сидело четверо мужчин. Она заметалась по комнате, не зная, за что схватиться. Надо звонить! Срочно, немедленно! Она ведь поняла, кто этот Комок... И сейчас ему угрожает опасность... А у нее нет телефона! И до этого идиотского автомата, который, к тому же, может быть и сломан, надо пилить с километр, а то и больше! А вдруг эта встреча у Владимира Ивановича в ДК — сегодня? Через час или два? Скорее всего, так оно и есть, подобные мероприятия часто устраиваются в воскресные дни. Надо бежать! К соседям! Авось, повезет! Обстоятельства сложились так, что теперь уж, бойся — не бойся, а придется кому-то довериться...

И она выбежала из дома.

ГЛАВА 15

МИССИС ИКС ИЗВЕСТНА!

Сегодня Аня отпросилась с работы, чтобы побыть с бабушкой. Они прибирали дом и говорили, говорили... Бабушка повесила новые занавески, а они оказались длинны, и она подшивала их вручную, стоя у окна. Аня перебирала книги, заодно вытирая с них пыль. Вдруг бабушка вскрикнула:

— Господи, Анютка, да это никак Маша бежит! На ней лица нет! Что-то случилось...

Аня побежала открывать дверь, не дожидаясь, когда соседка постучит. Князева влетела в дом и, увидев Римму Сергеевну, только ойкнула — чувствовалось, что у нее уже нет сил на эмоции и приветствия.

— Аня, выручи! Меня и... хорошего человека! Его надо спасти! Телефон! Необходим телефон!

— Пожалуйста. Вот он. Сядь и звони спокойно.

— Но я не умею! Набери мне номер! Прощу тебя!

— Да ради бога, только возьми себя в руки, ты прямо будто горишь...

— Душа горит! Набирай!

И Князева продиктовала номер. Аня слышала, как ей ответил мужской голос. Но Князева только сипела и тяжело дышала в трубку. Она не могла говорить! Тогда Аня сама взяла мобильник.

— Вы извините, я не знаю, с кем говорю, — начала она. — Но ко мне прибежала соседка и сказала, что вам необходимо передать что-то чрезвычайно важное... Сама она — в страшном волнении... Я поняла, что речь идет об угрозе чьей-то жизни... Конкретно? Вы знаете, я сейчас постараюсь что-нибудь сделать... Придумала! Бабушка, дай нам бумагу и ручку! Сейчас она будет писать на бумаге то, что надо вам передать... Вот она кивает... Уже пишет... А я вам прочту. Подождите еще чуть-чуть. Нет, это не розыгрыш... Читайте, слушайте! «Владимир Иванович, это я, ваша миссис Икс. Вас хотят убить перед встречей в ДК, в тот момент, когда вы будете выходить из машины. Выстрел прогремит или из боковой комнатки, где сторож, или из строящегося дома напротив, где раньше был цирк»... О, господи! Нет, это я от себя. Ужас-то какой! Дальше? Все. Конец письма. Она-то как? Да плохо. Бабушка моя какой-то массаж ей делает. Успокоительный. Кто? Конечно, знаю. Это — Маша Князева. Поселок, да. Да, дело об убийстве Лисицина... Только мы его не убивали. Боже, так вы — Владимир Иванович Комов! Я — в шоке... Нет, понятия

не имею, откуда она знает... Ей вроде уже получше. Маш, ты сама говорить можешь? Без посредника? Может, передаю ей телефон!

— Я все слышала... — взяла трубку Князева. — Только что... Это очень серьезно... Трое. Те, что и в прошлый раз. Хотят свободы. Расчистить поле битвы им надо. А вы на них отрицательно действуете... Будто сквозь стены все видите. Плохо мне, Владимир Иванович! То ли нервы, то ли заболела я... Словом, адрес мой вам теперь известен, прошу в гости! Или — я к вам! Кто? Сергей Ильич? Хорошо. В штатском. И машина не полицейская. Поняла. Только удостоверение пусть покажет, а то мало ли кто вместо него может нагряться. Всего теперь боюсь... Да, пожалуйста.

Она передала трубку Ане, и та отключила телефон, заметив при этом:

— Ну, Маш! Ты прямо как Штирлиц! Только без шифровок, прямым текстом...

— Выхода у меня не было, Ань.

— Откуда только все и узнала?

— Да это так, случайно... Пойду я. Рада вас видеть, Римма Сергеевна, а все равно пойду. Сил нет. На воздухе сейчас немного побуду и лягу.

— Маш, подожди, я сейчас долью, вместе и прогуляемся! — предложила Римма Сергеевна.

— Хорошо. Вы ко мне подходите, я к речке спущусь. Вон там...

И она показала на место, находящееся прямо за ее домом. А потом тихо сошла с крыльца и пошла по тропинке, минуя свою избу, к берегу, на котором, кажется, осталась бандитская бутылка. Зачем она была ей нужна, Князева еще не знала, но чувствовала — может пригодиться! Да хоть подбросить ее вместе с отпечатками бандитских пальчиков к тем гаражам! А потом звякнуть куда надо от имени какого-нибудь «очевидца» — мол, видела, как за гаражами двое незнакомых водку пили, а потом враз куда-то исчезли, будто сквозь землю провалились... Ах, как некстати приедет к ней Осокин! Но ничего, главное — ухватить сейчас эту улику!

Мария увидела бутылку сразу, осторожно взялась за нее снизу, вернула в большой лопух и быстро понесла к себе домой. Уже входя на крыльцо, увидела спешащую к ней Римму Сергеевну.

То, что произошло потом, можно сравнить с бешено сменяющимися кадрами видеофильма, который перематывают, отыскивая нужное место. Римма Сергеевна пришла с какой-то примочкой, которую пыталась приложить к ее голове. Они не успели вспомнить прошлое, обсудить сегодняшние события, как подъехал Осокин. Он был тактичен и не стал интересоваться, при каких обстоятельствах Князева подслушала бандитов. Главным для него было ничего не упустить из их разговора. Она передала его почти дословно.

— Обычно вам из автомата звонила. А тут чувствую — срочно надо... Вот и пришлось к соседям бежать. Теперь я уже, так сказать, расконспирирована...

— Думаю, ваши соседи — люди неглупые и не болтуны, так что — никто ничего. А я рад, что с вами познакомился... Думаю, мы сможем подарить вам сотовый телефон.

— Хорошо бы! А... вы сейчас — в город?

— Да.

— Довезите меня хоть до автовокзала! К дочке хочу съездить. У нее заночую. А то сегодня так перенервничала, что боюсь одна оставаться...

— Буду рад оказать вам услугу.

Как она ни упиралась, но Осокин все-таки довез ее прямо до дочкиного дома. Более того, довел до дверей, позвонил и передал Князеву из рук в руки. Убедившись, что Сергей Ильич уехал, мать все рассказала дочери — благо, они были одни, Игорь отправился к себе.

— Представляешь, их схватят возле ДК, посадят, и тут всплывет бутылка с их отпечатками — именно в том месте, где ограбили дельца... Может, потом и разберутся, что они ни при чем, но время-то пройдет! А чем больше уходит времени, тем спокойнее нам!

Дочь согласилась и проводила ее до автобуса.

Все получилось — бутылка в лопухе, но уже без целлофанового пакета крепко застряла в зарослях пижмы. Вернувшись к дочери, Князева тут же попросила ее набрать по телефону нужный номер и сделать свое анонимное сообщение. Ей показалось, что эту информацию приняли с интересом.

— Мама, а ведь ты спасла этого Комова...

— Да, дочка...

— И он должен будет сделать ответный ход! Если что...

— Да, дочка!

— Знаешь, ты только держись на ногах, а?

— Что еще случилось, дочка?

— К соседям приходили... Из какого-то частного детективного агентства... Спрашивали про меня...

Сердце у матери упало — неужели конец? Но почему из частного агентства?

Валентина тоже никак не могла понять, почему руководителю частного сыскного агентства, ее бывшему коллеге и хорошему товарищу, неизвестные, но далеко не бедные люди заказали информацию о девушке Асе Князевой. О том, чем она занимается, каков круг ее родственников, знакомых, как и с кем проводит свободное время и прочее. Валин товарищ, узнав о том, что мать этой Аси проходит по делу об убийстве Лисицина, и что этим делом наряду с органами занимается и Орлова, попросил у нее всю информацию об этой семье. Валентина рассказала о том, что знала, попытавшись разведать, кому это надо. Но товарищ, похоже, этого и сам не знал.

Сегодня они с Карпушкиным получили наконец подробные сведения о людях, отдохавших и лечившихся вместе с Лисициным. На первый взгляд, пути их никак не пересекались с убитым. Сыщики прекрасно понимали — если Горева из подозреваемой становится просто свидетельницей, то необходим какой-то эпизод в лисицинской жизни, потрясший кого-то настолько, что человек решил убить его виновника... Наверняка это произошло не вчера — в последние годы Лисицин был настолько ко всему равнодушен, что даже не способен на злодейство. Валентина заметила, что все чаще думает о Браткове... О Владимире Лукиче... Это его жена считает, что муж ничего не знает, а обманутый мужчина всегда ощущает тяжесть своих рогов... Вот и решил с помощью ножа справиться со своим унижением. Да так искусно, так тихо, что никто его и не заподозрил... Одно в этой версии было непонятно. Ведь с тех пор, как его жена познакомилась с Лисициным, прошли годы... А со временем ревность гаснет, пропадают ее острота и агрессивность... Тогда какие же чувства подвигли Владимира Лукича на убийство Лисицина? Нет, с Горовой все как-то более объяснимо. И каким боком соприкасается со всем этим копание в жизни Аси Князевой? Да, от версии с Горовой все-таки отходить нельзя...

В кабинет вошел Осокин и сообщил им удивительную новость — неизвестная осведомительница рассекретилась! И это — не кто иной, как Мария Степановна Князева! Она раскрыла себя, потому что услышала о готовящемся покушении на Комова. По ту сторону закона он, оказывается, имеет кличку «Комок»... Князевой срочно нужен был телефон, она не рискнула тратить время на хождение к автомату и бросилась к Горовой, у которой

есть мобильник. Так что Анна Николаевна тоже в курсе.

— Анна Николаевна в курсе... Ты даже не представляешь, Сергей, какие это пророческие слова... Она в курсе... У меня такое ощущение, словно мы находимся внутри загадки, а она обволакивает нас и не дает посмотреть на себя со стороны... Ее спокойствие говорит о том, что она знает все, но сама к убийству непричастна. А если и причастна, то косвенно... Возможно, преступление произошло по ее же разработанному плану...

— Нет, Валентина Васильевна. Она просто рада, что кто-то это сделал. Осуществил то, о чем мечтала она, но на что у нее не хватило бы ни сил, ни решимости, — заметил Карпушкин.

— Согласен, — заявил Осокин. — И у меня, ребята, появились странные мысли... Очень странные... Князева — осведомительница, за что ей, конечно, большое спасибо, Горева с этим убитым, которому она наверняка мечтала отомстить... Они в последнее время вроде бы сдружились, ведь так?

— Да, да, — подтвердил Карпушкин.

— А что их связывает? Только ли чисто соседские отношения и роли свидетелей?

— К тому же, кто-то интересуется дочкой Князевой, Асей, — добавила Валентина.

— А она, между прочим, трудится в страховом агентстве, — сообщил Осокин.

— Тогда нам срочно нужна сводка всех городских происшествий! Что у нас произошло в последние дни такого... ошеломляющего?

— Смотрел уже — ничего существенного, мелочевка, — ответил Осокин. — Пьяная драка на площади — тяжкие телесные. Вчера ночью у женщины сумочку вырвали на Советской улице... Денег там — около тысячи, документы. Ну, и кто-то проник в гараж к предпринимателю Ходынскому... Тут, скажу я вам,

головоломка... Известный или неизвестные пробрались туда необычным способом — через подземный ход!

— И... много взяли? — одновременно спросили Карпушкин и Валентина.

— Да в том-то и странность, что ничего не взяли! Во всяком случае, так уверяет потерпевший.

— Как это? Рыли-рыли, столько работали, рисковали, и — впустую? Не может быть! — уверенно заявил Карпушкин.

— Сергей, это — тот самый Ходынский, которого прокуратура обвиняла в неуплате налогов? — спросила Валентина.

— Он самый. Но ведь вывернулся, хитрец!

— Хотя «левых» денег у него — немерено-несчитано, — сказал Карпушкин. — Я им одно время занимался на прежней работе... Это жук «косит» под обычного гражданина средней упитанности, то бишь обеспеченности, хоромы себе не строит, живет в новых домах на окраине, хотя в городе есть квартиры и получше... И гараж у него самый обычный, только, может, замки покруче...

— Вот потому грабители подземный ход и вырыли! — заметил Осокин.

— То, что рыли не зря, очевидно, — начала Валентина. — Хотя очевидно и то, что весь основной капитал и недвижимость у него за границей... Но и здесь на «черный день» должно быть припрятано немало... И унесли, видимо, такую сумму, что Ходынский не решился даже заявить об этом полиции... Но вряд ли он захочет оставить грабителям такой подарок. В подобных случаях эти богатенькие сами ищут, кто их нагрел! Без нашей помощи! Вернее, без вашей. А вот к частникам они могут прибегнуть. Надо связаться с моим конкурентом. Он уже звонил, спрашивал меня о дочке Марии Степановны. Ему поступил заказ на Асю Князеву. Я не знаю, почему кто-то ею заинтересовался... Может, есть обеспеченный человек, который хочет на ней жениться и решил предварительно все узнать про свою будущую спутницу. А, может быть, подземный ход — это ее прекрасная идея! Идея страхового агента, который каким-то образом узнал о том, где «богатенький Буратино» хранит свои золотые, и...

Осокин пожелал им удачи и заявил, что сможет присоединиться к ним только после встречи с населением представителей УВД. Встреча эта начнется через два часа в ДК текстильщиков. Мария Степановна предупредила о покушении на Комова, и группа захвата уже готова. Сергей Ильич надеется, что операция пройдет успешно, и в их руках окажется, наконец, руководство одной из крупных бандитских группировок...

А Валентина решила заняться Асей Князевой, поговорить с ее соседями и сослуживцами. Сегодня выходной, и страховое агентство не работа-

ет. Значит, соседи... Почти все они были дома. Однако, поговорив с этими людьми, Валентина услышала от них стандартный набор положительных отзывов, и ничего, что проливалось бы хоть какой-то свет на то, зачем заказчику информации понадобилась эта Ася... Правда, Валентина не проявила в разговорах с соседями своих обычных тактических уловок. Просто ей стало не до них, когда по телевизору, который одна из соседок в связи с приходом Валентины и не подумала выключить, она услышала сообщение о покушении на Комова... Киллеров взяли в строящемся напротив ДК доме, на пятом этаже, где по будням велись отделочные работы. Один из них находился внизу, возле машины. Двое других — на боевых, так сказать, позициях, огневых рубежах. Группа из шести человек, ожидавшая убийц на шестом этаже, взяла их в тот момент, когда уже был произведен выстрел — по манекену, который «вышел» вместо Комова из машины... Валентина была потрясена увиденным — этот манекен хранился у оперативников еще с тех времен, когда она работала в команде Комова. А сделал его их коллега-художник, мечтавший создать в их городе музей восковых фигур. Он не успел этого осуществить — погиб от пули пьяного бандита. Манекен был столь искусен, что телезрители ни о чем и не догадались. Валентина сразу прикинула, какие сложности ждут Осокина и его коллег — бандит, находившийся возле машины, будет отрицать свою причастность к покушению! Она торопливо попрощалась с соседями Князевой и поспешила в УВД, уверенная, что поможет обнаружить какие-то зацепки для доказательства вины каждого. Ей очень хотелось зайти к Асе и, несмотря на отсутствие времени, поговорить с ней, но на ее звонок в дверь никто не ответил...

Однако, придя в ведомство Комова, Валентина поняла, что ее помощь, возможно, и не потребуется. Дело в том, что опера, запустившие в компьютер «пальчики» киллеров, обнаружили там точно такие же. Им крупно повезло — одни отпечатки принадлежали бандиту, пустившемуся в бега из зоны под Красноярском еще год назад. Другие — освободившемуся из той же колонии по амнистии. А вот хозяин третьих «пальчиков» — инженер, с виду интеллигентный человек, в свое время подозреваемый в разработке хитроумных ограблений. Однако вину его доказать не сумели. Это и был как раз человек, стоявший внизу, возле машины. Он утверждает, что приехал осматривать дом, потому что хочет купить здесь квартиру.

Как раз в это время компьютерщику принесли новые материалы, которые он тут же и занес в свой «комп». Это были отпечатки пальцев с бутылки, найденной возле гаража Ходынского. Анонимный очевидец утверждал, что за гаражами пили двое мужчин, которые позже исчезли, «будто сквозь землю провалились»... При подземном ходе это и немудрено... Их исчезновение примерно совпадало по времени с проникновением в гараж... Отпечатки принадлежали двоим — бывшему инженеру и киллеру, стрелявшему в манекен... Что ж, это позволит, наконец, упрятать за решетку мозговой центр теперь уже, кажется, несуществующей банды... А то, неровен час, наберет себе новых людей и возродит традиции...

Только вот для криминального деятеля его ранга подземный ход — это как-то несерьезно, по-детски... Впрочем, может, ему захотелось новизны? Но ради чего? Да ради того, что пропало из этого гаража! Ходынский не заявил о пропаже — значит, пропало столько, что и заявлять-то страшно, не то сам угодишь в кутузку...

— Только вот лопух меня смущает, — сказал Осокин. — За гаражами, как выяснилось, таких лопухов нет. Так что бутылочка эта, возможно, занесена откуда-то... извне, так сказать...

— Советую пока не упоминать об этом в документах, иначе рыба крупная сорвется... А когда будут доказательства его вины, его главенства над этой бандой, тогда можно будет к лопушку этому вернуться... И найти деньги золотоносного Ходынского... Ведь у кого-то они сейчас находятся!

Карпушкин вышел в коридор, а вернувшись, спросил, нет ли у кого-нибудь молока. Дело в том, что накануне он подобрал бездомного серого котенка, и вот теперь тот сидел в коридоре возле дверей и ждал хозяина. Валентина пожертвовала пачкой, которую по пути в полицию прихватила в молочном ларьке, и все умильно смотрели на лакающий пушистый комочек. А у Валентины вдруг закрутилась-завертелась какая-то мысль, связанная с... котятами? Как будто... О, да, соседка Аси утверждала, что девушка очень любит животных, особенно кошек, и ходит в какой-то подвал

их кормить... Завтра же надо заняться этим подвалом! Но почему завтра? Сегодня!

— Валентина Васильевна, предлагаю сегодня же вычислить убийцу Лисицина... У меня есть кое-что новое.

— Нет. Сегодня меня тянет к Асе Князевой. Как преступника — на место преступления... И к деньгам этого Ходынского... Тут у меня картинка вроде бы начинает складываться... Только есть недостающие звенья... Штрихи... А насчет Лисицина... Надо обязательно запустить к Анне Николаевне моего бывшего мужа. Пусть он для нас не сцену у фонтана изобразит, как Гришка Отрепьев в пушкинском «Борисе Годунове», а сыграет убитого лицом, так сказать, к лицу... Словом, явится к Горевой...

— Хм... Прямо в театр?

— А хоть и в театр! Оборудуем его всем, чем надо, и — вперед! А потом уж и будем вычислять... Хорошо бы завтра, мой бывший по понедельникам обычно свободен. Но ведь и в театре выходной! А, может, они из-за предстоящих гастролей шпарят без отдыха?

Карпушкин позвонил в театр, и ему сообщили, что понедельник действительно объявлен у них рабочим днем.

— Вот и хорошо. А я успею сходить на работу к Асе Князевой — за недостающими звеньями. Или звеном. А потом вместе будем наставлять моего экс-мужа и анализировать полученные сведения.

Подвал с кошками, в котором часто, уже по утверждению не только соседки, но и жителей близлежащих домов, бывала девушка в спортивном костюме — любительница кошек, Валентина открыла приспособлением, которое всегда находилось при ней. Кошки здесь действительно были, как и остатки еды, принесенной, судя по их виду, не так давно. Она осмотрела помещение — метр за метром. Ее

интересовало все — пол, стены, потолки, небольшие отсеки, сделанные с помощью перегородок, где жильцы хранили овощи. На всех кладовках — замки. Но у Аси такой кладовки не было — значит, нечего и рваться их осматривать. А вот стены подвала показались ей весьма и весьма интересными... Особенно хотелось ей дотянуться до нескольких плит, которые здорово отличались от других — очевидно, были приспособлены здесь недавно... Почему-то подумалось, что за ними можно устроить неплохой тайник... Но, может, это ей только показалось?..

На следующее утро Валентина связалась с руководством страхового агентства, объяснив, что ей нужна мелочь, пустяк, который, тем не менее, может помочь в раскрытии преступления. Руководитель агентства приняла ее сдержанно и сразу же дала понять, что у нее очень мало времени. Валя объяснила, что ей необходимо знать — не теряла ли в последние дни их сотрудница Ася Князева какие-либо вещи, на которых упоминаются ее имя, фамилия и, возможно, что-то еще. Начальница сказала, что ей об этом неизвестно, и тут же вызвала руководителя отдела, в котором работала Ася. Это тоже оказалась женщина, и она заявила, что очень внимательно относится к внешности сотрудников, чтобы — никаких брюк, на ногах — колготки и минимум украшений. Так вот Князева всегда носила тонкое, аккуратное золотое колечко, а теперь его нет... Сказала, что потеряла...

— А вы не знаете, была ли на колечке гравировка?

— Да. По-моему, ее имя и год рождения. Это мать ей дарила на совершеннолетие.

— Спасибо. Вы нам очень помогли, — искренне поблагодарила женщину Валентина и удалилась так же незаметно, как и появилась.

ГЛАВА 16

ПОСЛЕДНИЙ БАНДИТ

Мария Степановна Князева вошла в дом и поняла, что в состоянии сделать всего несколько шагов. Ну, может быть, еще хватит сил на то, чтобы раздеться. От нервного напряжения кружилась голова. Она подумала о том, что надо было остаться ночевать у дочери! Здоровье уже не то, чтобы вот так прыгать по всему городу и подбрасывать улики, спасая родное чадо. Она наклонилась, чтобы снять с себя обувь, и в этот миг стены вдруг как-то странно покачнулись, и Мария Степановна упала, ударившись боком о ножку табуретки. Она попыталась сесть, но стены, а с ними и пол крутились иплыли куда-то в сторону. А еще ее тошнило, и

она попыталась хоть ползком, но добраться до соседей! Дверь ей открыла Аня, она еще не спала. Узнав, в чем дело, предложила Марии Степановне остаться на ночь у них и немедленно вызвать «скорую». Но Князева была непреклонна — никаких врачей, и — домой, немедленно домой, уж слишком экстремальные события произошли в ее семье, и ей необходимо находиться у себя на боевом, так сказать, посту, а то вдруг нагрянут дочка с Игорем и привезут какую-то неожиданную информацию? Но поскольку она боялась в таком состоянии находиться дома одна, то попросила Аню побыть с ней хотя бы некоторое время, пока ей не станет лучше. Проснувшаяся Римма Сергеевна снабдила их необходимыми лекарствами и помогла внучке довести соседку до дома.

Аня сидела у постели Марии Степановны и тихо рассказывала ей о театре, спектаклях, которые они ставят, о своей жизни, о Глебе... Князевой потихоньку становилось лучше и она даже собралась вернуться домой, но тут раздался стук в дверь. Обыкновенный стук, не тихий и не громкий, даже какой-то осторожный, но обеим женщинам стало от него нехорошо, неудобно... Обе подумали об одном и том же — им грозит опасность!

— Подойди к дверям, спроси, кто, — прошептала Ане Мария Степановна.

Аня так и сделала.

— Да я от соседей ваших, — четко произнес мужчина, от голоса которого Князева похолодела и в страшном волнении чуть не сползла с постели. — Поговорить мне с вами надо, хозяйка! Так что вы уж, пожалуйста, откройте!

Он старался говорить спокойно и доброжелательно, но в голосе его все равно чувствовалась угроза. В глубоком, глуховатом голосе, который Князева уже слышала сегодня! Во-

дитель бандитского джипа... Нет, нет, ошибки быть не могло, это исключено, потому что она только слышала, но не видела этого человека! А в таких обстоятельствах запоминаются все оттенки голоса, его нюансы...

— Это бандит, Аня. Бандит! — зашептала Князева. — Он, видать, не поехал вместе с другими Комова убивать, остался не при делах, да кое-что и скумекал... Заговори ему зубы малость, скажи, чтоб подождал, а мы с тобой — в убежище мое! В подземный ход!

Все это Мария Степановна шепотом выложила на одном дыхании и стала одеваться. Аня же не могла понять, про какой это ход говорит ей соседка, и все ли в порядке с ее головой.

— Да ты не думай, что у меня бред начался! Подземелье тут есть настоящее! Иди к бандюге-то, иди, разговаривай! Мы так просто не сдадимся! Не на тех напал! Как хорошо, что ты всегда носишь с собой мобильник!

Аня вновь подошла к двери и, стараясь, чтобы голос ее звучал спокойно, сказала:

— Так поздно уже... Какие сейчас разговоры? Спать надо! Вы меня разбудили.

— Извините, хозяйка, но вы все-таки откройте! Спросить вас кое о чем надо... От этого, может, жизнь человеческая зависит...

— Жизнь? А что, кому-то плохо?

— Очень плохо!

— А вы из какого дома-то пришли? От кого?

— Да тут вот... Из крайнего. Вы меня не знаете, мы недавно здесь...

— Недавно? Это там, за мостом, что ли?

— Ага. За мостом. За ним.

— Ну, раз так... Но я не медик!

— Да вы откройте, я все объясню!

— Хорошо. Только вы уж потерпите, пожалуйста, я оденусь.

Женщины тихонько прошли в комнату, Князева взяла фонарик, откинула крышку погреба, и они спустились вниз, запершись изнутри. Отодвинув ящики с морковью, освободили себе путь и начали молча продвигаться вперед. А уже в конце подземного хода, когда бандит не мог услышать их голосов, позвонили Комову.

— Осокин слушает! — ответил им бодрый мужской голос.

Аня объяснила все быстро и толково — и где они находятся, и какая опасность им грозит. А Мария Степановна добавила, что днем на берегу бандитов было четверо, а возле ДК — трое, и этот недостающий, шофер, как раз сейчас здесь...

Оказывается, это сообщение слушал и Владимир Иванович. Он спросил, как женщины себя чувствуют. Узнав, что им трудно дышать, поинте-

ресовался, можно ли выбраться из подземного хода, а когда услышал положительный ответ, посоветовал им сделать это как можно быстрее и тихо отсидеться минут двадцать, а за это время они сумеют подъехать, потому что машина уже в пути! Естественно, Аня назвала ему номер своего мобильного.

Князева давно не вылезала из подземного хода с этой стороны и теперь осторожно отодвигала куски фанеры, картон, доски, загораживающие и маскирующие выход. В подземелье ворвался свежий воздух, стало легко дышать. Но, прежде чем вылезать наружу, женщины прислушались. Незваный гость уже не стучал, а колотил в дверь! Затем раздался звон разбитого стекла, а следом голос Риммы Сергеевны:

— Это кто ж там хулиганит, а?

— Цыц! Без тебя разберемся! — прокричал бандит.

Было слышно, как Римма Сергеевна захлопнула дверь, и женщины с облегчением вздохнули — хоть за нее не надо волноваться!

Между тем, вслед за разбитым стеклом на землю стали падать какие-то предметы. Женщины не могли понять, что там происходит.

— Поленницу, что ли, разбирает, — прошептала Князева. — Но зачем?

— Ну, не выйдешь сама, стерва? Тебя вывести, а? — кричал бандит.

Видимо, молчание хозяйки довело его до бешенства, потому что со словами «Сейчас тебя выкурю!» он вдруг что-то поджег — вероятно, поленья, сброшенные в кучу. Тут же столбом взвился яркий факел.

— Спалит ведь все, гад! Спалит! О, господи!

И Князева кинулась, было, к дому, но Аня ее удержала.

А к костру во дворе уже стали приближаться люди. Пророкотало несколько машин, при-

чем они не стали въезжать на мост, а свернули в поселок. Аня подумала, что теперь ей, по крайней мере, можно осторожно подойти к дому Князевой и встать рядом с остальными соседями, чтобы знать, что же там происходит. Но неожиданно до них донеслись какие-то команды, крики, выстрел, чей-то визг, а потом наступила относительная тишина, в которой ясно прозвучал голос Карпушкина:

— Анна Николаевна! Мария Степановна! Где вы тут? Это я, Александр Сергеевич, ваш старый знакомый. Сообщаю, что бояться вам больше нечего. Я стою на тропинке, которая ведет к реке. Можете спокойно выходить из укрытия.

— С поднятыми руками? — спросила Аня.

— А как хотите, лишь бы вы были живы и здоровы! Я готов вас обнять, расцеловать! Потому что сегодня вы помогли нам взять целую банду! Сейчас — их последнего представителя...

Мария Степановна и Аня вылезли из своей крапивы, и Карпушкин их действительно расцеловал! Аня тут же бросилась домой, Карпушкин еле остановил ее, чтобы вручить специально захваченный с собой запасной фонарик.

— Ну вот, то в убийстве нас подозревали, а то в щеки чмокаете, лобызаете, — проворчала Князева.

— А подозревать — это наша профессия, — весело заявил Карпушкин. И тут же заметил: — А здорово это вы придумали! С подземным-то ходом!

— Да это еще мой дядя... Смерчи тогда у нас бушевали. А он — бывший шахтер, в Караганде работал. Вот ему и пришло в голову сделать нам такое убежище.

— Молодец, дядя! А знаете, кто ваш подземный ход сумел вычислить и этот потрясающий секрет рассекретить?

— Хм... Знать — не знаю, но думаю, что Орлова. Уж больно ушлая баба!

— Точно! Она! — Карпушкин вдруг приостановился и заметил: — Надо же! Лопухи-то здесь как разрослись! Даже тропинку загораживают!

— Да уж, — согласилась с ним не подозревающая никакого подвоха Князева. — У нас тут они всегда огромные, прямо хоть вместо зонта в дождик бери...

— Удивительные лопухи! Может, нигде больше таких и нет...

Фонарик скользнул по лужице, сиявшей, словно стекло, и Князевой вмиг стало холодно и неудобно... Бутылка в лопухе... Ах ты, боже мой!

— Так уж и нет! Да в городе, на окраинах, например, полным-полно!

— Да? Надо же, Мария Степановна... А я вот был недавно возле новых домов, так ни одного лопуха не нашел!

— А на что они вам, Александр Сергеевич? Вы — человек молодой. Вам нужно изымать незаконно нажитые деньги да награды получать за пойманных преступников. Так ведь?

— Да так-то оно так... Только я — человек дотошный, мне хочется, чтобы все преступники-то, Мария Степановна, все без исключения были наказаны...

— А так не бывает! Вы — человек умный и должны знать, что если за мелкой рыбешкой погонишься, крупную проворонишь! Значит, за мелочевкой гнаться и не надо.

— Ну, судя по тому, как все получилось, вы правы. Но если по совести, то вы не можете быть правы!

— А если б я жила по чести и совести, то даже чужие разговоры не смогла бы подслушивать! И вам помогать! И сколько бы людей хороших полегло! Я ведь все делала на свой страх и риск, а для этого нужны были хитрость, изворотливость, врать приходилось напропалую, скрываться, убегать, вон как я из больницы убежала! Но мне это все нетрудно было, у меня состояние духа такое... А состояние духа, между прочим, передается по наследству...

— Вы так философски об этом рассуждаете, что почти убедили меня в своей правоте. Почти. И я склонен думать, что возле новых домов тоже растут такие лопухи... Но мне очень хочется знать, можно ли... избавиться от такого состояния духа, а?

— Ну, во мне-то он уже давно закрепился... А другим — можно. Другие избавятся, я вас уверяю!

— И больше у нас не будет проблем с лопухами?

— Никогда! — отчеканила Князева, понимая, что ее дочка отпущена на свободу!

— Да, таковы издержки нашего производства, — пробурчал про себя Карпушкин и подвел, наконец, Князеву к ее собственному дому с разбитыми окнами и спаленными дровами.

— Господи, да как же я ночевать-то тут буду, Александр Сергеевич? — спросила она.

Карпушкин извинился перед женщиной — оказывается, они хотели сразу вставить ей стекла, но все стекольные мастерские оказались закрыты, и предложил отвезти ее к дочери. Но тут к ним подошла Римма Сергеевна и уговорила Князеву остаться ночевать у них...

ГЛАВА 17

ОТКРОВЕНИЕ АНИ

Аня уже минут двадцать сидела на репетиции новой пьесы, автором которой был все тот же Вожанинов, и проклинала себя за то, что месяца два назад согласилась с выпуском на сцену первого творения этого автора. А вот директор считал, что одна дерьмовая пьеса театру не помешает, да и режиссер, этот дамский угодник, будет доволен и принесет много пользы, очаровывая нужных влиятельных дам, от которых зависит судьба всей труппы. В том числе и зарплата. Но этот деятель закурил удила и создал второй шедевр, от которого просто ломит зубы! Нет, следовало бороться до конца! В конце концов она тут заведующая литературной частью, а не уборщица! Аня тихонько встала и пошла в кабинет директора, который предпочитал не ходить на репетиции, чтобы не слышать и не видеть того, что там происходит.

— Арбенин! — вдруг закричал режиссер, и Аня остановилась, чтобы узнать, в чем дело. — Арбенин! Я опять не вижу движения мысли! И чувств! Неужели мне вновь воевать с вами, как в прошлый раз? Здесь вы должны рычать от злости на то, что вас достала эта мафия! Рычать! А вы удрученно молчите... Как агнец... Ну, вы понимаете...

— Хорошо, я буду рычать, — ответил Глеб. — Но это, по меньшей мере, не эстетично...

— Это моя забота! Ваше дело — выполнять то, что я приказываю! А вы, Павлова, почему вышли со своими ногами? Ваши ноги мешают моей идее!

Аня вновь села в кресло — решила дослушать этот бред до конца.

— Вы что молчите, Павлова? Я к вам обращаюсь!

— Да не знаю, что и сказать, — ответила молоденькая актриса Рая Павлова, девушка с замечательной фигуркой и столь же замечательными ножками.

— Вы кого играете? Осознаете?

— Да... Девушку, приехавшую в Россию на заработки...

— Откуда приехавшую, осознаете?

— Она — уроженка одной из азиатских стран... В пьесе не сказано, какой именно...

— Вы что, слепая? По улицам не ходите? Не видите? Да они все кривоногие!

— Во-первых, не все. Во-вторых, я-то, извините, не кривоногая!

— Вижу! Но у нас — не подиум! У нас — правда жизни! Я приказал иметь в реквизите две палки! Для вас! Вставьте их в свои сапожки с внутренней стороны... Я покажу, как... И будете колесить по сцене! И смешно, и правдиво...

— А мне не смешно... — Казалось, Рая вот-вот заплачет.

— Но это грубо, — вмешалась Аня. — Ведь не в этом — суть характера. Такой штрих ничего никому не прибавит.

— Не дело завлита делать замечания режиссеру! Знайте свое место!

Ане хотелось сказать о месте Вожанинова в искусстве, потому что оно, это место, было только на задворках, но она промолчала, так же молча вышла из зала и отправилась к директору. Он сидел в кабинете, уткнувшись в какие-то бумаги.

— Этот идиот репетирует еще одно дерьмо, — казала Аня, садясь в кресло, на которое указал ей директор. — Да еще требует от Раи, чтобы она выходила на сцену с кривыми ногами... Специальные палки для этого изобрел...

— Какой дурак! Да мужики с Раиных ног глаз не сводят! Если б не они, ножки эти, так

половина зрителей уходила бы в середине спектакля! Нет, уж этого я не допущу! И потом... Это же будет некоторый, так сказать, намек... У одного из замов самого главы жена, так сказать, несколько... э... кривовата...

— Кривонога!

— Ну да! И я не поручусь, что не будет скандала! Раина героиня в конце пьесы что делает? Устраивает свою личную жизнь. Выходит замуж за некоего чиновника... Вот тебе и аналогия! Этот зам с его женой получают пинка со сцены от нашего идиота и вообще вычеркнут театр из сферы своих интересов... А что ты думаешь? Да тут не только скандалом — тут огромными потерями пахнет! Театр вообще может быть исключен из дополнительного финансирования! А разве нам это надо?

— Конечно, не надо! — живо подхватила Аня, обрадованная такой неожиданной поддержкой. И тут же спросила: — А можно было вообще не ставить этот бред собачий?

— Да можно-то можно... Но скажу тебе, Анна Николаевна, откровенно — две дамы попросили. Оттуда! — И он указал рукой вверх, на потолок. — Эх, ладно, подумал, в последний раз! Зато обещали гастроли на юг сделать. Может, в Сочи. Отдохнете все, накупаетесь! Искусство требует жертв! — Директор помолчал немного, а потом неожиданно произнес: — Хорошо, что ты ко мне зашла. Хотел уж вызывать тебя с репетиции. Тут один мужчина тобой интересуется... — И, перейдя на шепот, добавил: — А, может, и не один... Всего тебе, Аня, сказать не могу, но — будь мужественна!

Аня шла и гадала, кому и зачем она понадобилась. И вдруг паркет перед ней покачнулся... Она увидела шедшего ей навстречу мужчину... Он был одет так же, как тот, в лесу... Те же брюки, рубашка, куртка... И он, как и тот, повторял одно и то же, только это была не «кровавая Мэри», а совсем другие слова... Наконец, она их разобрала... Он говорил: «Не бойся...» А она и не боялась... Она просто не могла понять, что происходит... Может быть, с ней случился глубокий обморок, и на какие-то мгновения она оказалась в иных пределах? Но она видит фойе театра, эти белые колонны... Видит, наконец, свои руки... Вернее, одну руку, прижатую к груди... А еще слышит собственный голос...

— Я не боюсь мертвых... Боюсь живых... Что тебе надо, убийца? Хочешь, чтобы я тебя простила?

— Да... И поняла... Ведь ты думала, что я нарочно... В отместку...

— В какую отместку? Про то, что вы меня, маленькую, украли, я узнала только что... Тебя уже, слава богу, не было в живых... А вина твоя, от которой камнеет мое сердце, в том, что ты мог не убивать, а убил... Ты мог, я видела, я ведь была рядом! Но ты не захотел остановиться... Ты чувство-

вал себя богом! И тебе было плевать на простых смертных... Тогда я, девчонка, плохо это понимала. Но потом...

— Хм... Но я не знаю...

Противник, видимо, действительно не знал, что сказать в ответ.

— И ты не сбежал лишь потому, что был уверен — свобода покупается! И ты купил себе избавление от тюрьмы... За свои вонючие деньги!

— Но... я, вообще-то, не предполагал, что меня могут посадить в тюрьму...

— Уйди с моей дороги, мразь! Ты что, забыл, как она лежала на асфальте, а ее голова... ее голова... Ее золотые волосы стали красными от крови... Забыл, как я кричала — мамочка, мамочка! И я рада, что кто-то воткнул в тебя нож! На земле есть справедливость!

— Но кто-то меня еще и отравил, — проворкотал он.

— Как же люди тебя ненавидят!

Аня не слышала, ответил он ей что-нибудь или нет. Она боялась сорваться на крик. Она уже плохо представляла себе, где тут реальность, а где хорошо срежиссированный выход этого «мертвеца» — надо же им, полиции, знать, в конце концов, кто лишил жизни этого подонка. И нашли же мужика... Прямо двойник, да и только... А, может, действительно душа убиенного может облекаться в плоть, чтобы убрать все неясности и выяснить, за что пострадал ее обладатель? Да только ведь он сам знает, за что. Душу-то, тем более собственную, не обманешь... А есть ли она у него вообще? Вернее — была ли? И опять качаются колонны... И начищенный до блеска паркет вновь начинает свое кружение, а потом падает — то вверх, то вниз... Мама в крови...

Цветы на маминой могиле... Их кто-то приносил каждое утро... Каждое утро... И она — тоже... И цветы неизвестного всегда лежали рядом с ее цветами... Может быть, в этом и разгадка?... В этих цветах... Два года назад она ездила на могилу матери... Там лежали красные лилии — за много лет ничего не изменилось... Она увидела их еще издали... Нет, нет, она не будет даже думать об этом! Столько лет она мечтала о мести! Господи, как трудно дышать! Как давит на нее прошлое... А этот посланец... то ли земных, то ли небесных сил, ждет от нее каких-то слов и поступков... Что ж...

— Это я прислала тебе записку от нее... От мамы...

— Но почему там стояли инициалы — Л.Б.? Ведь она — Лилия Горева?

— После развода с отцом она вновь взяла свою девичью фамилию — Боброва. Господи, как мне хотелось тебя убить! Я думаю, тогда моя душа освободилась бы от ненависти... Да, я стала бы... свободной... Но почему — бы? Я стала свободной! Так что, иди! Возвращайся на свое место!

— Я пришел к тебе, потому что надеялся, что ты покаешься... Я хотел тебя спасти... И в смерти твоей матери я невиновен...

— Гад ползучий! Ты же был за рулем! Но я верю — ты давил не ее, а нас, серую массу... Тебе было плевать, кто лежит под твоими колесами — женщина, мужчина, ребенок... Тебе, грязному подонку, внушили мысль о какой-то паршивой избранности... А ведь ее не существует! Все — божьи твари... Только для тебя мы — твари, похожие на муравьев... Вон отсюда! Уходи, а не то я убью тебя... Хочешь, чтобы я сказала — во второй раз? Да? Ты этого хочешь?

— Да.

— Нет, ты не получишь ответа! И те, кто тебя сюда послал, — тоже! Пусть поработают своими мозгами! Передай им это, если ты не призрак... А если все-таки... Что ж, я думаю, что тебе там уготован самый страшный адов круг... И в этом есть высшая справедливость!

Мужчина не успел ничего сказать — в холле появился Глеб.

— Аня! Вот ты где! А я тебя ищу!

Он подхватил ее, готовую упасть, и отвел к одному из старинных бархатных кресел, стоящих вдоль стен. Затем повернулся к мужчине и прямо спросил, что ему здесь нужно. Мужчина ничего не ответил и молча удалился.

В управлении бывшего мужа Валентины уже ждали. Валя собственноручно налила ему чая, подвинула печенье и заявила, что сейчас он совершил почти что подвиг.

— Похоже, у меня ничего не получилось, — с грустью констатировал он. — Единственное, что я понял, Валя, — что я, то есть Лисицин, виноват в смерти ее матери... Эта Анна так и сказала. С ней была чуть ли не ис-

терика... Она то шептала, то кричала, что ее мать лежала на асфальте, а голова в крови... А он, этот подонок, был за рулем...

— Да, да... Мне бы следовало об этом догадаться... И не отступать в архиве нарсу-да, а все-таки найти возможность ознакомиться с тем, вторым делом... Честно говоря, я подумала, что вся его коллизия — в нарушении правил уличного движения, но не предполагала, что это связано с человеческой жизнью. Мне дали понять, что на той полке, где лежат документы этого судебного разбирательства, хранятся лишь дела, неотягощенные смертью пострадавших... Так что, спасибо тебе, дорогой.

— Но ты несколько не удивилась...

— Признаюсь — мы оборудовали тебя маленькой «прослушкой»... Ну, совсем незаметной... И пока ты шел от театра к нам, уже отправили запрос по месту этого происшествия... В родной город Ани Горевой...

— Значит, вы следили за всеми моими словесными манипуляциями... За моей беспомощностью... Ты уж извини, Валя, но я предупреждал, что актер из меня — никакой!

— Что ты, дорогой! Артист из тебя замечательный! И спасибо за помощь полиции. Ты с блеском выполнил свой гражданский долг.

— И навлек на себя ее проклятие... Может, ей надо сказать, что я никакой не мертвец, а...

— Подсадная утка!

— Ну да!

— Может, и стоит... Посмотрим...

Он ушел, а Валентина перешла в кабинет Карпушкина.

— Ну, что, Александр Сергеевич? Месть за смерть матери? Смерть за смерть? Око за око? Но какой долгий путь! Слишком дол-

гий... Если она знала, где живет Лисицин, то чего ей было ждать, когда он отправится в этот санаторий?

— Ну, там все-таки лес... Никто ничего не увидит... Не заметит... Меня смущает то же, что и раньше — рана-то у Лисицина чисто мужская...

— Ах, не надо — мужская, не мужская... Это все так зыбко... Мужской удар может нанести и женщина, если ее переполняют эмоции...

— Может, да не так. Я же говорил вам про угол наклона...

Валентина подседа поближе к Карпушкину и разложила на его столе свои неизменные схемы места трагического действия и самого преступления.

— Предположим, что Аня встретила его в лесу и дала ему что-то выпить... Уж не знаю, каким образом, но что-то, содержащее лошадиную дозу лекарства... И когда он упал, всадила в него нож...

— Всадила... Не похожа она на садистку...

— Не похожа...

В кабинет вошел Сергей Осокин и сообщил, что дело о гибели Лидии Михайловны Бобровой в архиве нарсуда нашлось, что исчезало оно не по чьему-то злому умыслу, а просто его сдавали в переплет и забыли сделать об этом соответствующую отметку. Валентина не слишком в это поверила, помня о том, что все дела на той полке уже были переплетены, и почему-то именно эта папка оказалась без переплета, но не стала акцентировать на этом внимания. Ей поскорее хотелось узнать главное — что произошло тогда, десять лет назад, летним днем на оживленной дороге города-курорта? Происшедшее описывалось довольно скупо, но было указано, что все подробности дела могут быть высланы после соответствующим образом оформленного запроса органов внутренних дел. Это было странно — запрос они оформили как положено. Очевидно, там, в курортном городе, их коллеги просто решили потянуть время. А пока говорилось, что гражданин Лисицин, управляя своим автомобилем, совершил вынужденный наезд на гражданку Боброву, переходившую в это время дорогу по пешеходному переходу. Вынужденный — потому что в это время на дороге, чуть ли не под колесами автомобиля, оказалось сразу несколько пешеходов, пострадавших во время случайной драки. Драка же происходила на обочине тротуара. Этих пешеходов якобы просто отбросили сильными ударами, в результате чего они и оказались в зоне автомобильного движения.

По своему опыту Валентина знала — некоторые из этих вынужденных наездов оказываются сфабрикованными для того, чтобы избавить виновника происшествия от тюремного заключения. Интересно, очень интересно почитать показания свидетелей, среди которых должны быть и

обычные прохожие, и участники драки. Случилось это днем, людей на улице должно быть немало. Осокин пошел вторично оформлять запрос, надеясь получить дело по электронной почте уже через несколько часов.

Материалы дела пришли к вечеру и содержали весьма любопытные факты. О деянии, повлекшем по неосторожности смерть человека... Все изложенное выглядело довольно странно — свидетели, чьи фамилии были занесены в протокол прямо на месте трагедии, не упоминали ни о какой драке. Однако в процессе дознания появились еще два очевидца, которые и поведали, наконец, о гражданах, отброшенных в пылу драки на обочину дороги. И показания подкреплялись расплывчатыми сведениями гаишников, давших описание происшествия. Из этой сырой каши, которую даже не попытались хорошенько сварить, вытекал оправдательный приговор, так как водитель допустил нарушения правил дорожного движения под воздействием обстоятельств, пытаясь спасти жизни неожиданно появившихся на проезжей части граждан. Из-за каждой буквы этого дела выглядывали деньги... Кстати, откуда их брал Лисицин? Этого оперативники пока так и не выяснили...

Итак, виновный в смерти молодой женщины Лилии Бобровой остался безнаказанным. Он продолжал ходить по этой земле, есть и пить, улыбаться и радоваться жизни. Естественно, что Ане невыносимо было об этом думать. А уж когда она это увидела...

Валентина остановила себя — да, но как же быть с утверждением коллег о том, что убить Лисицина ножом мог высокий сильный мужчина? Впрочем, сначала это утверждение совсем не было категоричным... А если это все-таки действительно так, если виновный просто обязан быть богатырем, то все

их версии можно выбросить на помойку, а Горовой оставить в качестве оружия лекарство, которое в определенных дозах становится ядом... Но — не нож. И искать другую причину убийства, связанную, предположим, с профессиональной деятельностью пострадавшего... А ведь эта сторона дела вообще осталась у них в стороне. Вот только Кирилл Павлович давненько не вспоминал о своей профессии. Ни о самолетах, ни о мотоциклах. Зато женщины, похоже, ни в чем ему не отказывали. Отсюда, скорее всего, и деньги. Так что круг замыкается на прекрасном поле. Впрочем, тогда и трагедия десятилетней давности остается как-то в стороне... А, между тем, разве нельзя предположить, что ее последствия простираются не только на членов семьи погибшей Бобровой, но и на иных людей, хотя бы на одного человека, связанного с ней пока неизвестно какими узами? И если это так, то убийца Лисицина должен был находиться в лесу рядом с ним! Так кто же он? Один из рыбаков? Из отдыхающих? «Случайно» проходивший мимо грибник? А почему и нет?..

Карпушкин и Валентина закончили это обсуждение уже затемно. Прежде чем разойтись по домам, они позвонили директору санатория и попросили его как можно быстрее представить списки всех мужчин, лечившихся у них вместе с Лисициным, а также описание их внешних данных и сведения о характере заболеваний.

Уходя из кабинета, Валентина захватила с собой все свидетельские показания по этому делу. Ей захотелось их перечитать...

ГЛАВА 18

ОПЯТЬ СЛУЧАЙНОСТЬ?

Комов не удивился версии Валентины об ограблении Ходинского, которое, впрочем, не было официально зарегистрировано. Оказывается, перед ним давно лежал план поселка и расположение дома Князевой, которое наталкивало на определенные мысли. И он прекрасно помнил предпоследний звонок Марии Степановны, которая пыталась обменять угрозу ареста близкого человека на свое дальнейшее сотрудничество с органами. Правда, сначала, изучая расположение князевского дома, он не связал с ним подземный ход, прорытый в гараж. Валентина подошла к этому вопросу психологически тонко и оказалась права. Ходинскому же, как пострадавшему, было объявлено о результатах экспертизы и о видимой причастности бандитов к вскрытию его гаража. Он принял это сообщение довольно спокойно, и оперативники сделали вывод, что

такой жук мог и не поверить их выводам. Следовательно, существовала угроза жизни Аси. Поэтому руководителю частного детективного агентства, в которое обратился владелец гаража, с помощью Валентины было разъяснено, что от него требуется — убедить Ходынского, доказать ему, что авторство и исполнение гаражного подкопа принадлежит бандитской группировке. А еще дать ему понять, что не стоит продолжать самостоятельные поиски, поскольку деньги из гаража уже находятся в закромах государства.

Правда, обвинение против бандитов, якобы взломавших гараж Ходынского, держится на одном-единственном хлипком доказательстве — несчастной бутылке из-под водки, которую неизвестно еще где и пили! Сами бандиты не скрывали, что крайне удивлены этим обстоятельством. Когда их привезли на место преступления, чтобы провести следственный эксперимент, они с любопытством взирали на подземный ход, который видели впервые. И хотя Владимир Иванович имел все доказательства виновности Аси, он предпочел ее аресту полную ликвидацию криминальной группировки...

Совершенно особые отношения сложились у Комова с Марией Степановной. Она тоже оказалась из породы «чистильщиков». Дом ей отремонтировали, вручили сотовый телефон, а вот от денег она отказалась, заявив, что старалась вовсе не из-за материальной выгоды. Владимир Иванович периодически звонил Князевой, спрашивал, не требуется ли ей какая-то помощь, при этом они разговаривали обо всем на свете. Он понимал, что вряд ли еще когда-нибудь получит от нее важную для них информацию, так как бандитское гнездо уже ликвидировано, но его вдохновлял сам настрой этой

женщины, ее стремление любыми способами разделаться с подлыми людьми...

Позвонил Геннадий Васильевич, директор санатория в Косом ручье, и поблагодарил за то, что все нынешние и будущие пациенты теперь знают — убийство произошло по личным мотивам, оно, можно сказать, уже раскрыто, и людям, стремящимся поправить там свое здоровье, ничего не угрожает. Комов тут же связался с Карпушкиным, чтобы узнать, на какой же версии остановились они с Валентиной. Но Александр Сергеевич сам ждал сообщений от Орловой, которая отбыла на черноморский курорт, где гастролировал их родной театр вместе с завлитом Анной Горовой. Именно в этом городе погибла ее мать...

А Валентина, приехав в южный город, тут же отправилась в театр. Ани там не было. Сказали, что она ушла, не дожидаясь окончания дневного спектакля. И тогда Валя отправилась туда, куда подсказывала ей интуиция...

Кладбище дышало покоем, даже птицы не высвистывали свои трели так, как это делают в обычных местах. Еще только войдя сюда, Аня поняла — ей здесь хорошо. Она шла по асфальтированной дорожке, солнце светило ей прямо в лицо и создавалось впечатление, словно двигается она по солнечному лучику, который тянется к ней прямо от последнего пристанища матери... Что он связывает их... Аня уже повернула направо, на тропинку, петляющую между могил, но неожиданно луч исчез... Она вскинула голову и всмотрелась — могилу матери заслоняла чья-то широкая спина, покачивающаяся из стороны в сторону. Оказалось, человек переминался с ноги на ногу... А еще он нагибался и поправлял красные лилии, которыми, словно покрывалом, накрыл место успокоения любимой женщины... Красные лилии... Аня остановилась, и до нее долетели его горькие, печальные слова:

— Ли, дорогая... Мне все еще больно... Ты снишься мне всегда... И как будто мы просыпаемся вместе... И мы счастливы... Нам хорошо... Я говорю это тебе, а ты говоришь это мне, и мы оба смеемся... А этот подонок уже не ходит по земле... Он отправился прямо в ад... Знаю, ты недовольна... Ты всех простила... К тебе пришла твоя дочь... И сейчас мы познакомимся...

Мужчина обернулся и подозвал Аню. Она подошла и положила рядом с лилиями две красные розы.

— Я — Василий Иванович Рекунов. Учитель истории. Я любил вашу маму...

— А она?

— А она, мне кажется, не успела в этом разобраться... И мне жаль... Солнце погасло...

— Неправда. Оно светит.

— Да. Но это потому, что зло наказано. И... спасибо вам за то, что вы выбросили нож... Без него трудно найти убийцу...

— Нож? Ах, да... Но я его не убивала! То есть... я не дотрагивалась до него ножом! Он выпал у меня из рук... И я побежала дальше! А когда шла обратно, то... все уже было кончено!

— Знали бы вы, как мне хочется сказать, что я не остался перед вами в долгу! Только это не так. Но, тем не менее, я возвращаю вам вот это. — И он протянул девушке небольшой пластиковый стаканчик с крышечкой, из которых пациенты санатория пили кислородный коктейль.

А она-то чуть с ума не сошла, ища его по всему лесу! Но все-таки спросила:

— Зачем?

— Чтоб вам было спокойнее. Вы молодец, все правильно рассчитали. Видимо, он вас не знал, потому что принял из ваших рук тот коктейль. «Ах, Кирилл Павлович, как я рада, что вас нашла! Вот, пожалуйста... Вы ушли без кислородного коктейля, и это наша вина — их подали с опозданием... А он вам обязателен... Меня Рита к вам послала»... Я все это слышал... Я стоял почти рядом, я готовился...

— Готовились? К чему?

— К тому, что произошло потом. Я все годы к этому готовился. Но не мог его найти. А тут приехал, чтобы с вами, наконец, познакомиться. Рано приехал, не хотел вас будить, решил немного побродить по лесу. И неожиданно встретил его...

— Ха! Хорошо же вы готовились, если воспользовались моим ножом! У вас даже не было оружия!

— У меня есть собственные руки... К тому же вы значительно облегчили убийце за-

дачу, дав этому скоту пойло, после которого его сердце сбилось с ритма... А нож вы, я думаю, захватили с собой случайно.

— Не случайно, Василий Иванович! Я захватила его для самообороны. И не заметила, как выронила. Волновалась очень. Мама всегда говорила — если тебя ударили по одной щеке, то не подставляй другую, а просто уйди... Но это неправильно! И я его наказала. Правда, в полиции говорили, что, если бы не удар ножом, то он остался бы жив... Я как сейчас его вижу... И слышу, как он хрипит про «кровавую Мэри»...

— Мэри... Твоя мама говорила мне про Мэри Пикфорд... Образ талантливой актрисы, воспоминания о прошлом, коктейль с таким кровавым названием, кровь, которую он видел на своей рубашке... Все это смешалось у него в одно...

Аня бережно провела рукой по изображению на памятнике, наклонилась и поправила цветы.

— Прости, мамочка, и спи теперь спокойно! За нас не волнуйся, у нас пока все ничего. Я замуж собираюсь. Тебя с ним обязательно познакомлю, сюда приведу. У него сейчас по три-четыре спектакля в день, не вырваться. Но в ближайший же выходной...

С кладбища они пошли вместе.

— Значит, вы могли быть моим отчимом... — задумчиво проговорила Аня.

— Да. Это было почти решено.

— Не знаю, была бы я рада или нет... Все-таки вы совершили кровавое дело. И... если бы мама об этом узнала, она бы за вас не вышла.

— Если бы узнала... Да если бы она была жива, то и не было бы никакого кровавого дела... Которое я все-таки не совершал!

— О каких это кровавых делах вы ведете речь, Анна Николаевна?

Девушка вздрогнула и обернулась. Недалеко, шагах в десяти-пятнадцати от них, стояла Валентина Васильевна Орлова. Аня поздоровалась с ней, не преминув тут же заметить:

— А подслушивать нехорошо!

— Конечно. Вообще сыщики делают много нехороших вещей, чтобы узнать правду о преступлении. И все потому, что преступники всеми силами стараются эту правду скрыть. Разными способами. Вот сейчас мне бы надо тактично отойти от вас и дать вам возможность поговорить. Думаю, что разговор у вас идет о Лилии Михайловне Бобровой, ведь так?

— Разумеется. Об этом нетрудно догадаться.

— Конечно. Но догадаться о том, кто ваш спутник, гораздо труднее. Вот и приходится оставить в стороне такт и спросить, как зовут мужчину приятной наружности, исправно посещающего могилу Бобровой? А? Скажу сразу — по описанию Риммы Сергеевны вы очень похожи на Василия

Ивановича Рекунова, который ухаживал за Лилией Михайловной и, очевидно, тяжело пережил ее смерть...

— Все правильно, — тихо произнес Рекунов. — Я слышал о вас, Валентина Васильевна. В газетах читал. И даже, кажется, в книге. Но вот уж не думал не гадал, что нам придется встретиться... Да еще в такой обстановке...

— Так ведь и я, Василий Иванович, об этом не думала. И сначала все — и яд, и нож — свалила на бедную девочку... Но уж слишком тяжела была бы ноша... Ее хрупкие плечики вряд ли смогли бы выдержать...

— Разумеется, вы правы. Аня здесь ни при чем. Как и я.

— Вы думаете, у меня нет доказательств? Хорошо. Придется вам признаться. Аня знакома с Владимиром Лукичем Братковым. Так ведь, Анна Николаевна?

— Так. Мы вместе проходили свидетелями по делу о смерти Лисицина.

— Проходите. Дело еще не закрыто. Так вот. Вряд ли он известил вас, Анна Николаевна, о том, что его жена, оказавшись без него на черноморском курорте, познакомилась с Лисициным и была с ним в близких отношениях. Для мужа это явилось страшным ударом. С годами рана не затягивалась. И вот совершенно неожиданно он, заядлый рыбак, встречается на реке своего обидчика... Лисицин его не знает, да и жену его вряд ли помнит. Но Владимир Лукич вновь полон ненависти и решается на крайний шаг... Наступает подходящий момент... Утром он видит прогуливающегося Лисицина... Одно-го... Братков оставляет свои удочки и поднимается вверх с оружием, которое заранее приготовил... И видит, что его опередили... Вы, Василий Иванович! Вы! Думаю, не обо-

шлось и без участия Анны Николаевны, но ее Братков в то время не видел. Да и вы быстро исчезли в утреннем, так сказать, тумане... Владимир Лукич возвращается к удочкам, а затем, уже по зову Анны Николаевны, бежит наверх, к пострадавшему...

Рекунов и Аня стояли как вкопанные, не шевелясь. Аня очнулась первой:

— Прекрасный вышел бы сценарий для современного детектива... Знаете, такая мелодрама с убийством... Но только, Валентина Васильевна, здесь, рядом с вами, нет виновных! А если кто и пострадал, то, как мудро сказано, — да воздастся!..

Вечером перед началом спектакля Аня выглянула из-за кулис и увидела в зале Рекунова с Валентиной. Они что-то горячо доказывали друг другу. Совсем недалеко от них сидели отец с Верой — они приехали сюда, как и обещали. Еще тогда, в поселке отец открыл ей тайну Мэри. А вот тайну кровавой Мэри должна знать только она... Она одна... Правда, она боялась вида крови и никогда бы не смогла убить человека жестоким, кровавым способом. Но умирающий, видимо, чего-то не понял... Ему показалось невообразимое... Вполне возможно, что перед смертью иные люди вообще сходят с ума...

А Валентина, выложив Рекунову все, что о нем думала, вдруг услышала от него необычную просьбу. Василий Иванович официально обращался к ней в агентство с целью найти настоящего преступника, которого он видел, но которого совершенно не знал. И не хотел, чтобы этот человек был наказан. Однако нужно было, чтобы сыщики узнали правду — из-за Ани. Она не должна думать о нем, Рекунове, как об убийце, должна жить спокойно и счастливо, в ней — душа его любимой женщины...

Тетя Жанна встретила уставшую от тяжких дум и сомнений Валентину по традиции — отличными пирогами.

— Ну, что, узнала, кто убил «корейца»-то, а?

— Может быть, узнала...

— Кто? Мужчина? Женщина?

— Может, оба...

— Вот это да! И чего теперь им будет?

— Ничего, тетя Жанна... Так и будут жить, как жили. Если смогут. Нет у нас доказательств...

— Это что же — значит, ты оплошала, а? Да ни в жизнь не поверю! — горячо заявила тетя Жанна.

— Оплошала, не оплошала... Не знаю, как и ответить... Он женщину убил... Ехал на машине и задавил на дороге...

— Давно?

— Да. Еще когда здесь жил. Думаю, был пьяный, просто это не зафиксировано, деньги вмешались. Так вот дочка погибшей, кажется, его отравила, а человек, который эту женщину любил, нанес ему удар ножом... Смертельный...

— И правильно сделал! Только...

— И никто ничего не видел. Ножа нет. Но я представляю, как все было... Словно фильм смотрю... Мне, конечно, можно сейчас разбиться в лепешку и доказать их виновность! Для этого есть много способов, которыми я владею! Но сколько на это уйдет сил, времени, а, главное — души... Уж и так целый месяц разбираемся... А цель? Засадить! Только другая задача благороднее — чтобы как можно больше справедливых людей ходило по земле! На свободе! Им трудно, и они часто совершают необдуманные поступки, стремясь всех сделать счастливыми и не понимая, что это невозможно... И если я добьюсь их ареста, зло только увеличится...

— Вот ты мечешься, мечешься... Только знаешь, чего я тебе скажу? Если бы ты хоть раз поглядела на гонки, которые они тут устраивали, ты бы только там и копала. Это как в рулетку. Там ведь и деньги немалые были замешаны! Я уж от невестки своей да ее братца обо всем этом наслышалась! Ставят болельщики, к примеру, на какую-то машину, ну, что она придет первой, как лошадь на скачках, а «кореец» даст своим мальчикам задание их шину подпортить или еще чего, а то и в дороге устроить какой-нибудь «сюрприз»... Люди целые состояния теряли!

— И вы, тетя Жанна, только сейчас мне об этом говорите! Да как же вам не стыдно! Я тут перерыла все судебные архивы...

— А этого, Валечка, в архивах-то нет. Это на совести каждого осталось. «Кореец» всегда действовал внаглую. А почему тебе сразу не сказала... Так ведь, во-первых, ты никому о своих сомнениях не говорила, вроде как все уже нашла. А во-вторых, боятся люди... До сих пор боятся...

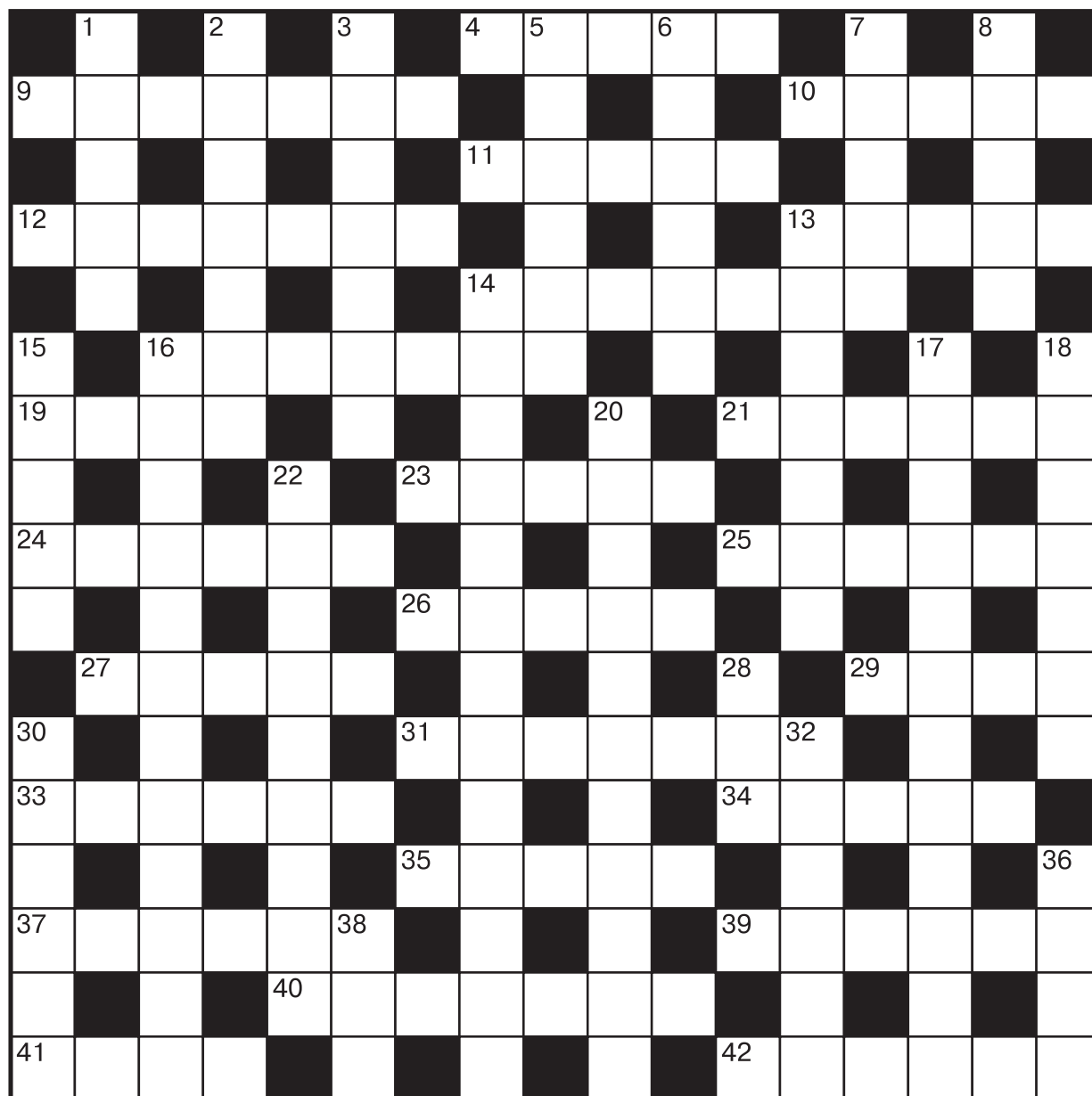
Валентина вспомнила, как, просмотрев представленный директором санатория список лечившихся там мужчин, они остановились на двоих, подходящих по комплекции для совершения убийства. Один из них все еще находился в Косом ручье, а другой уехал в неизвестном направлении, оставив в своей палате какое-то письмо. Она тут же позвонила Комову и попросила узнать об этом послании. Смешно сказать, но уже через час с небольшим Валя услышала, что бывший гонщик и неизлечимо больной человек Владимир Коханов признался в убийстве Лисицина... Получилось, что тетя Жанна махнула волшебной палочкой... Но Валентина все-таки напонила самой себе, что случайность — это огромный труд! Это работа!

Вот так и закончилась эта история. Осталось сказать немного. В поселке отшумели две свадьбы. Сначала Аня стала Анной Николаевной Арбениной. С этим новым этапом жизни ее поздравил и Василий Иванович Рекунов, которого молодые вызвали на торжество аж из-за границы. Орлова сочла приглашение на эту свадьбу простой данью вежливости, но Глеб специально нанес ей визит и убедил придти.

А через неделю Ася с Игорем повторили «подвиг» Арбениных. Присутствовали все те же, потому что гостеприимная Римма Сергеевна не отпустила приехавших издалека Николая Егоровича с Верой и Рекунова. Все те же, и... Мария Степановна, которой Валентина предложила работу в своем агентстве.

Все довольны, полны надежд, а пессимисты обязательно скажут, что такого не может быть! Но в том-то и дело, что все действующие лица этой драмы, будь у них хоть тысячи проблем, умеют смотреть на мир с улыбкой... Чего и вам желают, дорогой читатель! □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой австрийский классик, сам того не ведая, сочинил музыку немецкого гимна? **9.** Для пущего оптимизма его неплохо украсить словами «Другие не лучше». **10.** Первый аргентинец, получивший «Бриллиантовый мяч». **11.** «Так что ж друзья, коль наш черед, да будет ... крепка!» **12.** Дело

ювелира. **13.** Концертный фильм британской рок-группы Led Zeppe-
lin назвали «... остается все такой же». **14.** Фанат компьютерных миров. **16.** Древний грек, прозванный «отцом истории». **19.** Вечерняя загрузка желудка. **21.** Чей календарь запечатлен на знаменитом «Камне солнца»? **23.** Инструмент для рисо-

вания у кондитеров. **24.** «Бабушка рока», которая однажды ушла от своего мужа, имея в кармане всего лишь тридцать шесть центов. **25.** Древние бритты сделали ЕГО своим символом борьбы с саксонскими захватчиками. **26.** Веревка парашюта. **27.** «Взятие измором». **29.** Подмосковный город с домом-музеем Петра Чайковского. **31.** Экранизированный рассказ «Скверный ...» Федора Достоевского. **33.** Собачья общага при барском доме. **34.** Игра, где действует принцип «пяти жизней». **35.** «Если мне удалось сделать ..., и это становится известным: я чувствую себя не вознагражденным, а наказанным». **37.** Кого все норовят обмануть, хотя он «всегда прав»? **39.** «Догонялки с завязанными глазами». **40.** Врач из стоматологической клиники. **41.** У тихони — кроткий, а у дебошира — буйный. **42.** Трудовой коллектив из «Котлована» Андрея Платонова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пчелиный корм. **2.** Одних ОН удивляет вопросами, других — ответами. **3.** Отрывное изо-

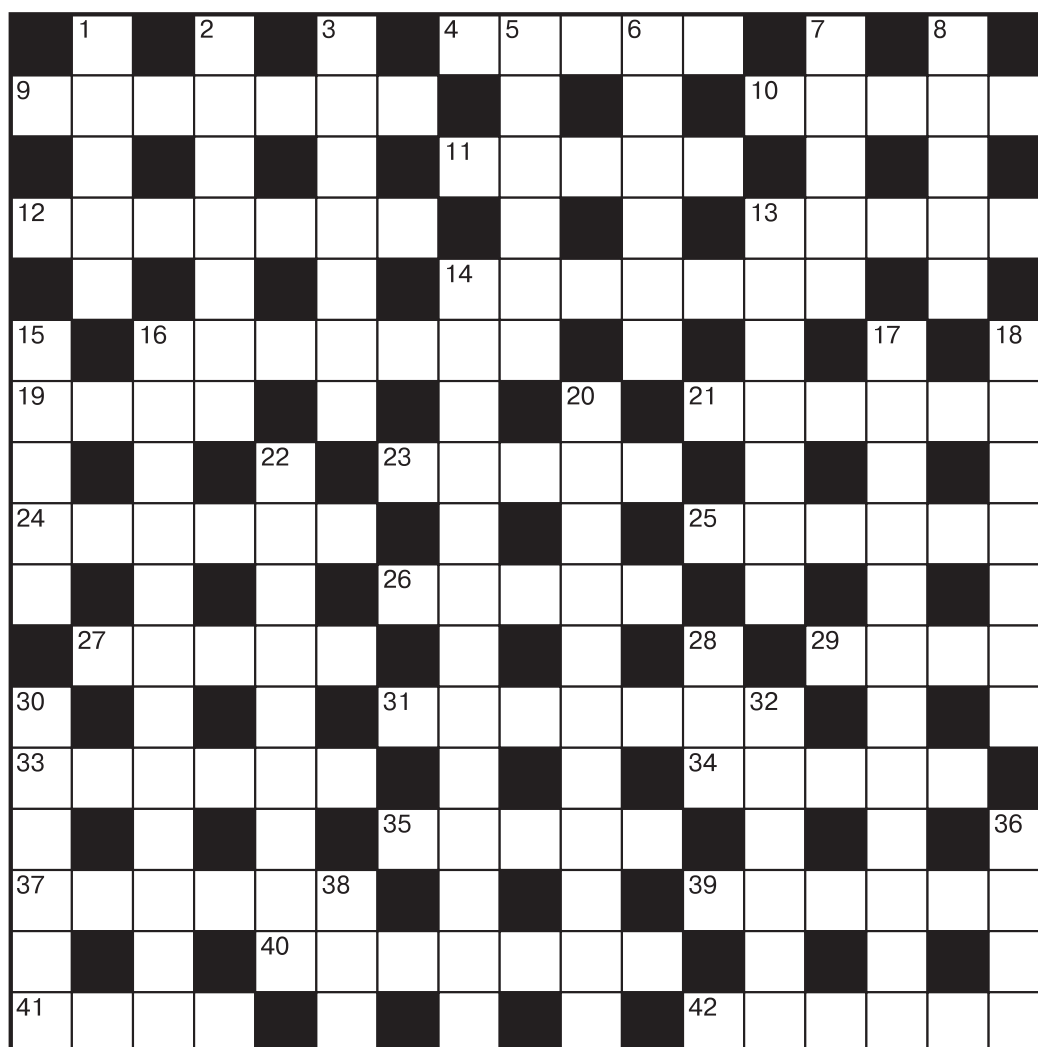
бретение американца Марка Твена. **5.** От чего страдает мать героя детективного сериала «Глухарь»? **6.** «Ручной дятел» плотника. **7.** Из чего возрождается птица Феникс? **8.** «Пусть проходит лето и приходит ..., не забыть нам никогда московские огни». **13.** «Бронежилет» на черепахе. **14.** Законченный курс прививок приличия. **15.** «Меховая варезка» на обе руки сразу. **16.** Отдел физики, чей основной закон открыл француз Блез Паскаль. **17.** Основа хамства. **18.** Музыкальный инструмент в комнате Володи Шарапова из народного телесериала «Место встречи изменить нельзя» Станислава Говорухина. **20.** Профессия жены героя фильма «Иван Васильевич меняет профессию». **22.** Эрцгерцог из начала романа о бравом солдате Швейке. **28.** Чем однажды пытался сам себя отравить Борис Пастернак? **30.** Охранник сироты. **32.** «Будильник» на духовке. **36.** «Безоблачный колер». **38.** Из какой греческой буквы «получился» христианский крест?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Связист. **7.** Эпос. **10.** Жизнь. **12.** Импровизатор. **13.** Химик. **15.** Мафиози. **16.** Котлин. **19.** Шах. **20.** Аммиак. **24.** Иглу. **25.** Компромат. **27.** Ритм. **28.** Папайя. **29.** Присяга. **30.** Венера. **31.** Гавайи. **33.** Пес. **36.** Сдача. **37.** Ротатор. **40.** Место. **42.** Немов. **43.** Икебана. **44.** Днепр. **45.** Флокс. **46.** Квартет.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Финиш. **2.** Интим. **4.** Вампир. **5.** Зараза. **6.** Севр. **8.** Патологоанатом. **9.** Странгуляция. **11.** Вздох. **14.** Казак. **16.** Кацап. **17.** Габрово. **18.** Смелана. **21.** Кобра. **22.** Спуск. **23.** Жонглер. **26.** Таракан. **29.** Прадо. **32.** «Очаков». **34.** Солнце. **35.** Песня. **36.** Ступа. **38.** Тесла. **39.** Рокки. **41.** Сбор.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какого из мифических героев мать закаляла в огне и натирала амброзией? **9.** «Серое вещество» в нашем мозгу. **10.** Русская вышивка «Кадомский ...» **11.** Красочная процессия, которая предшествовала состязанию колесниц в Древнем Риме. **12.** Кто с пылающим мечом стал сторожить вход в рай после изгнания оттуда Адама и Евы? **13.** Самое начало мезозойской эры. **14.** Итальянская волынка. **16.** Последний роман Агаты Кристи с участием Эркюля Пуаро. **19.** Каждый

из жителей планеты Блук из фантастической повести «Алиса и три капитана» Кира Булычева. **21.** К какой династии принадлежал не только Веспасиан, но и Тит с Домицианом? **23.** Инженер, получивший патент на пневматические автомобильные шины. **24.** Эконом из Благородного пансиона, послуживший прототипом дяди из лермонтовского стихотворения «Бородино». **25.** Кто построил в 1893 году на международной выставке в Чикаго первое в мире «чертово колесо»? **26.** Конный гла-

диатор с копьем. **27.** Торговое судно у викингов. **29.** Дерево, «пришедшее» с повинной. **31.** Один из четырех исполинских слонов в «Цвете волшебства» англичанина Терри Пратчетта. **33.** Японская куница. **34.** Чем подклеивали сильно оттопыренные уши во время съемок Кларку Гейблу? **35.** Какой хоккейный вратарь получил прозвище «Железная маска»? **37.** Какую птицу считают «самой опасной на Земле»? **39.** Какой предмет с надписью «Все возвращается» на латыни заключен внутри булавы президента Украины? **40.** Октябрь у древних славян. **41.** Какую машину Арнольд Шварценеггер купил у австрийского правительства за полтора миллиона долларов? **42.** Самая титулованная в истории биатлонистка по числу золотых медалей на чемпионатах мира.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Платок к купальнику. **2.** Царь обезьян из индийских мифов. **3.** У какой страны в Южной Америке самая маленькая территория? **5.** Тропическая рыбка, вынашивающая потомство во рту. **6.** Племя, чьи воины бьются с кентаврами на полотне Себастьяно

Риччи. **7.** Итальянский математик, с чьим именем связывают открытие правила решения приведенного кубического уравнения. **8.** Португальский народный танец. **13.** Клип «короля попа» Майкла Джексона, удостоенный «Оскара». **14.** Взятие этой цитадели ознаменовали первым официальным в России воинским парадом. **15.** Врач, у которого после пожара в Венской опере возникла идея создания службы «скорой помощи». **16.** В каком концлагере трагически оборвалась жизнь старшего сына Иосифа Сталина? **17.** «Дубовый холм». **18.** Линкор, на борту которого Дуглас Макартур принял капитуляцию Японии 2 сентября 1945 года. **20.** Из какого мышьякового минерала средневековые алхимики пытались добыть золото? **22.** Плавный переход от светлого тона к темному в живописи. **28.** Содержимое мешка, на котором восседает японский бог плодородия Дайнеку. **30.** Воротца в крикете. **32.** Какое слово долго заменяло в русском языке французский «эгоизм»? **36.** Три мили у древних египтян. **38.** ... Ниагарского водопада слышен в радиусе 20 километров.

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Гиббонс. **7.** Ялта. **10.** Сабор. **12.** Булленбейсер. **13.** Чайот. **15.** Дамассе. **16.** Ровоам. **19.** Бес. **20.** Одеяло. **24.** Грот. **25.** Акридофет. **27.** Буан. **28.** Раскоп. **29.** Обычник. **30.** Алонсо. **31.** Кантри. **33.** Пек. **36.** Хирка. **37.** Мелинит. **40.** Хапун. **42.** Токио. **43.** Геренук. **44.** Индун. **45.** Лауру. **46.** Штоллен.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Фалак. **2.** Комод. **4.** Имунан. **5.** Бальса. **6.** Нони. **8.** Листопрокатчик. **9.** Ахроматопсия. **11.** Делос. **14.** Табла. **16.** Ремер. **17.** Монблан. **18.** Десадос. **21.** Окобо. **22.** Пинчо. **23.** Полифем. **26.** Таламит. **29.** Остин. **32.** Эккерт. **34.** Кекуле. **35.** Тарни. **36.** Хурул. **38.** Нокан. **39.** Тиаре. **41.** Шерл.

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на **1 месяц** с учетом доставки стоит **79 руб. 20 коп.** Подписка на **3 месяца** с учетом доставки стоит **237 руб. 60 коп.** Подписка на **6 месяцев** с учетом доставки стоит **475 руб. 20 коп.** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта каталожная подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2013 года через любое отделение связи. Примерные образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Ни один из писателей-историков не нашел для этой женщины ни единого доброго слова. Мать четверых сыновей, двое из которых стали российскими императорами, и пяти дочерей — королев, эрцгерцогинь и великих герцогинь, она, до конца своих дней оплакивавшая вероломно убитого муж, всегда появлялась на страницах исторических романов как некий карикатурный персонаж, хотя императрица Мария Федоровна, супруга императора Павла Первого, ничем не заслужила такого отношения к себе...

Светлана **Бестужева-Лада** «Чугунная императрица»

« Русские имена не так уж часто можно встретить в летописи географических открытий, поэтому, когда речь идет о каких-либо первооткрывателях многих земель и материков, мы с изумлением узнаем о том, что они — русские. Так и с Михаилом Петровичем Лазаревым, которого одни знают, как участника битвы при Наварине, другие — как губернатора Севастополя, и лишь немногие — как участника трех кругосветных походов, во время которых была открыта Антарктида.

Денис **Логинов** «Первооткрыватель Антарктиды»

« Он входил в десятку лучших футболистов Европы. Его фотографии не сходили с обложек журналов и газетных полос. Он стал символом советского футбола 60-х... Игрок под номером «5», которого звали Валерий Воронин.

Алексей **Стасов** «Человек своего времени»

« В один прекрасный день вест мир ахнул: в возрасте 79 лет знаменитая итальянская актриса Джина Лоллобриджида объявила о второй в своей жизни помолвке. Ее избранником стал 45-летний Хавьер Ригау, преуспевающий испанский архитектор. Они вместе уже 25 лет. В ответ на «уколы» папарацци Джина говорила: «Если вы не можете понять, как молодой мужчина может хотеть быть рядом со мной, значит, вы ничего не понимаете в любви».

Майя **Орлова** «Итальянский вулкан»

« Детектив Александра **Аннина** «Игра на чужом поле»